

"Танцы с волками"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Майкл Блейк

Танцы с волками

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

Лейтенант Данбер на самом деле не был проглочен. Но это была первая мысль, пришедшая ему в голову.

Все вокруг было необъятным.

Огромное, безоблачное небо. Океан травы, перекатывающий свои волны. И ничего больше. Ничего, на чем мог бы задержаться взгляд. Ни дороги, ни следов колеи от большого тяжелого фургона, которые могли бы служить ориентиром. Только зыбкая паутина, пустое пространство.

Он был отдан на волю волн. Это заставило его сердце скакать в груди, биться незнакомо и глубоко.

Когда Данбер очнулся, он ощутил себя лежащим на твердой ровной поверхности. Лейтенант расчистил место среди травы, позволяя своему телу слиться со степью. Данбер попытался собраться с мыслями и найти определение своим ощущениям. Сердце прыгало. Он был напуган. Кровь стыла у него в жилах. Его мозг, натываясь на эти препятствия, действовал весьма странно. Слова постоянно вертелись в голове, но как только Данбер пытался составить предложение или фразу, которые могли бы описать то, что он чувствовал, мысли снова ускользали. Он не мог определить, насколько тяжело его положение.

На третий день, когда мысли перестали крутиться в голове, чей-то голос внятно произнес: «*Это религиозно*». И это словосочетание сразу показалось ему самым верным. Но лейтенант Данбер никогда не был верующим человеком, и поэтому, хотя слова и казались ему правильными, он никак не мог понять, что это значит и что ему нужно делать. Если бы мысли его не путались, Данбер мог бы найти этому объяснение. Но в грезах он перепрыгивал прямо через реальность.

А объяснение было простым. Лейтенант Данбер любил. Он был влюблен в эту дикую, но красивую страну и любил все, что с ней было связано. Это была та любовь, с которой люди мечтали всегда: самоотверженная и свободная от подозрений, благоговейная и бесконечная.

Данбера захлестнула волна любви, подняла его настроение, и от этого сердце снова забилося в груди. Возможно, именно поэтому мужественный лейтенант кавалерии подумал о религии.

Данбер бредил. Уголком глаза он заметил, как Тиммонс быстро наклоняет голову в сторону и плюет по тысяче раз в высокую траву, которая доходит бизону до живота. Это происходило так часто, что плевок выходил непрерывной струей, и человеку, сидящему на передке фургона, приходилось постоянно вытирать губы.

Данбер ничего не говорил, но непрекращающиеся плевки Тиммонса заставляли его внутренне отшатываться. Действия Тиммонса были безвредны, но тем не менее они раздражали, как это бывает всегда, когда наблюдаешь кого-нибудь ковыряющимся в носу.

Они сидели рядом друг с другом все утро. Но только потому, что ветер дул в нужном направлении. Хотя они и находились вместе, их ноги были вытянуты в разные стороны. Легкий,

но холодный ветерок был прав, и лейтенант Данбер мог учуять Тиммонса. В его неполные тридцать лет он нюхал много смертей, но ни одна из них не была отвратительна, как эта. Смерть всегда или пряталась от него, или обходила его стороной, но ни одна из таких вещей не могла произойти с Тиммонсом. Когда струи воздуха перемещались, зловоние от него окутывало лейтенанта как грязное невидимое облако. И когда ветер дул в сторону Данбера, лейтенант соскальзывал с сиденья и взбирался на гору провианта, сваленного кучей на кровати в фургоне.

Иногда он сидел там часами. Иногда спрыгивал в высокую траву, отвязывал Киско и уходил вперед на милю-две.

Данбер обернулся и смотрел сейчас на Киско, бредущего позади фургона. Морда лошади довольно пряталась в мешке с кормом, оленья шкура отсвечивала в лучах солнца. Данбер улыбался, глядя на своего коня, и от чистого сердца желал, чтобы лошади могли жить так же долго, как люди. Если повезет, Киско сможет прожить еще десять-двенадцать лет. После него могут быть другие лошади, но это животное — единственное на всю жизнь. Киско никто не заменит, когда его не станет.

Лейтенант продолжал наблюдать за животным, когда малюсенькая «оленья шкурка» вдруг подняла свои янтарные глаза и оторвалась от кормушки, будто хотела проверить, где хозяин. Удовлетворенная тем, что Данбер на месте и смотрит на нее, повернулась к холщовому мешку с зерном и снова захрустела.

Данбер выпрямился на сиденье и сунул руку в складки одежды, доставая сложенный лист бумаги. Этот листок был армейским бланком, и в нем содержался приказ ему, Данберу. Он сильно волновался из-за этого листка. Отогнав от себя тьму, Данбер почти невидящими глазами еще раз прочитал содержание этого документа. Он уже знал наизусть то, что было написано в приказе, потому что не менее полдюжины раз доставал его за все время пути с того момента, как оставил Форт Хэйс. Но ничего из того, что он знал, не могло помочь ему.

Его имя дважды было написано неверно. Майор, который подписал приказ и от которого несло спиртным, неловко протянул руку и задел рукавом свою подпись. Чернила еще не успели высохнуть, и в итоге подпись на официальном документе была смазана так, что невозможно было ее разобрать. В приказе не была проставлена дата, и лейтенант Данбер поставил ее сам, пока они тащились по тропе. Но он написал ее карандашом, а основной текст был написан чернилами. В довершение всего, перо майора царапало бланк приказа. Лейтенант подписал эту бумагу. Но она была не похожа на военный приказ. Скорее, это выглядело как хлам, старая макулатура.

Данбер смотрел на листок, напоминающий ему о том, как все должно быть, и это беспокоило его еще больше. Он вспоминал странный разговор с дышащим перегаром майором.

В его стремлении получить назначение Данбер пошел с железнодорожной станции прямо в штаб.

Майор был первым и единственным человеком, с которым он говорил с того момента, как прибыл и до того времени, когда позже вечером этого же дня он залезал в фургон, чтобы занять место рядом с вонючим Тиммонсом.

Красные, налитые кровью глаза майора смотрели на него долгое время. Когда он наконец заговорил, тон его был полон сарказма:

— Индейский воин, да?

Лейтенант Данбер никогда не видел индейцев, тем более не воевал с ними.

— Не сейчас, сэр. Но думаю, мог бы им быть. Я умею драться.

— Боец, да?

Данбер ничего не ответил. Они молча смотрели друг на друга. Казалось, прошло немало времени, прежде чем майор наконец начал писать. Он писал неистово, потея от бешенства и собственного невежества. Пот ручьями стекал у него по вискам. Данбер видел большие жирные пятна на форменной фуражке, которая была надета на почти лысую голову. Сальные полоски, напоминающие волосы, прилепились к скулам. Это был тот тип человека, с которым у лейтенанта Данбера было связано представление как о чем-то нездоровым.

Майор оторвался от листка и перестал скрипеть пером только один раз. Он отхаркнул кусок мокроты и сплюнул его в безобразное ведро, стоящее сбоку от стола. В этот момент лейтенант Данбер захотел от всей души, чтобы их встреча поскорей закончилась. Все, что касалось майора, заставляло его чувствовать слабость и приступы тошноты.

Лейтенант Данбер подсознательно почувствовал, что майора связывала с нормальным психическим состоянием тонкая нить, и она наконец лопнула за десять минут до того, как Данбер вошел в помещение штаба. Майор тихо сидел за своим столом, руки были сложены прямо перед ним. Он сидел, не думая ни о чем, позабыв все свои прожитые годы. Это была вялая, бессильная жизнь, поддерживаемая жалкими подаяниями, которые получает тот, кто служит покорно, но остается незамеченным. Все прошедшие годы, годы холостяцкой жизни, все годы борьбы с пьянством исчезли как по волшебству. Горькое, угнетенное существование майора Фамброга было вытеснено близким и приятным событием: он мог быть коронованным королем Форта Хэйс незадолго до ужина.

Майор закончил писать и взял листок в руки.

— Твое назначение. Отправляешься в Форт Сэдрик под командованием капитана Каргилла.

Лейтенант Данбер уставился на грязную форму майора.

— Да, сэр. Как я доберусь туда?

— Ты думаешь, я не знаю? — Тон майора был резок.

— Нет, сэр. Это то, чего я не знаю.

Майор откинулся на стуле, засунул обе руки в ширинку и самодовольно улыбнулся:

— Я в хорошем настроении и пропускаю мимо ушей твои слова. Фургон загружен товарами, присланными недавно. Найди крестьянина, который называет себя Тиммонсом, и езжай с ним. — Он ткнул пальцем в листок бумаги, который лейтенант Данбер держал в руках. — Моя печать гарантирует тебе безопасное продвижение на сто пятьдесят миль.

С самого начала своей карьеры Данбер хорошо усвоил, что не следует задавать офицерам вопросы, касающиеся их приказов. Он отдал честь и коротко произнес: «Есть, сэр!», повернулся на каблуках и вышел. Он нашел Тиммонса, бросился на станцию забрать из конюшни Киско и оставил Форт Хэйс в течении получаса.

Сейчас, когда он смотрел на листок с приказом после сотни миль, оставленных позади, он

думал о том, что все будет нормально. Все выйдет как надо.

Данбер почувствовал, как фургон стал замедлять движение. Тиммонс пристально смотрел на что-то, скрытое высокой травой близко от того места, где они решили сделать привал.

— Посмотри вон там, — Тиммонс кивнул головой в ту сторону.

Что-то белое лежало в траве не далее, чем в двадцати футах от фургона, и оба мужчины соскочили с повозки, чтобы подойти поближе.

Это был человеческий скелет, кости четко выделялись на траве своей белизной, череп устался пустыми глазницами в небо.

Лейтенант Данбер опустился на колени рядом с костями. Трава проросла сквозь ребра и кости грудной клетки. А стрелы, около двух десятков, торчали наружу вверх как иглы из диванной подушки. Данбер выдернул одну из земли и, повертев в руках, осмотрел ее со всех сторон.

Когда лейтенант провел пальцами вдоль стрелы, Тиммонс хихикнул ему через плечо:

— Кто-то вернулся на восток и бродит здесь... Почему он не пишет?

II

В тот вечер дождь лил как из ведра. Но ливень вдруг ослабел, как это обычно бывает с летними грозами. Кажется, погода меняется и скачет, как ни в какое другое время года. Два путешественника удобно устроились и уснули под уютным, закрытым со всех сторон фургоном.

Прошел четвертый день, который ничем не отличался от предыдущих. Никаких происшествий. Прошел пятый день, шестой... Лейтенант Данбер был разочарован. В степи не было бизонов. Он не заметил ни одного животного. Тиммонс сказал, что большие стада иногда исчезают все сразу. Они покидают степь вместе. И еще он сказал, что не стоит беспокоиться из-за этого, потому что если бы бизоны и попались вдруг им на глаза, они могли бы быть тощими, как саранча.

Путешественники также не встретили ни одного индейца, и Тиммонс не мог найти этому объяснения. Он сказал, что если они когда-либо и увидят еще одного индейца, то это будет очень скоро, но что намного лучше для них сейчас не быть преследуемыми ворами и нищими.

К седьмому дню Данбер уже слушал Тиммонса только наполовину.

Когда они плелись последние мили, лейтенант все больше и больше думал о том как он прибудет на свой пост.

III

Капитан Каргилл покусывал губы и тербил что-то языком внутри рта, его глаза останавливались в одной точке, когда он концентрировался на чем-то. Луч прозрения на его лице сменился недовольным взглядом.

— Еще один потерян, — вслух пробормотал он. — Проклятие!

В удрученном состоянии капитан взглянул сначала на одну стену своей сырой комнаты, потом на другую. В ней абсолютно не на что было смотреть. Помещение было похоже на тюремную камеру.

— Комната, — подумал он с сарказмом. — Чертова конура.

Каждый использовал это выражение хотя бы месяц, даже капитан. Некоторые еще дольше. Он говорил это без стыда прямо перед своими подчиненными. А они не стеснялись в выражениях перед ним. Это не было в порядке вещей, шло не изнутри, не от злобы. Просто это была маленькая отдушина, добрая шутка в кругу друзей. Это место действительно было проклятым. И это было плохое время.

Капитан Каргилл позволил своим рукам свободно упасть вдоль тела. Он сидел один в своей тусклой проклятой конуре и слушал. Снаружи было тихо, и сердце Каргилла тоже стучало тихо. При нормальных, обычных условиях воздух снаружи мог быть заполнен звуками шагов, голосов людей, идущих на смену дежурному. Но никто не дежурил уже много дней. Даже обычные работы по Форту были заброшены. И капитан ничего не мог с этим поделать. Именно это его унижало.

Он слышал ужасающую тишину этого места и знал, что больше не может ждать. Сегодня он вынужден будет принять меры, которых он так опасался. Даже если это будет означать позор. Или окончательное разрушение его карьеры. Или самое худшее.

Он вытолкнул слово «худшее» из своих мыслей и тяжело поднялся на ноги. Идя к дверям, он с минуту в рассеянности теребил пуговицу на мундире. Пуговица оторвалась, оставив на мундире кусок нити, и покатила по полу. Каргилл не собирался искать ее. Все равно ему нечем было бы ее пришить.

Когда капитан вышел на улицу под слепящие лучи солнца, он представил один единственный раз: фургон из Форта Хэйс благополучно добрался и стоит сейчас здесь, во дворе.

Но фургона не было. Только гнетущая пустота, это больное место на земле, которое не заслуживало даже названия.

Форт Сэдрик.

Капитан Каргилл, стоя на пороге, оглянулся и посмотрел на свою дерновую, покрытую плесенью каморку. Он стоял с непокрытой головой, невымытый уже две недели, и имел в запасе один-единственный шанс.

Легкий кораль неподалеку пустовал, но еще недавно он был пристанищем для пятидесяти лошадей. За два с половиной месяца кони были украдены, возвращены на место и снова угнаны. Дакоты всегда помогали каждый себе и друг другу.

Глаза капитана скользнули по степи и остановились на ветхом строении прямо через дорогу. Кроме этого, его собственная, богом проклятая конура была единственным предметом, попадающим на глаза в Форте Сэдрик.

Это была поганая работа с самого начала. Никто не умел работать с дерном, и, когда соорудили эти хижины и они простояли две недели, большая часть крыши завалилась. Одна из стен осела так сильно, что казалось невозможным то, что она все еще держится. В любой момент все сооружение могло рухнуть.

«Наплевать», — подумал капитан Каргилл, подавляя зевок.

Склад продовольствия был пуст. Он пустовал сейчас, ожидая лучших времен. Его содержимое составляли остатки черствых крекеров и то, что люди капитана могли подстрелить в прерии.

Большей частью это были кролики и мелкая птица. Капитан желал от всей души, чтобы скорее вернулись бизоны. Сейчас даже вкус их почек неотступно преследовал капитана, вставая комком в горле. Каргилл скривил губы и поборол неожиданно наворачнувшиеся на глаза слезы.

Им всем нечего было есть.

Капитан прошел через двор пятьдесят ярдов по голой земле к краю отвесного берега, на котором располагался Форт Сэдрик, и посмотрел вниз, на широкую реку, бесшумно несущую свои воды в ста футах под ним.

Многослойное разнообразие дряни составляло ее берега, и даже без помощи недавно призванных на службу солдат тяжелый запах отходов человека доносился до ноздрей капитана. Человеческие отбросы, смешанные с чем-то еще, гнили внизу.

Пристальным взглядом Каргилл обводил главный склон утеса, когда вдруг двое человек появились у одной из двадцати спящих дыр, высеченных на склоне, как рябь на лице переболевшего оспой. Грязная пара стояла, мигая от яркого солнечного света. Они угрюмо уставились на капитана, но сделали вид, что не замечают его. То же самое сделал и Каргилл. Солдаты нырнули обратно в свои норы, будто взгляд капитана заставил их сделать это, оставив командира одиноко стоять на вершине утеса.

Он думал о маленькой делегации, состоящей из его солдат, которая была послана к нему в хижину из дерна восемь дней назад. Их появление было естественно. И оно действительно было необходимо. Но капитан решил пойти против их предложения. Он все еще надеялся, что фургон будет. Он чувствовал, что это его долг — надеяться на прибытие фургона.

За прошедшие восемь дней никто не сказал ему ни единого слова. Исключая вечерние вылазки на охоту, люди оставались поблизости от своих землянок, не общались друг с другом и вообще их появления на поверхности были очень редки.

Капитан Каргилл направился обратно к своей проклятой конуре, но остановился на полдороги. Он стоял посреди двора, уставившись на носки своих облупленных ботинок. После нескольких минут, потребовавшихся на принятие решения, он пробормотал: «Сейчас» и бросился назад по тропе, которой шел сюда. Теперь в его шагах было больше упругости, чем когда он достиг края скалы.

Три раза он, наклонившись к дыре, позвал капрала Гэста, прежде чем внизу перед одной из дыр что-то зашевелилось. Появились костлявые плечи, на которые был надет жакет без рукав, а затем кверху поднялось мрачное лицо. Внезапно солдата парализовал приступ кашля, и Каргилл терпеливо дождался, когда кашель пройдет и он сможет говорить.

— Сбор всего личного состава перед моей проклятой конурой через пять минут. Собрать всех, даже тех, кто приступил к дежурству.

Солдат тупо дотронулся кончиками пальцев до виска, что должно было означать отдание чести, и исчез в дыре.

Через двадцать минут все население Форта Сэдрик собралось на открытом месте прямо у командирской халупы. Люди были больше похожи на банду отвратительных преступников, чем на солдат, которыми они являлись.

Их было восемнадцать. Всего восемнадцать из тех пятидесяти восьми, которые пришли сюда. Тридцать три человека ушли за холмы, надеясь, что их что-то ждет в прерии. Каргилл послал

конный патруль из семи солдат за самой большой группой дезертиров. Может быть, эти семеро погибли, а может, дезертировали и они. Но никто из этих сорока человек не вернулся.

Остались только вот эти несчастные восемнадцать.

Капитан Каргилл прочистил горло:

— Я горжусь вами, горжусь тем, что вы остались, — начал он.

Маленькая кучка зомби ничего не сказала.

— Соберите ваше оружие и все остальное, что вы хотите взять с собой. Как только будете готовы, мы отправимся обратно в Форт Хэйс.

Все восемнадцать человек, опьяненные его словами, бросились врассыпную еще до того, как он закончил предложение. Они устремились каждый к своей спальной норе, будто боялись, что капитан передумает, если они не поторопятся.

На все сборы ушло меньше пятнадцати минут. Капитан Каргилл и его призрачная команда быстро зашагали по степи в восточном направлении. Им предстояло преодолеть сто пятьдесят миль до Форта Хэйс.

Когда люди покинули это место, памятью о потерявшей надежду армии остались лишь неподвижность и безмолвие. Спустя пять минут одинокий волк появился на противоположном берегу реки и остановился, пригнувшись, подставляя нос ветру, дующему прямо в его сторону. Решив, что это мертвое место лучше оставить, он рысью припустился прочь.

Итак, грандиозный план по расширению границ и устройству Фортов на этой дикой земле был завершен заброшенностью самого удаленного армейского поста. Армия могла бы считать это единственным препятствием, отсрочкой экспансии, которая неминуемо должна была случиться до того, как гражданская война наберет обороты.

Действующая армия должна быть укреплена целым рядом Фортов. Армия, конечно, обратила бы на это внимание, но сейчас летопись форта Сэдрик подошла к мрачной остановке. Потерянная часть в истории Форта и единственная, которая могла бы претендовать хоть на какую-то славу, была только готова начаться.

IV

Для лейтенанта Данбера день сменился ночью стремительно. Он думал о Форте Сэдрик, когда его веки стали слипаться. Лейтенант смотрел полузакрытыми глазами на деревянные, величиной с фут, перекладыны фургона над головой. Ему было интересно узнать о капитане Каргилле и его людях в Форте, о расположении Форта. Данбера интересовало, что нравилось новому начальнику, и тысячи других вещей, мысли о которых возникали в его голове.

Это был тот день, когда он хотел бы наконец достичь места своего назначения, чтобы реализовать свою давнюю мечту — служить в действующей армии.

Он отбросил одеяло и высунулся из-под навеса фургона. В утреннем трепещущем свете Данбер натянул свои ботинки и огляделся вокруг в нетерпении.

— Тиммонс, — прошептал он, наклонясь и почти свесившись под фургон.

Крестьянин спал глубоким сном. Лейтенант слегка подтолкнул его носком ботинка.

— Тиммонс, — снова позвал он.

— Да, что? — взревел Тиммонс, тревожно выпрямившись.

— Давай трогаться. Поехали.

V

Колонна под предводительством капитана Каргилла уверенно продвигалась вперед. Они прошли десять миль до наступления темноты.

С каждой пройденной милей было заметно, как рос их душевный подъем. Люди пели гордые песни от чистого сердца, довольные тем, что отвоевывают у прерии миллю за милей. Звуки голосов поднимали дух капитана Каргилла и его бойцов. Пение солдат придало ему твердую решимость. Армия могла приговорить его к расстрелу, если бы захотела, а он еще мог бы выкурить свою последнюю сигарету с улыбкой. Он выбрал правильное решение. Никто не мог отговорить его от этого.

И пока капитан тяжелой поступью шагал через зеленые пространства прерии, он чувствовал долго не проходящее удовлетворение от своей роли командира. Он снова мыслил как командир. Он хотел настоящего марша, и чтобы он был предводителем целого отряда всадников.

— Я бы прямо сейчас хотел иметь фланги, — размышлял капитан вслух. — Если бы они тянулись на целую миллю к северу и к югу...

Он на самом деле посмотрел на юг, когда мысль о флангах возникла в его мозгу.

Каргилл отвернулся, не подозревая, что если бы южный фланг на самом деле существовал и занимал миллю, они бы в этот самый момент могли обнаружить нечто интересное.

Они обнаружили бы двух путешественников, которые возились у фургона, стоящего в неглубоком овраге. Одного из них преследовал отвратительный запах, а другой, немного долговязый молодой человек, был в военной форме.

Но флангов у капитана Каргилла не было, и потому он ничего не заметил.

Его отряд, построенный в колонну, успешно продвигался вперед на восток к Форту Хэйс, распевая песни.

А молодой лейтенант и его напарник после короткой остановки снова тряслись в фургоне, сокращая расстояние до Форта Сэдрик.

ГЛАВА ВТОРАЯ

I

На второй день пути люди капитана Каргилла подстрелили жирную бизонию из небольшого, всего около дюжины голов, стада. Они растянули пиршество на несколько часов, как это делают индейцы, чтобы утолить голод и насладиться изумительным мясом. Солдаты настаивали на поджаривании пластинки вырезки для своего капитана, и глаза командира заблестели от радости, когда он погрузил свои зубы в этот кусок и позволил нежному мясу

растаять во рту.

Удача сопутствовала маленькой группе людей, и около полудня на четвертый день пути они нагнали большую дозорную армейскую часть. Командир дозорной части, выслушав историю их тяжелых испытаний и видя состояние людей Каргилла, сразу же проникся к ним симпатией. С полудюжиной лошадей и фургоном для больных, полученными от майора, колонна бойцов под командованием капитана Каргилла без особых затруднений прибыла в Форт Хэйс четырьмя днями позже.

II

Иногда случается так, что те вещи, которых мы боимся больше всего, причиняют нам мало вреда. Так вышло и с капитаном Каргиллом. Он не был арестован за то, что оставил Форт Сэдрик. Об этом не было сказано ни слова. Его люди, которые несколько дней назад были опасно близки к тому, чтобы свергнуть его, рассказывали историю о своих лишениях в Форте Сэдрик, и солдаты все как один оказались не в состоянии отнять у капитана Каргилла его лидерство, в котором они были полностью уверены. Человеку, которому они давали показания (капитан при этом не присутствовал), они сказали:

— Никто из нас не хотел бы пройти через это.

Они имели в виду положение капитана Каргилла в тот момент.

Пограничная армия с ее силами и моралью, обтрепанными до точки разрыва, слушала все эти свидетельства с радостью.

Два шага были предприняты немедленно. Комендант поста передал историю конца Форты Сэдрик генералу Тайду в местный штаб, расположенный в Сант-Луисе. Он закончил свой рапорт рекомендацией оставить навсегда Форт Сэдрик, по крайней мере до получения дальнейших сведений. Генерал Тайд был склонен искренне согласиться, и в течение нескольких дней Форт Сэдрик перестал существовать для правительства Соединенных Штатов. Он просто стал не нужен.

Второй шаг касался капитана Каргилла. Во-первых, ему был дан статус героя. Во-вторых, вскоре он получил медаль за храбрость, а затем и звание майора.

«Победный ужин» от его имени был организован в офицерской столовой. Во время этого ужина, после огромного количества съеденного и выпитого, Каргилл услышал от друга коротенькую смешную историю, которая давала больше всего пищи для разговоров. Это случилось до его триумфального прибытия.

Старый майор Фамбруг, руководитель среднего уровня с непомерными сексуальными аппетитами, совсем выжил из ума. Однажды вечером он встал в центре учебного плаца, бессвязно бормоча о своем королевстве и требуя снова и снова свою корону. Бедный парень был отправлен на восток всего несколько дней назад.

Когда капитан слушал детали этого странного происшествия, у него не возникало и мысли, что печальная депортация майора также унесла с собой все следы лейтенанта Данбера.

Официально молодой человек существовал только в протухших тайниках мозга помешанного майора Фамборга.

Каргилл также с иронией воспринял, что фургон, груженный провизией, был наконец

отправлен этим несчастным майором на границу в Форд Сэдрик. Они, должно быть, разминулись в пути.

Капитан Каргилл и его знакомый хорошо посмеялись, когда представили ездока, приближающегося к ужасному месту и интересующегося тем, что произошло там, на той земле. Они далеко зашли в своих предположениях о том, что будет делать возничий; и решили, что если у него хватит сообразительности, то он сможет дойти до западной границы, по дороге распродавая провиант в различных торгующих частях, которых немало на сто пути.

Каргилл, наполовину опьяневший, направился к своему жилищу ранним утром, и его голова давила на подушку с прекрасной мыслью о Форте Сэдрик, который теперь был всего лишь воспоминанием.

Выходило так, что только у одного человека на земле осталось представление о местонахождении и даже просто существовании лейтенанта Данбера. Этим человеком был бедно одетый холостяк, который ходил за лошадьми и не имел отношения к армии, который значил очень мало для кого бы то ни было.

Тиммонс.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

I

Единственным признаком жизни был обтрепанный кусок брезента, бьющийся на ветру прямо в дверном проеме разрушенного склада продовольствия. Поздним вечером снова поднялся сильный ветер, и единственное, что двигалось здесь — лоскут брезента.

Если бы над халупой капитана Каргилла не было надписи, Данбер никогда бы не поверил, что это то самое место, куда он назначен. Но надпись четко выделялась на необструганной балке:

«форт Сэдрик».

Мужчины в молчании опустили на сиденье фургона, уставясь на жалкие руины. Выходит, это и был конечный пункт их пути.

Лейтенант Данбер еще на что-то надеялся, и потому осторожно переступил порог дома Каргилла. Секундой позже он появился снаружи и взглянул на Тиммонса, который все еще сидел в фургоне.

— Это не то, что ты ожидал увидеть, — прокричал ему Тиммонс.

Лейтенант ничего не ответил. Он дошел до развалюхи, откинул болтающийся кусок брезента и, наклонившись, вошел внутрь.

Смотреть там было не на что, и очень скоро он уже возвращался к фургону.

Тиммонс не сводил с него взгляда, качая головой.

— Можешь разгрузать, — серьезно сказал Данбер, обращаясь к Тиммонсу.

— Зачем, лейтенант?

— Потому что мы прибыли.

Тиммонс скорчился на сиденьи:

— Но здесь никого и ничего нет, — и его голос перешел на карканье.

Лейтенант Данбер осмотрел место своей службы.

— Да. В данный момент нет.

Тишина окружала их и стояла между ними. Тишина несла с собой напряжение. Руки Данбера висели вдоль его тела, пока Тиммонс перебирал вожжи упряжки. Он плевался через борт фургона. «Всеобщее бегство или... плен», — думал Тиммонс, свирепо поглядывая на лейтенанта. Судя по выражению его лица, он больше не собирался принимать участия в этой бессмысленной работе. «Лучшее, что мы можем сделать, это развернуть фургон на сто восемьдесят градусов и отправиться обратно».

Но у лейтенанта Данбера не было мысли возвращаться. Он хотел выяснить, что произошло в Форте Сэдрик. Может быть, все дезертировали, а может быть, все они были мертвы. Возможно, были выжившие всего в часе пути отсюда, борющиеся за свою жизнь, чтобы достичь Форта.

И была еще одна веская причина для того, чтобы он остался. Что-то свыше подсказывало ему, что имеет смысл нести вахту в этом месте. Это тот случай, когда человек хочет чего-нибудь так сильно, что цена и условия не берутся в расчет. Лейтенант хотел больше всего в жизни служить на границе. И сейчас он был здесь. Для него было не важно, на что теперь похож Форт Сэдрик и что с ним произошло. Сердце Данбера было отдано этому месту.

Глаза лейтенанта не выдавали его чувств, а голос был ровным и бесстрастным.

— Это мой пост, а в фургоне — провиант для этого поста, — сказал он Тиммонсу.

Они снова уставились друг на друга. Губы Тиммонса растянулись в улыбке. Он засмеялся:

— Ты что, мальчик, рехнулся?

Тиммонс, имея немалый опыт, показал этим вопросом, что лейтенант был щенком по сравнению с ним, что, судя по всему, никогда не был в бою, никогда не был на западе, и что прожил слишком мало для того, чтобы знать все. «Ты что, мальчик, рехнулся?». Голос звучал по-доброму, будто слова слетали с губ родного отца.

Тиммонс даже не подозревал, как он был не прав.

Данбер не был щенком. Он был спокойным и обязательным, и в свои годы он был хорошеньким. Но он не был щенком.

Он видел бой почти всю свою жизнь. И он был удачлив в бою, потому что владел редкой отличительной чертой. У него было врожденное шестое чувство, которое подсказывало ему, когда надо проявить стойкость. Когда он попадал в критическую ситуацию, что-то неуловимое ударяло в его мозг и лейтенант Данбер становился безумной, смертоносной машиной, которую невозможно было остановить. Но только до того момента, пока этого требовали обстоятельства. Когда оставалось только нажать кнопку, Данбер делал это первым.

Слова «Ты что, мальчик, рехнулся?» запустили механизм машины, и улыбка Тиммонса начала

медленно сползать с его лица, когда он заметил, как становятся черными глаза Данбера. Минуту спустя Тиммонс увидел, как лейтенант поднял правую руку медленно и осторожно. Он наблюдал за тем, как рука офицера, согнутая в локте, мягко сжала рукоятку тяжелого револьвера, который поблескивал у бедра. Он уловил движение указательного пальца Данбера, который привычным жестом мягко лег на спусковой крючок.

— Убери своего осла от фургона и помоги мне разгрузить!

Тон, которым были сказаны эти слова, произвел глубокое впечатление на Тиммонса. Тон этой фразы ясно показал ему, что на сцену вдруг вышла смерть. Его собственная смерть.

Тиммонс не моргнул глазом. И ничего не ответил. Одним движением он накиннул вожжи на оглобли, потом спрыгнул с сиденья, проворно подошел к задней стороне фургона, откинул полог, закрывающий тыльную часть, и вытащил первую партию груза, которую смог бы унести в руках.

II

Они перетаскивали сколько смогли в полуразвалившийся дом и решили отдохнуть в халупе, которую занимал когда-то капитан Каргилл.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

I

Сказав, что скоро появится луна и что он не хочет терять время, Тиммонс ушел в сумерки.

Лейтенант Данбер сел на землю, позволив себе закурить. Он смотрел на фургон, который казался меньше на расстоянии. Солнце зашло, и в это время фургон исчез, а Данбер сидел долгое время в темноте, благодаря тишину за то, что она составила ему компанию. Прошел час, Данбер начал коченеть. Тогда он поднялся и потащился в хижину капитана Каргилла.

Переступив порог, он внезапно почувствовал, что смертельно устал. Не раздеваясь, он растянулся на маленькой лежанке, которую устроил посреди комнатки.

Его уши почему-то именно в эту ночь отлично все слышали. Сон долго не приходил. Каждый шорох в темноте требовал объяснения, которое Данбер не сразу мог найти.

Ночью в этом месте была какая-то напряженность, которой он не почувствовал в течение прошедшего дня.

Как только он забывался сном, хруст ветки или крошечный, далекий всплеск на реке заставляли его снова и снова просыпаться. Это продолжалось так долго, что постепенно усыпило лейтенанта Данбера. Он устал, и был так беспокоен именно потому, что устал. Эта комбинация широко открыла двери нежеланному посетителю.

Сомнения пробрались сквозь незапертую дверь его беспокойного сна. Сомнения упорно одолевали его в эту первую ночь в новом, незнакомом месте. Они нашептывали ему на ухо ужасные вещи. Данбер был дураком. Он был не прав абсолютно во всем. Он ни на что не годился. Он мог найти здесь свою смерть. Сомнения этой ночи довели его до грани истерики. Данбер готов был разрыдаться. Он боролся с ними до утра, и, близкий к тому, чтобы сдаться, в считанные мгновения отбросил сомнения прочь и, наконец, уснул.

II

Они остановились.

Их было шестеро.

Это были индейцы пауни, воины самого ужасного из всех племен.

Черные, смазанные жиром волосы и ранние морщины, одинаковый образ мыслей чем-то походили на машину лейтенанта Данбера, которой он мог время от времени становиться. Но не было ничего случайного в том, как пауни смотрели на вещи. Они были неискушенными, но безжалостными людьми. Их глаза были глазами того, кто, увидев однажды предмет, решал сию же минуту, должен он жить или умереть. И если было решено, что объект должен прекратить свое существование, пауни смотрели на это с душевным спокойствием. Когда приходило время раздавать смерть, пауни действовали автоматически, и все индейцы Прерии боялись их, как никого другого.

Неожиданность того, что они увидели, заставила сейчас остановиться этих шестерых. Они сидели на спинах своих низкорослых лошадок и смотрели вниз, на изрытую оврагами равнину. Тоненькая струйка дыма поднималась в воздух в раннем утреннем свете примерно в полумиле от них.

С вершины небольшого холма, на котором они стояли. Пауни очень четко видели дым в низине. Но они не могли видеть причину его появления. Источник дыма скрывался за самым дальним холмиком. Из-за того, что они не видели всего, что хотели, пауни начали обсуждать это, говоря низкими, гортанными голосами. Они спорили о дыме и о том, что бы это вообще могло быть. Будь они в состоянии сейчас же поскакать туда, они бы это сделали. Но они слишком долго не были дома, и за время своего отсутствия терпели немало бедствий.

Они покинули дом небольшой группой в одиннадцать человек, направляясь на юг с целью поживиться лошадьми у богатых дакотов. После почти недельной скачки их застал врасплох у реки большой отряд племени манданов. Для пауни было большой удачей улизнуть и потерять всего одного человека убитым и одного раненым.

Раненый держался целую неделю с плохо заживающей колотой раной, и его состояние сильно замедляло продвижение вперед. Когда он все-таки умер и девять грабителей пауни могли считать свои поиски ничем не обремененными, им перестала улыбаться удача. Отряды дакотов всегда на шаг-два опережали злополучных пауни, и за следующие две недели пауни не обнаружили ничего, кроме остывших следов.

Наконец пауни расположились большим лагерем рядом с множеством хороших лошадей и радовались тому, что темные тучи, которые преследовали их так долго, рассеялись. Одного пауни не знали — их удача еще не повернулась к ним лицом. Действительно, наихудший случай привел их в эту деревню, где отряд дакотов понес тяжелые потери всего несколько дней назад в стычке с сильным отрядом ютов. Это племя убило несколько лучших воинов и удрало с тридцатью лошадьми.

Весь отряд дакотов был настороже и они готовились к мести. Пауни были обнаружены в тот момент, когда крадучись только входили в деревню. Добрая половина отряда, дыша друг другу в затылок, спасалась бегством, натываясь во враждебной темноте на своих истощенных пони. Только в бегстве их удача всегда сопутствовала им. Они все могли умереть этой ночью. Но, в конце концов, пауни потеряли еще только трех воинов.

Итак, эти шестеро уныло стояли сейчас на вершине холма. Их пони с выступающими ребрами слишком устали, чтобы нести их на себе. Индейцы размышляли, что им делать с этой одинокой легкой струйкой дыма в полумиле от них.

Взвешивать все «за» и «против» о том, стоит ли предпринимать атаку — это было частью индейского характера. Но обсуждать одинокую, едва заметную струйку дыма целые полчаса — это совсем другое дело. Замешательство этих шестерых наглядно демонстрировало, как низко пали эти пауни, как мало осталось у них уверенности в себе, храбрости. Группа раскололась. Они разошлись во мнениях. Один предлагал уходить, остальные — выяснить причину появления дыма. Пока они прохладжались, шагая взад и вперед, только один мужчина, самый сильный, самый свирепый среди них, остался верен первому предложению. Он хотел внезапно напасть на то место, откуда вился дымок, причем немедленно. В течение этого скучного разговора, который тянулся и тянулся, он становился все более угрюмым и сердитым.

Тридцать минут истекли, и мужчина, отделившись от своих братьев, начал тихо спускаться по косогору. Остальные пятеро двигались бок о бок, спрашивая, что бы могли значить его действия.

Разозленный воин едко ответил, что они — не пауни, и что он не может больше ездить с женщинами. Индеец сказал, что им следует зажать свои хвосты между ног и ехать домой. Он сказал, что пауни не ведут себя так, как сейчас они, и он предпочел бы умереть, чем спорить с мужчинами, которыми они не были.

Он поскакал вперед, к дыму.

Остальные последовали за ним.

III

Как бы ни была сильна антипатия Тиммонса к индейцам, он фактически ничего не знал об их привычках и образе действий. Территория была долгое время относительно надежна. Но Тиммонс был единственным человеком, на самом деле не имеющим возможности защититься. Ему следовало бы знать, как развести огонь без дыма.

В это утро он вылез из-под вонючего одеяла с жестоким чувством голода. Мысли о беконе и кофе были единственными занимающими его в этот ранний час, и он поспешил сложить отличный маленький костерок из зеленых веток.

Именно дым от его костра и привлек внимание небольшой группы пауни.

Тиммонс сидел на корточках у огня. Его пальцы обхватили ручку сковородки. От нее исходил изумительный аромат жареного бекона, и пар поднимался вверх, скрывая саму посудину. В этот момент его и настигла стрела индейцев. Она глубоко проникла в его правую ягодицу, и от внезапного удара он упал прямо в костер. Тиммонс услышал клич, прежде чем увидел кого бы то ни было, и этот крик поверг его в панику. С жалкой надеждой он скатился в овраг, широкими шагами взобрался на склон. Ярко оперенная стрела пауни торчала из его задницы.

Увидев только одного мужчину, пауни поняли, что сами у себя отнимают время. Пока остальные грабили фургон, отважный воин, который был пристыжен всеми за свои действия, лениво поскакал вслед за Тиммонсом.

Он настиг крестьянина как раз тогда, когда тот почти добрался до подножия холма. Здесь Тиммонс вдруг неожиданно споткнулся и опустился на одно колено. Когда он поднялся, его

голова повернулась в ту сторону, откуда раздавался стук копыт.

Но он так никогда и не увидел ни всадника, ни его лошади. В последние доли секунды Тиммонс успел заметить лишь занесенный над ним томагавк. В следующее мгновение его что-то ударило в скулу. Удар был нанесен с такой силой, что голова крестьянина буквально взорвалась с громким хлопком.

IV

Пауни прошлись с грабежами по двум хижинам и набрали столько, сколько могли нести. Они отцепили отличную упряжку армейских лошадей, подожгли фургон и ускакали мимо изувеченного тела Тиммонса, даже не взглянув на него. Индейцы взяли все, что хотели. Скальп возничего развеялся на острие пики его убийцы.

Тело весь день пролежало в высокой траве, ожидая, когда ночь опустится на землю: волки выйдут на охоту и обнаружат его.

Конец Тиммонса имел больше смысла, чем тлеющая свеча его одинокой жизни. С его смертью необычный цикл обстоятельств наконец завершился.

Круг замкнулся вокруг лейтенанта Джона Дж. Данбера.

Ни один человек не мог быть более одинок.

ГЛАВА ПЯТАЯ

I

Данбер тоже разводил в это утро огонь, но он начал делать это гораздо раньше Тиммонса. Фактически, лейтенант выпил уже половину своей первой чашки кофе за час до того, как убили возничего.

Два походных раскладных стула были прислонены к стене в доме Каргилла. Лейтенант разложил один из них перед хижинной и сел. Он просидел так довольно долго. Одеядло покрывало его плечи, большая армейского образца кружка уютно устроилась у него в руках. Данбер наблюдал начало своего первого дня в форте Сэдрик. Он мечтал скорее приступить к действиям. Когда он подумал об этом, сомнения снова закрались к нему в душу.

С пугающей неожиданностью лейтенант почувствовал себя сокрушенным. Он осознал, что не имеет представления о том, с чего начать и в чем заключаются его функции. Он даже не знал, как он должен относиться к себе. У него не было дежурств, не было никакой программы действий, и, наконец, его звание лейтенанта сейчас ничего не значило.

Солнце ровно поднималось за его спиной, и Данбер обнаружил, что сидит в холодной тени от хижины. Тогда он снова наполнил кружку и передвинулся вместе со стулом на ярд прямо в сноп солнечного света.

Он все еще сидел на том же месте, когда заметил волка. Тот стоял на скале напротив форта. Их разделяла только река.

Первым желанием Данбера, которое ему подсказывал инстинкт, было спугнуть его. Но чем дольше он смотрел на пришельца, тем меньше смысла находил в своей идее. Даже на таком расстоянии было видно, что животным просто владело любопытство. В глубине души, не

отдавая себе отчета в своих мыслях, Данбер был даже рад этой маленькой неожиданной компании.

Киско фыркнул в корале, и лейтенант резко напрягся, обострив внимание. Он совсем забыл о своей лошади. По дороге на продовольственный склад он оглянулся, посмотрев через плечо на неожиданного гостя. Данбер увидел, как его утренний визитер повернулся к нему хвостом и исчез вдаль на фоне крутого берега.

II

Эта мысль пришла Джону в голову в корале, когда он сыпал зерно в кормушку Киско. Простое решение, а помогло отбросить сомнения.

За то время, пока он задавал лошади корм, он придумал себе дежурство.

Данбер еще раз быстро произвел проверку халупы Каргилла, склада продовольствия, корала и реки. Затем он определил для себя фронт работ, решив начать с уборки мусора, покрывающего берега небольшой речушки.

Не будучи брезгливым по натуре, он обнаружил груды хлама на земле, которая не делала чести его предшественникам и покрывала позором их присутствие здесь. Бутылки и другая дрянь были разбросаны, куда ни кинь взгляд. Куски приспособлений и механизмов, а также клочья военного обмундирования и просто тряпки лежали, покрывая толстой коркой берега. Самым худшим были тушки зверей, находящиеся в различных стадиях разложения. Они бездумно были раскиданы вдоль реки. Большинство из них были небольшой дичью — кролики и мелкая птица. Там же лежала целая антилопа и часть от другой.

Обзор этой грязи дал Данберу первый реальный ключ к разгадке. Он начинал догадываться, что могло произойти в форте Сэдрик. Было ясно, что Форт стал местом, в котором ни у кого не было гордости. Затем, так до конца ничего и не зная, Данбер еще больше приблизился к правде.

«Может быть, это была пища», — подумал он. — «Может быть, они были очень голодны».

Он работал до полудня, раздевшись до нижней сорочки и износившихся панталон. На ногах болтались старые ботинки, и он методично ходил взад и вперед по лежащей под ногами дряни.

Большая часть тушек затонула в воде, и его желудок сжимался в комок, когда он вытаскивал тельца животные из зловонной слякоти на мелководье.

Лейтенант складывал все в кучу на кусок брезента. Когда брезент был загружен полностью, он связывал его четыре угла сверху, и получалось что-то вроде мешка. Затем он и Киско, снабженный сильными мускулами вместе тащили ужасный груз на вершину холма.

К середине дня поток был чист, и хотя Данбер не был до конца уверен, он мог бы поклясться, что это уже закончилось. Он закурил и хорошо отдохнул, сидя у реки и глядя на ее спокойное течение. Освобожденная от мерзких паразитов река стала снова похожа сама на себя, и лейтенант чувствовал себя немного возвышенно от гордости за то дело, которое он с успехом только что завершил.

Когда он поднялся на ноги, его спина сразу дала о себе знать легкой болью. Не привыкший к такой работе, он обнаружил, что сейчас это болезненное состояние было ему не так уж неприятно. Это означало, что он сделал что-то стоящее.

После того, как его работа почти подошла к концу и остался лишь крошечный кусочек отбросов, Данбер взобрался на вершину холма и встал лицом к куче, которая доходила ему почти до плеч. Он вылил галлон спирта на всю эту грудку отбросов и они исчезли в огне.

Некоторое время лейтенант наблюдал за огромным столбом сального черного дыма, поднимающегося в пустое небо. Но вдруг его сердце екнуло — он понял, что он только что сделал. С его стороны было крайне неосторожно так поступить. Он никогда не должен был разводить огня. На много миль вокруг столб дыма такого размера становился похож на сигнальную ракету в безлунную ночь. Это служило указателем и одновременно приглашением огромной пылающей стрелы в Форт Сэдрик.

Этим столбом дыма был брошен жребий. Кому-то должно было повезти. И этим кем-то скорее всего могли стать индейцы.

III

Лейтенант Данбер сидел перед хижиной до наступления сумерек, постоянно осматривая горизонт во всех направлениях.

Никто не приходил.

Он с облегчением вздохнул. В течение всего вечера, пока Данбер сидел возле хижины Каргилла, винтовка «Спрингфилд» и тяжелый револьвер были наготове, а смысл его изоляции углублялся. В какой-то момент слова «*попавший на необитаемый остров*» всплыли в мозгу лейтенанта. Это заставило его содрогнуться. Он знал, что это на самом деле так. Данбер знал и то, что он должен будет оставаться один еще какое-то время. В глубине души лейтенант хотел быть один, но, став «робинзоном», он чувствовал себя совсем не так, как во время их с пути Тиммонсом.

Это успокаивало.

Данбер съел свой скудный ужин и написал рапорт о своем первом дне пребывания в форте. Лейтенант был хорошим писателем, что помогало ему питать меньшее отвращение к бумажной работе, чем большинству других солдат. В записях о своем пребывании в Форте Сэдрик Данбер был скрупулезен, особенно в той его части, где шла речь о его странных обстоятельствах.

Вот его отчет:

Апрель 12, 1863

Я нашел Форт Сэдрик полностью обезлюдевшим. Место кажется брошенным уже давно. Даже если бы здесь был контингент незадолго до того, как я пришел, его все равно можно было бы считать брошенным.

Я не знаю, что мне делать.

Форт Сэдрик — мой пост. Но здесь нет никого, перед кем я мог бы отчитаться. Связь может иметь место, только если я уеду, но я не хочу оставлять свой пост.

Съестных припасов в изобилии.

Назначил себя дежурным по уборке. Попытаюсь укрепить склад продовольствия, но не знаю,

может ли один человек осилить эту работу.

На границе все спокойно.

Лейтенант Джон Дж. Данбер, США.

На грани сна этой ночью у него появилась идея. Идея сделать навес для лачуги. Место, где можно было бы просто сидеть или работать. В знойные дни внутри халупы становилось невыносимо, в добавление к ужасному состоянию всего Форта.

Данбер подумал также и об окнах, вырезанных в дерне. Окно могло бы, при случае, сыграть большую роль. Можно было уменьшить кораль и использовать лишние столбы как дополнительные подпорки для других сооружений. После этого можно было бы что-то сделать и с продовольственным складом.

Данбер уснул до того, как мысленно перечислил все возможные варианты благоустройства форта. Сон его был глубоким, и во сне он видел все очень ярко и живо.

Лейтенант находился в полевом госпитале в Пенсильвании. Доктора собрались у его постели. Полдюжины из них были в длинных белых фартуках, пропитанных чужой кровью.

Они обсуждали вопрос ампутации его ноги. Доктора спорили: резать ли ступню до лодыжки или отнимать ногу до колена. Дискуссия свелась к аргументу, аргумент безобразно извернулся, и, как наблюдал лейтенант, привел их в ужас. Тогда доктора начали драться.

Они колотили друг друга различными частями тел от предыдущих ампутаций. Они носились вихрем по госпиталю, размахивая своим готическими дубинками. Пациенты, которые потеряли в результате ампутации эти части, соскакивали или сползали со своих соломенных тюфяков, отчаянно пытаясь разобрать в дебрях этой схватки докторов, где чьи руки и ноги.

В середине всеобщей свалки Данбер убежал, выскочив как сумасшедший через парадный вход на своей наполовину ампутированной ноге.

Он дохромал до сверкающего зеленю луга, который раскинулся между Объединенным и Федеративным корпусами. Корпуса падали друг на друга по кругу как кости домино, когда Данбер пробежал мимо, и целились в него из пистолетов. Обнаружив, что его рука сжимает винтовку, лейтенант выстрелил в каждый из корпусов до того, как они выложились в круг. Он стрелял непрерывно, и каждая из его пуль попадала в голову. Каждая голова разлеталась на части. Эти части были похожи на длинный ряд дынь, каждая из которых взрывалась по очереди на плечах мертвых людей.

Данбер видел себя со стороны — дикую фигуру в окровавленном госпитальном халате, лихо бросающую вызов корпусам. Головы летали в пространстве, когда он пробежал между корпусами.

Внезапно не стало ни корпусов, ни стрельбы.

Но возник кто-то за его спиной, зовущий приятным голосом:

— Дорогой... дорогой...

Данбер обернулся.

Позади него бежала женщина. Стройная женщина с румяными щеками и песочного цвета волосами. Ее глаза так горели страстью, что Данбер почувствовал, как сердце, забилось в его груди. На ней были надеты только мужские трусы, а в вытянутой вперед руке она держала окровавленную ступню. Она будто предлагала взять ее.

Лейтенант взглянул вниз на собственную раненую ступню и обнаружил, что она исчезла. Он бежал на белом обручке кости. Данбер проснулся в поту. Он сидел в постели, находясь в шоке и дико таращился на свои ступни. Они были на месте.

Одеяла Данбера были влажными. Он нагнулся, свесившись под кровать за своим снаряжением, достал бумагу и табак и лихорадочно скрутил себе сигарету. Затем он отбросил холодные и влажные одеяла, уперевшись в подушку. Ожидая, когда наступит рассвет, Данбер глубоко затаился и с шумным выдохом выпустил клуб дыма.

Он точно знал, что вызвало такой сон. Основные элементы действительно имели место в жизни. Лейтенант позволил себе в мыслях снова вернуться к тем событиям.

Он был ранен в ногу. Шрапнелью. Он терял время в полевом госпитале, и там на самом деле велись разговоры об ампутации. Мысль об этом невыносима, и лейтенант Данбер сбежал. К середине ночи палата наполнилась ужасными стонами раненых, и тогда он выскользнул из койки и стащил кое-что из одежды. Он присыпал раненую ступню антисептиком, замотал ее бинтом и кое-как втиснул в свои ботинок.

Затем Данбер пробрался к боковым дверям, тихонько приоткрыл их и проскользнул наружу. Он украл лошадь и, не имея никаких планов и места, куда еще можно было бы пойти, снова примкнул к своей воинской части, рассказав небылицу о ранении в палец ноги.

Сейчас он улыбнулся сам себе: «О чем я тогда думал?»

Два дня спустя боль стала так сильна, что лейтенант не хотел ничего больше, кроме смерти. Он ждал удобного случая, чтобы воспользоваться им.

Два соединения, расположившиеся друг напротив друга, вели перестрелку с расстояния в три сотни ярдов через лишенное растительности поле в лучшее вечернее время. Они прятались за низкими каменными стенами, выложенными по разным краям поля. Каждое из соединений не было уверено в силе противника, так же как каждое из них не было уверено и в атаке.

Часть, где служил Данбер, запустила наблюдательный шар, но повстанцы быстро сбили его метким выстрелом.

Противостояние продолжалось, и когда к позднему вечеру напряжение достигло критической точки, лейтенант достиг своей личной точки разлома. Его мысли непоколебимо сфокусировались на окончании его жизни.

Он по собственной воле вскочил на коня и бросился вперед, принимая огонь врага на себя. Командир полка был неподходящим человеком, чтобы повести людей в атаку. У него был слабый желудок и тупые мозги.

В нормальных условиях он никогда не дал бы разрешения на подобный поступок, но этим вечером полковник оказался в экстремальной ситуации. Бедный малый был в полной растерянности, и по необъяснимой причине думал лишь о большой чаше персикового

мороженого. Эта мысль прочно засела в его голове.

Положение ухудшалось. Тогда генерал Типтон и его помощники заняли наблюдательный пункт на высоком холме, лежащем к западу от места боевых действий. Его обязанностью было наблюдать, и он был не властен совершать.

Высочкой был этот молодой лейтенант с бескровным, очень бледным лицом, говорящий ему в сдержанных выражениях о вызове огня. Его дикие глаза, как будто не имеющие зрачков, пугали полковника.

Глупый командир согласился с планом.

Данберу было позволено выбрать другую лошадь взамен тяжело, с хрипом дышащей старой кобылы. Он взял нового коня, маленького, сильного, с оленьей шкурой, по кличке Киско.

Ему удалось сесть в седло без единого вскрика, хотя рана давала о себе знать постоянной тупой болью. Но сейчас за Данбером наблюдали все бойцы его полка, и он заставил себя сделать это. Когда он послал коня вперед, к низкой каменной стене, несколько пуль, выпущенных со стороны неприятеля, просвистели через поле. Если бы не это, можно было бы сказать, что над полем стояла мертвая тишина. Лейтенант подумал: «Действительно ли так тихо или такая тишина наступает за момент до того, как человек должен умереть».

Он пнул Киско под ребра, перескочил стену и рванул через голое поле, направляясь прямо к центру стены, сложенной из обломков скалы, которая скрывала врага. В первый момент повстанцы были слишком ошеломлены, чтобы стрелять, и лейтенант покрыл первые сто ярдов в беззвучном вакууме.

И тут они открыли огонь. Пространство было заполнено пулями. Они рассыпались струями в разные стороны, как жидкость из пульверизатора. Данбера это нисколько не волновало. Он так прямо сидел в седле, будто хотел быть еще лучшей мишенью, чем был сейчас. Он снова и снова погонял Киско. Маленькая лошадка выпрямила уши, поставив их вертикально, и летела вперед, на стену. Все это время лейтенант ждал одну единственную пулю. Ту, что настигнет его.

Но этого не случилось. И когда он приблизился настолько, что смог видеть глаза врагов, он и Киско изменили направление, повернув влево. Теперь они неслись точно на север в пятидесяти ярдах от стены. Киско скакал так быстро, что грязные комья земли, вылетающие из-под его задних копыт, напоминали кильватер быстроходной лодки. Лейтенант сохранял свое положение. Это доказывало непреодолимость союзников. Повстанцы поднялись, как мишени в тирс, поливая огнем из винтовок широкое пространство, когда одинокий всадник промчался мимо.

Они не смогли поразить его.

Лейтенант Данбер слышал, как затихает стрельба. Линия бойцов распалась. Он остановился и вдруг почувствовал что-то горячее в верхней части руки. Данбер обнаружил, что он какое-то время находился в трансе.

Горячий укол вернул ему ясность мыслей. Он посмотрел вниз на цепь людей, которую только что миновал. Данбер увидел, что союзники кружат позади стены в состоянии полного изумления.

Его уши вдруг снова обрели способность слышать. До Данбера донеслись ободряющие крики,

идущие со стороны его подразделения через все поле.

Он снова вспомнил о своей раненой ноге. Она пульсировала, как отвратительная помпа, глубоко в сапоге.

Данбер повернул Киско к своим, и когда маленькая оленья шкура помчалась, закусив удила, лейтенант услышал оглушительные крики приветствия. Он посмотрел через поле. Его братья по оружию поднялись сплошной стеной позади своего укрепления.

Лейтенант ударил пятками в бока своего коня, и они полетели вперед, проделывая тот же путь в обратном направлении. Сейчас они проверяли другой фланг противника. Люди, мимо которых они мчались, были охвачены паникой и Данбер мог наблюдать, как они лихорадочно перезаряжали свои ружья. А впереди лейтенанта, вдоль неисследованного фланга, были вооруженные люди. Они вскакивали на ноги, и их оружие послушно ложилось в изгиб их плечей.

Решив не обмануть свои надежды, Данбер неожиданно для себя, подчиняясь импульсу, отпустил поводья и поднял обе руки вверх. Со стороны он мог показаться цирковым наездником, но он всего лишь чувствовал, что это финал. Он поднял руки высоко вверх в завершающем жесте прощания с жизнью. Сторонний наблюдатель мог истолковать это неправильно. Кому-то могло показаться, что это жест триумфа.

Естественно, лейтенант Данбер даже не догадывался, что это может быть воспринято кем-то, как сигнал. Он просто хотел умереть. Но у его товарищей сердце уже стучало в глотках, и когда они увидели, как руки лейтенанта взмыли кверху, это было больше, чем они могли вынести.

Они ринулись вперед, сокрушая стену. Это был спонтанный, ревуший и воюющий поток людей, который оборачивался кровью войск противника.

Люди в коричневой форме дрогнули и побежали, как один, карабкаясь в страшном беспорядке к полосе деревьев, стоящей позади них.

К тому моменту, когда Данбер остановил Киско, одетые в голубую форму войска Союза были уже за стеной, загоня находящихся в ужасе повстанцев в леса.

Голова Данбера вдруг просветлела.

Мир вокруг него превратился в волчок.

Полковник и его помощники сходились в одном направлении, генерал Типтон и его люди шли с другой стороны. Они оба думали, что Данбер погиб, вывалившись без сознания из седла, и каждый из них ускорил свой шаг, когда лейтенант упал. Подбегая к тому месту в пустынном поле, где Киско спокойно стоял рядом с бесформенной кучкой, лежащей у его ног, полковник и генерал Типтон испытывали одни и те же чувства. Такие чувства были редки у офицеров, носящих высокие звания. Особенно во время войны.

Каждый испытывал глубокий и неподдельный интерес к единственному человеку.

Из них двоих генерал Типтон был более переполнен чувствами. За двадцать семь лет службы он был свидетелем многих смелых поступков, но ни один из них не потрясал его так глубоко, ни один из них не разворачивался перед ним так широко, как происшедшее этим вечером.

Когда Данбер подошел, генерал стоял на коленях на своей стороне с видом отца, потерявшего своего сына.

Когда же генерал узнал, что этот бравый лейтенант поскакал на поле уже будучи раненым, он склонил голову, как будто в молитве, и заплакал, чего не делал с тех пор, когда был ребенком. Слезы скатывались по его обветренным щекам и застревали в седеющей бороде алмазными капельками.

Лейтенант Данбер не был расположен к длинному разговору. У него была лишь одна просьба, и он повторил ее несколько раз:

— Не отнимайте мне ступню.

Генерал Типтон услышал его мольбу и запомнил ее. Он отнесся к этим словам так, будто это было Божье послание. Данбера увезли с поля в личной карете скорой помощи генерала, поместили в полковом штабе в квартире генерала, а затем он оказался под строгим наблюдением личного врача генерала.

Когда лейтенант прибыл туда, разыгралась маленькая сцена. Генерал Типтон приказал своему врачу спасти Данберу ступню. После беглого осмотра доктор сказал, что по понятным причинам он предпочел бы ампутировать ее.

Генерал Типтон вывел доктора наружу и сказал:

— Если вы не сохраните этому мальчику ногу, я буду вынужден уволить Вас за некомпетентность. Я уволю Вас, даже если это будет самая худшая вещь, которую я сделаю.

Выздоровление лейтенанта Данбера стало навязчивой идеей генерала. Он каждый день находил время для того, чтобы зайти взглянуть на молодого лейтенанта через плечо доктора, который, чтобы спасти Данберу ступню, не отходил от него две недели.

Генерал мало разговаривал с пациентом в это время. Он всего лишь по-отечески выражал свой интерес. Но когда нога была наконец вне опасности, однажды вечером он опустился на раскладной стул возле кровати и нетерпеливо заговорил о том, что беспокоило его все это время.

Данбер слушал, ошарашенный, пока генерал выкладывал свою идею. Он хотел, чтобы для лейтенанта Данбера война была закончена. Его поступка на поле боя, о котором генерал до сих пор думал, было достаточно для одного человека на войне.

И еще генерал хотел, чтобы лейтенант попросил его о чем-нибудь, потому что (здесь генерал понизил голос) *«Мы все у тебя в долгу. Я у тебя в долгу»*.

Данбер позволил себе легкую улыбку и сказал:

— Ладно... У меня осталась моя нога, сэр.

Генерал Типтон не улыбнулся в ответ.

— Что ты хочешь? — спросил он Данбера.

Юноша закрыл глаза и задумался.

Наконец он сказал:

— Я всегда хотел служить на границе.

— В каком месте?

— Где угодно... только на границе.

Генерал поднялся со стула.

— Хорошо, — сказал он, складывая его.

— Сэр?..

Генерал отставил стул и, обернувшись назад, посмотрел на Данбера с обезоруживающей нежностью.

— Я хотел бы оставить лошадь... — попросил лейтенант. — Могу я сделать это?

— Конечно, можешь.

Коротая вечер, Данбер еще раз прокручивал в мозгу разговор с генералом. Он был воодушевлен неожиданными, новыми возможностями, открывающимися перед ним. Но он так же чувствовал и приступ вины, когда думал о любви и нежности, которые он заметил на лице генерала. Данбер никому не говорил, что в тот день пытался всего лишь свести счеты с жизнью. Теперь уже было слишком поздно.

Этим вечером он решил никогда не говорить об этом.

Сейчас, лежа под холодными, влажными одеялами, Данбер затаился третий раз за полчаса, размышляя о невероятных превратностях судьбы, которые в итоге привели его в форт Сэдрик.

В комнате светлело. То же самое происходило и с настроением лейтенанта. Он оставил свои мысли о прошлом и переключился на настоящее. С усердием человека, довольного своим местом, он начал думать о сегодняшних планах по уборке форта.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

I

Как юнец, который довольно перескакивает с овощей на пирог, лейтенант Данбер прошел через трудную работу по укреплению склада продовольствия и с большим удовольствием принялся за конструирование навеса.

Роясь в снаряжении, привезенном им в форт, он нашел набор полевых стульев, которые могли снабдить его парусиной. Но ничего из того, что он видел, не могло служить подходящим инструментом для шитья, и он пожалел, что так поспешно сжег кости.

Он обшаривал берега внизу по реке большую часть утра, пока не обнаружил маленький скелет, который дал Данберу несколько прямых костей. Этими обломками можно было шить.

Вернувшись в склад снаряжения, лейтенант нашел там тонкий кусок веревки, который можно было распустить на нити нужного размера. Кожа, конечно, сгодилась бы больше — она прочнее. Но в проведении всех улучшений Данберу нравилась идея новых решений непредвиденных задач во всех видах работ. «Держу в подчинении форт», — думал он, посмеиваясь над собой. «Держу в подчинении форт до тех пор, пока он снова не наполнится

жизнью с прибытием новых сил».

Хотя Данбер и избегал мыслей об ожидании кого бы то ни было, он был уверен, что рано или поздно кто-нибудь придет.

Шитье давалось с трудом. Весь остаток второго дня он упорно сшивал брезент, делая большие успехи. Но поздним вечером, когда Данбер был не в состоянии заниматься этим дальше, его руки так распухли от покрывающих их мозолей, что он с трудом приготовил свой вечерний кофе.

Утром его пальцы стали похожи на камень. Они были слишком негнушися для того, чтобы работать иглой. Он пытался делать стежки любыми способами, так как был близок к завершению шитья. Но не мог.

Вместо этого он переключил свое внимание на кораль. После тщательного осмотра лейтенант вытащил из земли четыре самых высоких и крепких столба. Они были вкопаны неглубоко, и работа по их вытаскиванию не заняла много времени.

Киско не собирался никуда выходить, и Данбер несерьезно относился к мысли о том, что кораль останется открытым. В конце концов, однако, лейтенант решил, что нарушение корала может нарушить дух очистительной компании. Следующий час он потратил на восстановление ограды.

После этого Данбер расстелил брезент перед хижиной, где он поселился, и глубоко вкопал столбы, плотно утрамбовывая землю вокруг каждого из них.

День выдался теплый, и когда лейтенант закончил возиться со столбами, он обнаружил, что находится в тени дерновой хижины. Данбер вошел внутрь, сел на край кровати и прислонился спиной к стене. Его веки тяжелели. Он прилег на соломенный тюфяк, чтобы отдохнуть минутку и тут же провалился в глубокий, долгожданный сон.

II

Данбер проснулся, застигнутый полной чувственности вечерней зарей, которая окончательно капитулировала. В данном случае — перед дремотой. Блаженно вытянувшись, он свесил руки по сторонам кровати и, как мечтающий ребенок, кончиками пальцев прочертил светлые полосы на грязном полу.

Он чувствовал себя замечательно, лежа так и ничего не делая. Вдруг ему пришло на ум, что, вдобавок к изобретенному им самим дежурству, он может также установить свой собственный темп работ. Временно, разумеется. «Мне не повредит, если я немного полодырничая», — подумал Данбер.

Тени подбирались к дверному проему хижины и, смущенный тем, как долго он спал, Данбер сунул руку в брючный карман и достал простые старые карманные часы, которые раньше принадлежали его отцу. Когда лейтенант поднес их к лицу, стало ясно, что они стоят. Какое-то время он соображал, пытаясь установить точное время, но вскоре он положил старый, поношенный кусочек времени себе на живот и погрузился в медитацию.

Что сейчас для него значило время? Что оно вообще могло значить? Хорошо, возможно, оно необходимо в движении предметов, людей и материалов. Например, для того, чтобы вовремя принять пищу. Для школьных мероприятий, свадебных и церковных обрядов и для того, чтобы вовремя пойти на работу.

Но что значило оно здесь?

Лейтенант Данбер закурил и повесил вещь, переданную ему по наследству, на удобный крюк в нескольких футах над кроватью. Он смотрел на цифры, составляющие круг на циферблате, и курил. Данбер думал, насколько более эффективно это могло бы быть для работы, когда человек чувствует нечто подобное. Он ест, когда голоден, и спит, когда хочет спать.

Лейтенант глубоко затынулся и, закинув руки за голову, выпустил струю голубого дыма.

«Как было бы замечательно жить совсем без часов, без времени», — подумал он.

Неожиданно звук тяжелых шагов раздался снаружи. Через какое-то время он прекратился. Затем шаги зазвучали снова. Движущаяся тень прошла через вход в хижину и минуту спустя большая голова Киско просунулась в дверь. Его уши были насторожены, а большие влажные глаза смотрели удивленно. Он был похож на ребенка, вторгшегося в святость родительской спальни в воскресное утро.

Данбер разразился смехом. Оленья шкурка позволила своим ушам опуститься и, будто случайно, кивнула. Кивок получился длинным. Конь будто бы извинялся за это маленькое недоразумение и всем своим видом показывал, что оплошности как будто и не было. Животное обвело глазами комнату с неприятным запахом. Потом Киско пристально посмотрел на лейтенанта и поставил свои копыта так, как делают лошади, когда хотят отогнать от себя мух.

Данбер догадался, что Киско чего-то хочет.

Хорошей скачки, вероятно.

Он стоял в корале целых два дня.

III

Лейтенант Данбер не увлекался верховой ездой. Он никогда не обучался тонкостям наездника. Его тело, достаточно крепкое, несмотря на обманчивую худобу, не знало систематических занятий гимнастикой.

Но было что-то особенное в его отношении к лошадям. Он любил их с тех времен, когда был еще мальчишкой. Возможно, это и было причиной. Но на самом деле не это было главным. Самое важное, самое необычное происходило тогда, когда Данбер вспрыгивал на спину лошади и качался в такт ее шагам, особенно если это была такая низкорослая лошадка, как Киско.

Существовала связь между лошадьми и лейтенантом. Он владел редкой способностью понимать язык лошади.

Он понял диалект Киско почти сразу, и было лишь немного, чего он не мог сделать. Когда они скакали, в их движениях была грация танцующей пары.

Чем чистокровнее была лошадь, тем лучше. Данбер всегда предпочитал ездить без седла, но армия, конечно, не позволяла таких вещей. Люди получали травмы и сильнее уставали, поэтому вопрос о езде без седел даже не поднимался во время длительных компаний.

Итак, когда лейтенант ступил внутрь затененного склада снаряжения и продовольствия, его рука автоматически потянулась за седлом, которое висело в углу.

Он остановил себя. Единственной армейской единицей был сам Данбер, и лейтенант знал, что он-то не получит никакой травмы и не устанет в поездке без седла.

Лейтенант Данбер оставил седло на месте, а вместо него взял только уздечку для Киско.

Они не отъехали и двадцати ярдов от коралля, когда Данбер снова увидел волка. Тот смотрел с того места, где появился в первый раз днем раньше. Волк стоял на краю скалы на другом берегу реки прямо напротив форта.

Зверь начал двигаться, но когда увидел Киско, идущего к привалу, замер, осмотрительно отступил на свою привычную позицию, а закончив свой отход, уставился на лейтенанта.

Данбер посмотрел назад с большим интересом, чем в предыдущий день. Все верно, это был тот же самый волк, два белых носка на передних лапах. Он был крупный и сильный, но было в нем что-то, что вызывало у лейтенанта такое чувство, будто он утратил свое главенство. Шерсть волка была вздыблена на загривке, и Данберу показалось, что он увидел зубчатую линию вдоль морды, больше похожую на старый шрам. Была настороженность во всем волчьем облике, которая выдавала его возраст. Он, казалось, наблюдает за всем происходящим, не пошевелив ни единым мускулом. Мудрость — вот слово, которое пришло на ум лейтенанту. Мудрость была премией за многолетнее выживание, и рыжевато-коричневый дружище с наблюдательными глазами сумел выжить.

«Забавно, что он снова пришел», — подумал лейтенант Данбер.

Он не спеша двинулся вперед, и Киско зашагал перед ним. Когда Данбер сделал первые шаги, его глаза отметили движение, и он посмотрел на противоположный берег.

Волк тоже двигался.

Лейтенанта удивил тот факт, что волк держал темп. Это продолжалось с сотню ярдов, до тех пор, пока Данбер не остановил лошадь.

Волк тоже остановился.

Повинуясь импульсу, лейтенант развернул Киско на четверть оборота и поставил его мордой к пропасти. Теперь они смотрели прямо в волчьи глаза, и Данбер почувствовал уверенность в том, что он мог что-то прочесть в них. Что-то похожее на тоску.

Когда лейтенант Данбер начал думать о том, чем была вызвана эта печаль в волчьих глазах, зверь зевнул и отвернулся. Потом он затрусил прочь. Бег его перешел в рысь — и волк исчез.

IV

Апрель 13, 1863

Хотя я снабжен продовольствием и снаряжением в достаточном количестве, я решил экономить. Отсутствующий гарнизон или пополнение могут прибыть в любой момент. Не могу себе представить, что этого придется ждать слишком долго.

В любом случае, я стараюсь расходовать запасы таким образом, будто я всего лишь маленькая часть гарнизона. Могут возникнуть трудности с кофе, но я постараюсь его экономить как можно дольше.

Начал делать навес. Если мои руки, которые сейчас в ужасном состоянии, смогут свернуть утром сигарету, то я закончу эту работу к утру следующего дня.

Ограничился коротким патрулированием. Ничего не обнаружил.

Видел волка, который, по-моему, намеревается обосноваться здесь. Он, кажется, не намерен причинять мне неприятности. Как бы то ни было, кроме моей лошади — он единственное живое существо, которое здесь присутствует. Он появлялся каждый вечер в прошедшие два дня. Если он придет и завтра, я назову его Два Носка. У него молочно-белые носочки на обеих передних лапах.

Лейт. Джон Дж. Данбер, США

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

I

Следующие несколько дней прошли ровно.

Руки лейтенанта Данбера обрели свое нормальное состояние и работы по постройке навеса наконец были закончены. Спустя двадцать минут после натяжки навеса, когда Данбер расслабился под его обширной тенью, прислонившись к бочке и, пуская дым колечками, ветер ударил с силой по постройке и навес рухнул.

Чувствуя смущение, лейтенант выбрался из-под накрывшего его брезента. Несколько минут он изучал поврежденный комфорт, и натолкнулся на идею скрепить брезент проволокой. За неимением проволоки он решил использовать веревку, и до того, как солнце опустилось за холмы, Данбер снова был в тени от воскрешенного навеса. Его глаза были закрыты, в руке тлела заново скрученная сигарета. Он слушал приятные звуки, которые издавал хлопающий по ветру брезент над его головой.

Используя штык, Данбер выпилил широкое окно в дерновой хижине и занавесил его куском такого же брезента.

Он долго и усердно трудился над благоустройством бывшей халупы капитана Каргилла. Но, исключая из преодолеваемых препятствий большую часть повалившейся стены, прогресс был слишком мал. Зияющая дыра не давала ему покоя. Отвалившиеся куски дерна выпадали всякий раз, когда лейтенант пытался их приладить на место. Тогда Данбер прикрыл дыру еще одним куском брезента и решил дать своим рукам отдых. С самого начала эта дерновая хижина была безнадежным делом.

Лежа на своем тюфяке поздним вечером, лейтенант Данбер снова и снова возвращался мыслями к проблеме со складом продовольствия. Но дни проходили за днями, и он все меньше думал о нем. Погода стояла прекрасная. Температура не могла быть более удачной. Воздух был мягким, как перышко, а ветерок, который заставлял брезентовую занавеску на окне волноваться над его головой в эти поздние часы, был сладок и напоен ароматами трав.

Ежедневные маленькие проблемы с течением времени казались еще меньше, еще более легкими для решения. Когда лейтенант заканчивал очередную работу, он вытягивался на своей походной койке с неизменной сигаретой в руке и удивлялся спокойствию, которое он чувствовал. Его веки неизменно наливались тяжестью, и у него вошло в привычку подремать полчаса перед ужином.

У волка, которому Данбер дал кличку «Два Носка», тоже появилась привычка. Он появлялся на одном и том же месте на вершине скалы каждый вечер. После двух или трех дней лейтенант начал воспринимать эти тихие посещения и передвижения как вполне допустимые. Иногда волк, бегущий рысью, попадал в поле зрения Данбера. Но чаще лейтенант видел его сидящим на своем обычном месте, на скале по ту сторону реки. Зверь сидел, глядя на противоположный берег своими странными, несомненно, полными тоски глазами.

Однажды вечером, когда Два Носка наблюдал за Данбером, лейтенант положил огромный кусок свиной шкуры на своем берегу. На следующее утро от шкуры не осталось и следа, и хотя у Данбера не было доказательств, он был уверен, что ее взял Два Носка.

II

Лейтенант Данбер упустил две вещи. Он не принял в расчет общество людей. И он забыл о хорошей выпивке. Более того, он забыл о женщинах, или хотя бы просто о женщине. Секс с трудом помещался в его мыслях. Но все же частично присутствовал. Чем лучше он обосновывался, и чем свободней становилась его жизнь в форте, тем больше он хотел ее с кем-нибудь разделить. Когда лейтенант думал о недостающих элементах, он опускал подбородок и угрюмо смотрел в пустоту.

К счастью, этот упадок духа быстро прошел. Если Данберу чего-то и не доставало, то это была бледность цвета того, что он имел. Его мысли были свободны. У него не было работы и не было забав. Все оставалось самим собой. Было неважно, принесет ли он воду из ручья или приготовит плотный обед. Все было одинаковым, и Данбер обнаружил, что не все так скучно. Он думал о себе как об отдельном потоке в сильном течении реки. Он был отделен, и все же он был целым, был всем в одно и то же время. Это было замечательное чувство.

Данберу нравились их ежедневные прогулки с Киско, когда он сидел верхом на темной блестящей спине. Каждый день они выезжали в разных направлениях, иногда удаляясь на пять-шесть миль от Форта. Лейтенант ни разу не заметил ни фургона, ни индейцев. Но это было небольшим разочарованием. Прерия была великолепна. Она ярко горела разноцветием диких трав. Высокая трава была сочной, живой, как океан, волнующейся от дуновения ветра. Она простиралась так далеко, насколько хватало глаз. Это было захватывающее зрелище, и Данбер знал, что никогда не устанет видеть это.

За день до того, как лейтенант затеял стирку, они с Киско ускакали меньше чем на милю от форта. Данбер случайно оглянулся и увидел в добрых ста ярдах позади Два Носка, бегущего рысью в том же темпе, что и Киско.

Лейтенант остановил Киско, и волк замедлил свой бег. Но не остановился.

Он изменил направление, снова набирая скорость. Когда старый волк поравнялся с ними, он замер в высокой траве в пятнадцати ярдах слева от лейтенанта и уставился на его ляжки, будто ожидая сигнала к продолжению движения.

Данбер поскакал далеко в прерию и Два Носка бежал с ним. Любопытство заставляло лейтенанта Данбера делать серии остановок и потом двигаться снова во время всего пути. Два Носка, чьи желтые глаза всегда были бдительны, каждый раз следовал этим движениям.

Даже когда Данбер изменил тактику и начал двигаться зигзагами то туда, то сюда — даже тогда волк держался на постоянной дистанции в пятнадцать ярдов.

Когда лейтенант послал Киско легким галопом, он был удивлен, увидев, как Два Носка легко

бежит вприпрыжку все на том же расстоянии от них.

Они остановились. Данбер посмотрел на своего преданного преследователя и попытался найти объяснение. Конечно, это животное знало людей, встречая их где-то на границе. Возможно, этот волк был наполовину собакой. На мгновение Данбер забыл о звере, окинув взглядом прерию, которая на горизонте вливалась в небо. Потом, вернувшись к нему глазами, он не смог себе представить Два Носка никем иным, кроме волка.

«Эй», — выкрикнул лейтенант.

Два Носка насторожился, подняв уши.

«Пойдем», — продолжил Данбер.

Втроем они покрыли расстояние еще с милю, как вдруг были испуганы маленьким стадом антилоп. Лейтенант наблюдал за белыми огузками и зубцами рогов, попеременно показывающимися из травы до тех пор, пока они не скрылись из вида.

Когда он повернулся, чтобы проверить реакцию зверя, он его просто не увидел.

Волк ушел.

На западе собирались тучи, нагромождаясь друг на друга. Уже были слышны далекие раскаты грома и иногда небо озарялось вспышками. Они с Киско повернули обратно, и Данбер задержал взгляд на грозовом фронте. Тучи двигались прямо к ним, и ожидание дождя наложило на лицо лейтенанта печать грусти.

Он действительно должен устроить стирку.

Одеяла начинали пахнуть как старые грязные носки.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

I

Лейтенант Данбер несколько ошибался, когда пытался предсказать погоду по старой доброй традиции.

Гроза действительно разразилась вечером, и не утихала всю ночь. Но на Форт Сэдрик не упало ни единой капли дождя. Утро, с которого начался следующий день, выдалось чистейших пастельных тонов. Небо светилось голубизной, воздух был похож на чистую родниковую воду, вкусную и прохладную, а милосердное солнце подрумянило все вокруг прикосновением своих лучей, не опалив ни единой травинки.

Во время утреннего кофе лейтенант перечитал свой официальный доклад о прошедшем дне и решил, что он проделал стоящую работу по описанию фактов. Некоторое время Данбер сомневался в отношении слишком субъективного подхода к окружающему в своих записях. Не один раз он хватался за ручку, чтобы вычеркнуть лишнее, но в конце концов оставил все без изменений.

Он допивал вторую чашку, когда заметил грозовые облака далеко к западу. Это были коричневые, темно-коричневые облака, плывущие низко над горизонтом и застилающие все небо. Они были слишком темными, чтобы их можно было назвать просто облаками. Это

выглядело как дым от большого пожара. Молнии, сверкавшие прошедшей ночью, могли во что-то попасть. Может быть, прерия была поражена огнем. Данбер мысленно отметил про себя, что надо будет проследить за дымовыми облаками и, если они будут продолжать расти, этим вечером выехать в том направлении. Он слышал, что пожар в прерии может быть огромным и быстро распространяющимся.

II

Они пришли на день раньше, ближе к полуночи. И, в отличие от лейтенанта Данбера, продолжали прибывать.

Но, по крайней мере, их настроение не было угнетенным. Последний этап длинного перехода из зимнего лагеря далеко на юг был завершен. Это, а также приход весны, делало их счастливыми. Их пони крепили и набирали вес с каждым днем. После длительного марша, после месяцев общей бездеятельности каждый жаждал работы. Приготовления к обживанию этих мест могли начаться сразу же после постройки летних хижин. Это делало их еще счастливее, каждого в отдельности и всех вместе. Пришли бизоны. Праздник был не за горами.

Из-за того, что этот летний лагерь был устроен для продолжения рода, для нового поколения, сильное чувство дома освещало сердце каждого, всех ста семидесяти двух мужчин, женщин и детей.

Зима была мягкой, и люди отлично пережили ее. Сегодня, в первое утро на новом месте, которое станет их домом, это был лагерь улыбок. Подростки резвились со стадом пони, мужчины рассказывали истории, а женщины готовили завтрак с большей веселостью, чем обычно.

Это были дакоты.

Дымовые облака, принятые лейтенантом Данбером за пожар в прерии, были ни чем иным, как дымом от костров, поднимающимся вверх, когда женщины готовили.

Дакоты расположились лагерем на той же реке, восьмью милями западнее форта Сэдрик.

III

Данбер собрал все нуждающееся в стирке, что он смог найти. Он закинул это в старый мешок, затем перебросил вонючие одеяла через плечо, отыскал кусок мыла и начал спускаться к реке.

Сидя на корточках возле самой воды и вытаскивая грязные вещи из мешка, он подумал, что лучше бы было снять с себя одежду и постирать сразу все. Но тогда ему нечего было бы носить, пока выстиранное белье сохнет.

Данбер вспомнил, что у него есть пальто.

«Как глупо», — промолвил он, тихо рассмеялся, а затем сказал сам себе: «Здесь только я и прерия».

Какое же приятное чувство быть обнаженным! Он даже отложил в сторону свою фуражку.

Когда Данбер нагнулся к воде с полными руками одежды, он увидел свое отражение на ровной поверхности реки. Последний раз он смотрелся в зеркало две недели назад. Лейтенант замер, вглядываясь в себя.

Его волосы стали длиннее. Лицо выглядело тоньше, несмотря на бороду, которая успела значительно отрасти. И он заметно похудел. Но Данбер подумал, что все равно выглядит хорошо. Его глаза были все такими же пронзительными, какими он привык их видеть. И хотя он был неузнаваем сейчас для тех, кто знал его раньше, он по-мальчишески улыбнулся своему отражению.

Чем дольше лейтенант смотрел на свою бороду, тем меньше она ему нравилась. Он пошел в форт за бритвой.

Данбер не думал о своей коже, пока брился. Она всегда была одинакова. Белые люди большую часть времени находятся в тени. И их кожа бела, как снег.

Лейтенант Данбер был достаточно белым для того, чтобы привлекать чье-то внимание.

IV

Трепыхающаяся Птица оставил лагерь до рассвета. Он знал, что его уход не вызовет обсуждений. Он никогда не должен был спрашивать разрешения на свои передвижения и редко — на свои действия. Он не спрашивал разрешения, если только эти действия не были плохо выполнены. Плохо выполненные операции могли привести к катастрофе. Но хотя он и был новичком, всего год занимающимся шаманством зеленым юнцом, ни одно из его действий не привело к катастрофе.

Фактически, он неплохо преуспевал в своем деле. Дважды он совершил маленькое чудо. Трепыхающаяся Птица чувствовал радость от этих чудес, но такую же радость чувствовал он и от заработка, который давала ему эта работа. Он следил за состоянием здоровья всех людей в племени. Он выполнял массу административных обязанностей, обращая внимание на ссоры, возникающие в этой дикой округе, а так же на честность в медицине. Все это он выносил на бесконечные собрания, которые имели место каждый день. Вдобавок ко всему этому он обязан был обеспечивать всем необходимым двух жен и четырех детей. И все это делалось с одним ухом и одним глазом, обращенными к Великому Духу; всегда слушающий, всегда наблюдающий за малейшим шорохом и едва различимым контуром.

Трепыхающаяся Птица достойно исполнял свои обязанности, и каждый из племени знал это. Они были уверены в нем, потому что хорошо знали этого человека. Трепыхающаяся Птица не имел ни одной кости в своем теле, которая служила бы только ему. И куда бы он не ехал, он ехал с весом огромного уважения.

Некоторые из молодых воинов могли бы поинтересоваться, куда он собрался в это утро, но они даже не мечтали об этом вопросе.

Трепыхающаяся Птица не имел специального задания. Он скакал по прерии, чтобы освежить голову. Он не любил большие передвижения: от зимы к лету, от лета к зиме. Ужасный шум от них выводил его из равновесия. Это разрушало связь с Великим Духом, которую он старался сохранить с помощью уха и глаза. В это первое утро после изнурительного долгого марша он знал, что лязганье и грохот при устройстве лагеря будут больше, чем он сможет вынести.

Он взял своего лучшего пони темно-гнедой масти и отправился к реке. Ему предстояло проехать несколько миль по холмистому подъему, который он знал еще с детства.

Он жаждал увидеть сверху прерию, раскинувшуюся перед ним во всей своей необъятности. Когда это произошло, Трепыхающаяся Птица был приятно удивлен. Он никогда раньше не видел ее такой. Прерия изобиловала летними красками. Конечно, там были и враги, но отряд

сейчас был очень силен. Трепыхающаяся Птица не смог сдержать улыбку. Он был уверен, что этот сезон будет благоприятным.

Прошел час, но его радостное настроение не уменьшалось. Трепыхающаяся Птица сказал себе: «Я совершу прогулку в эту красивую страну», — и погнал пони в направлении все еще поднимающегося солнца.

V

Данбер окунул одеяла в воду, и неожиданно вспомнил, что грязные вещи обычно трут о доску. Он оглянулся вокруг, ища что-нибудь похожее. В поле его зрения не попался ни один подходящий камень. Лейтенант взял одеяла, с которых ручьями стекала вода, и остальную одежду, прижал все к груди и, будучи новичком в стирке, побрел вниз по реке, осторожно ступая босыми ногами по мелким и острым прибрежным камешкам.

Пройдя с четверть мили, он обнаружил выступающую породу, которая вполне могла сойти за стиральную доску. Он взбил хорошую пену и, как всегда делают новички, втер мыло в порядке эксперимента в одно из одеял.

Постепенно он приобрел сноровку. С каждой новой операцией по намыливанию, оттиранию и развешиванию Данбер чувствовал себя все увереннее, и, приближаясь к концу, он с видимой легкостью делал эту работу, подумывая даже о сезонных стирках.

Всего за две недели до своего приезда сюда Данбер дал новые оценки деталям, но сейчас, познавая первые их части опытным путем, он все переосмысливал. Низкорослое деревце дуба тянулось к свету из расщелины в скале, и лейтенант развесил на нем свою одежду для просушки. День был погожим. Яркое солнце бескорыстно дарило свое тепло всему живому на земле. Ветра почти не было. Для того чтобы высушить все белье, мог потребоваться целый день, а Данбер забыл взять с собой табак.

Обнаженный лейтенант решил не ждать.

Он отправился обратно в форт.

VI

Трепыхающаяся Птица слышал приводящие в замешательство истории об их количестве. Неоднократно он слышал, как люди говорили: «*Они были такими же многочисленными, как птицы*». Это затрудняло шаману и без того нелегкий путь к их мыслям.

И еще, основываясь на том, что он действительно видел, бородатые люди внушают жалость.

Они, казалось, были ужасной расой.

Те бедные солдаты в форте, такие богатые разнообразными вещами, но бедные в чем-либо еще. Они плохо стреляют из своих ружей, плохо ездят на своих больших, медлительных лошадях. Они поставлены, чтобы быть воинами белых людей, но они не имеют бдительности. И их так легко победить. Забирать их лошадей бывает до смешного просто. Так же просто, как собирать ягоды с куста.

Они были большой загадкой для Брыкающейся Птицы, эти бледнолицые. Он не мог думать о них без того, чтобы не зайти в тупик.

Солдаты в форте, например. Они жили без семей. И они жили без своих старейшин с Великим Духом в основе. Они поклонялись и подчинялись лишь вещам, написанным на бумаге. И они были такими неопрятными. Они даже не могли содержать в чистоте самих себя.

Трепыхающаяся Птица не мог представить, как эти бородатые люди смогли прожить хотя бы год такой жизни. А им приказано было еще процветать. Он был не в силах понять этого.

Его мысли выбрали этот путь, когда он подумал о форте, о том, что форт находится совсем рядом. Он желал, чтобы белые люди ушли, но тем не менее ожидал встречи с ними. Сейчас, сидя на своем пони и оглядывая прерию, он с первого взгляда заметил, что это место улучшилось, форт был чист. Большая шкура на шестах закручивалась от ветра. Маленькая лошадка, которая выглядела отлично, стояла в корале. Никакого движения видно не было. Из форта не доносилось ни звука. Было похоже, что место умерло. Однако, кто-то продолжал жить там.

Трепыхающаяся Птица перевел своего пони на шаг.

Он должен был взглянуть на все поближе.

VII

Лейтенант Данбер прохладился, шагая вдоль реки обратно в форт.

На своем странном ироническом пути он чувствовал себя намного менее заметным без одежды. Может быть, так оно и было. Каждое крошечное растение, каждое жужжащее насекомое, казалось, привлекало его внимание. Все вокруг было удивительно живым.

Ястреб с красным оперением на хвосте летел прямо перед Данбером всего в каких-то десяти футах над головой, держа в когтях бурундука.

На полпути лейтенант на минуту остановился, задержавшись в тени высокого льна, чтобы понаблюдать за барсуком, роющим нору на несколько футов выше уровня воды. Барсук взглянул назад, на обнаженного лейтенанта, но переставая заниматься своим делом.

Недалеко от форта Данбер остановился посмотреть игру двух влюбленных. Пара водяных змей возбужденно крутилась в экстазе на мелководье и, как все влюбленные, они ничего не замечали вокруг. Даже когда тень лейтенанта упала на воду, они никак не отреагировали на это.

Он с трудом дотопал до косогора, восхищенный утомительной прогулкой. Данбер чувствовал себя окрепшим и здоровым. Это было чувство истинного жителя прерий.

Когда он поднял просветленную голову, то увидел гнедого пони.

В то же время он заметил и силуэт человека, прокрадывающегося в тень от навеса. На долю секунды фигура показалась в лучах солнца, и Данбер пригнулся, усевшись в расщелине прямо под нависшей глыбой скалы.

Лейтенант сидел на корточках, сконцентрировавшись и обратившись в слух. Казалось, его уши даже увеличились в размере. От долгого и неподвижного сидения его ноги сделались ватными. Похоже, сейчас он был одержим одним — он слушал.

Мысли быстро понеслись в голове. Фантастические образы замелькали перед глазами

лейтенанта. Брюки с бахромой по боковым швам. Расшитые бусинами мокасины. Топорик с полосами, свисающими с него. Груда слабо светящихся костей. Тяжелые, блестящие волосы, доходящие до середины спины. Черные, глубоко посаженные глаза. Крупный нос. Кожа цвета глины. Перо на затылке, трепещущее на ветру.

Он знал, что это индеец, но не ожидал, что его встреча с людьми в этих местах придет к нему в образе индейца — этого дикаря. Лейтенант был ошеломлен, шокирован этой неожиданной встречей так, будто получил нокаут.

Данбер оставался пригнувшимся под скалой, его ягодицы касались земли, капли холодного пота покрывали лоб. Он с трудом переварил то, что увидел. И он боялся посмотреть снова.

Лейтенант услышал лошадиное ржание и, оставляя свое убежище, медленно выглянул из-за скалы.

Индеец был в корале. Он подходил к Киско с длинной полоской кожи в руках, которая оканчивалась петлей.

Когда лейтенант Данбер увидел это, его парализация мгновенно испарилась. Ни о чем более не думая, он вскочил на ноги и вскарабкался на вершину скалы. Его рев нарушил спокойствие прерии, прозвучав подобно выстрелу:

— Ты здесь!

VIII

Трепыхающаяся Птица подпрыгнул от неожиданности высоко вверх.

Повернувшись на звук голоса, который испугал его до такой степени, что он чуть не выпрыгнул из собственной кожи, шаман дакотов столкнулся лицом к лицу с самым странным видением в своей жизни.

Голый человек. Обнаженный мужчина, идущий через двор прямо на него со стиснутыми зубами и крепко сжатыми кулаками. Его кожа была белой до рези в глазах.

Трепыхающаяся Птица, не справляясь с собой, в ужасе попятился назад. Вместо того, чтобы перепрыгнуть через изгородь корала, он устремился прямо на нее. Индеец пронесся через двор, вихрем вскочил на своего пони и помчался прочь с такой скоростью, как будто за ним по пятам гнался дьявол.

Он ни разу не оглянулся.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

I

Апрель 27, 1863

Впервые встретил дикого индейца.

Он пришел в форт и пытался украсть мою лошадь. Когда я появился, он испугался и убежал. Не знаю, как много их может быть в округе, но, учитывая вышеизложенное, где появился один, там могут быть и остальные.

Я предпринимаю шаги по подготовке к еще одному визиту. Я не могу сделать адекватную защиту, но постараюсь произвести большое впечатление, когда они придут снова.

Я все еще один, и если войска не придут в скором времени, все может быть потеряно. Человек, которого я видел, был притягивающе интересным парнем.

Лейт. Джон Дж. Данбер, США

Данбер потратил следующие два дня на приготовления, большая часть которых была направлена на то, чтобы произвести впечатление силы и стабильности в случае нападения извне. Это могло показаться сумасшествием: один человек пытается подготовиться к яростному штурму бесчисленных врагов. Но лейтенант обладал исключительной силой характера, которая позволяла ему делать трудную работу при минимальных возможностях. Это была хорошая черта, и она помогала ему быть хорошим солдатом.

Данбер обошел свои позиции еще раз, осматривая их с точки зрения постороннего наблюдателя. Его первой заботой стало устройство тайников для снаряжения. Он рассортировал весь инвентарь, оставив только самое необходимое. Остальное с большой осторожностью лейтенант закопал в дырах вокруг форта.

Он спрятал инструменты, масло для лампы, несколько бочонков гвоздей и другие строительные принадлежности в одной из старых спальных нор. Затем лейтенант прикрыл это куском брезента, присыпав его и участок в несколько ярдов вокруг земель. Данбер тщательно осмотрел ландшафт. Тайник ничем не выделялся на этой части склона.

Он принес два ящика винтовок и полдюжины маленьких бочонков с порохом, а затем положил оружие на покрытую травой землю. Он обозначил более двадцати участков в прерии, каждый площадью с квадратный фут. Каждый с дерном и травой, примыкающими друг к другу. На этом же месте лейтенант вырыл глубокую яму, приблизительно шесть на шесть, и закопал оружие. К концу вечера он поместил обратно дерн и траву, утрамбовав их так тщательно и осторожно, что даже самый искушенный глаз не смог бы заметить результат от проведенных действий. Данбер отметил это место выбеленной солнцем костью бизона, которую воткнул в землю в углу на расстоянии в несколько ярдов от тайника.

В хижине, где размещался склад, лейтенант нашел пару американских флагов, и использовал два столба корала как древки. Одно полотнище протянулось с крыши складского помещения, другое — с крыши хижины, где он сейчас жил.

Вечерняя поездка свелась к короткому, обычному патрулированию, которое он совершил вокруг Форта, держа его постоянно в поле зрения.

Два Носка появился на скале в обычное время на том же месте. Но Данбер был слишком занят, чтобы уделить ему внимание.

Лейтенант привык носить полную форму все время, поддерживая свои верховые сапоги с высокими голенищами в отличном состоянии, начищенными до блеска. Его фуражка всегда была чиста, а лицо — чисто выбрито. Сейчас он ходил без винтовки, без пистолета и без полной амуниции не только к реке.

После двух дней лихорадочной активности Данбер чувствовал, что подготовился насколько, настолько мог.

Апрель 29, 1863

Мое пребывание здесь должно быть отмечено вплоть до настоящего момента. Закончил все приготовления, какие смог придумать.

Жду.

Лейт. Джон Д. Данбер, США

II

Присутствие лейтенанта Данбера в форте Сэдрик не было оглашено.

Трепыхающаяся Птица держал при себе, наглухо заперев в мыслях, существование Человека, Который Сверкает Как Снег. Два дня лекарь хранил сведения о нем, глубоко пораженный тем, что он видел. Он боролся сам с собой, пытаясь придать всему пережитому статус кошмарной галлюцинации. Это было первое, что пришло ему в голову.

После долгих размышлений Трепыхающаяся Птица пришел к выводу, что все увиденное им в форте — реальность.

По некоторым причинам, это заключение несло с собой большие проблемы. Мужчина был настоящим. Он жил. Он был рядом. Все дальше продвигаясь в мыслях о Данбере, индеец заключил, что Человек, Который Сверкает Как Снег, должно быть, каким-то образом связан с судьбой отряда. Иначе Великий Дух не стал бы показывать Трепыхающейся Птице этого человека.

Он был выбран для того, чтобы предсказать значение этого видения. Но сколько он не пытался объяснить это, у него ничего не получалось. Сложившаяся ситуация беспокоила его как ничто ранее. За всю свою жизнь он не испытывал ничего подобного.

Его жены знали, что по возвращении из злополучного форта Сэдрик он был чем-то обеспокоен. Они заметили едва уловимое изменение в выражении его лица. Во взгляде. Но не отягощенные излишней заботой о своем муже, женщины ничего не сказали, а продолжали заниматься обычной домашней работой.

III

В отряде было немного людей, которые, подобно Трепыхающейся Птице, имели бы влияние на соплеменников. И ни один из них не был более влиятельным, чем Десять Медведей. Он был самым почтенным. Ему было шестьдесят лет, и его выносливость, его мудрость и его замечательно твердая рука, которой он вел отряд, превосходили только его жуткую способность знать, какими ветрами к ним занесет удачу, неважно какую именно — маленькую или большую.

Десять Медведей с первого взгляда заметил, что с Трепыхающейся Птицей что-то происходит. Он воспринимал Брыкающуюся Птицу как важного члена отряда. Но он тоже ничего не сказал. Это входило в его привычки, и хорошо служило ему — ждать и наблюдать.

К исходу второго дня Десять Медведей убедился, что происшествие, тревожащее Брыкающуюся Птицу, может оказаться очень серьезным, и тогда он нанес визит в его вигвам поздним вечером.

Двадцать минут они молча курили табак знахаря перед тем, как перейти к немногословным отрывочным фразам и болтовне о второстепенных делах.

В подходящий момент Десять Медведей перевел разговор на интересующую его тему, перейдя к главному вопросу. Он спросил, как чувствует себя Трепыхающаяся Птица и какие прогнозы с точки зрения духов он имеет на лето.

Не вдаваясь в подробности, шаман ответил ему, что у него хорошие виды на этот сезон. Знахарь, который заботился о том, чтобы его работа не была детально спланирована, мог считать себя мертвым, если проговорится Десяти Медведям. Он был уверен в этом и потому сдерживался.

Тогда, с мастерством истинного дипломата, Десять Медведей спросил о потенциальных неблагоприятных прогнозах.

Глаза двух мужчин встретились. Десять Медведей поймал Брыкающуюся Птицу в ловушку самым верным способом.

— Есть один, — сказал Трепыхающаяся Птица.

Как только он произнес эти слова, он неожиданно почувствовал такое облегчение, будто ему развязали руки, и все тотчас же всплыло наружу: поездка, форт, замечательная гнедая лошадь в корале, и Человек, Который Сверкает Как Снег.

Когда лекарь закончил рассказ, Десять Медведей поджег успевшую потухнуть трубку и глубокомысленно затянулся перед тем, как положить ее между собой и Трепыхающейся Птицей.

Наконец он спросил:

— Он выглядел как Бог?

— Нет, он выглядел как человек, — ответил шаман. — Он ходил как человек, издавал человеческие звуки. Формы его тела были человеческими. Его даже можно отнести к мужскому полу.

— Я никогда не слышал, чтобы белые люди ходили без одежды, — сказал Десять Медведей. Выражение его лица стало подозрительным. — Его кожа действительно отражала солнечные лучи? — решил уточнить он.

— Она слепила глаза до боли.

Мужчины снова погрузились в молчание.

Десять Медведей поднялся на ноги:

— Я сейчас буду думать об этом.

IV

Десять Медведей выгнал всех из своего жилища и сидел наедине с самим собой более часа, думая о том, что рассказал ему Трепыхающаяся Птица.

Раздумья его были тяжелы.

Он сам несколько раз видел случайно белых людей, и, подобно Трепыхающейся Птице, не мог понять их поведения. Из-за их предполагаемого количества они должны были бы быть под контролем, но до сих пор они причиняли одни неприятности.

Десять Медведей никогда не любил думать о них.

«Как могут быть люди одной расы столь противоречивы?» — думал он.

Однако он отвлекся. Десять Медведей беззвучно отругал себя за это. Что он на самом деле знал о белых людях? Почти ничего... Ничего, что можно было бы добавить к его размышлениям.

Кто-то неизвестный находился в форте. Может быть, это был Дух. Может быть, просто другой тип белых людей. *«Вполне возможно», — подумал Десять Медведей, — «что существо, представшее перед Трепыхающейся Птицей, было первым из целой новой расы».*

Старый индеец признался себе, что его мозги забиты всем этим до отказа. Появилось и так много дел в связи с летней охотой. И они были неотложны.

Он не смог прийти к какому-либо выводу.

Десять Медведей решил собрать Совет.

V

Совет собрался перед закатом солнца и продолжался до позднего вечера. Он длился достаточно долго, чтобы привлечь внимание всех обитателей деревни, особенно подростков, которые разбились на маленькие группы пообсуждать, о чем могут совещаться их старшие.

После часа обязательных вступительных речей, взрослые, наконец, перешли к делам. Трепыхающаяся Птица повторил всю историю с самого начала. Когда он закончил, Десять Медведей спросил мнения его товарищей.

Мнений было много и они сильно колебались.

Ветер В Волосах был самым молодым среди собравшихся. Он был импульсивен, но удачлив в бою. Он предложил послать группу всадников немедленно, чтобы они, спустившись с холма, выпустили бы свои стрелы в белого человека. Если он Бог, стрелы будут бессильны перед ним. Если же он так же смертей, как и они, у них будет меньше беспокойства на одного бородатого человека. Ветер В Волосах был бы счастлив возглавить такую группу.

Его предложение было отклонено остальными. Если тот человек вдруг оказался бы Богом, пускать в него стрелы — не очень хорошая идея. А убийство бледнолицего должно быть выполнено с некоторой деликатностью. Мертвый белый человек мог бы дать им намного больше жизни.

Рог Быка славился своей консервативностью. Ни у одного из собравшихся не возникло вопроса о его храбрости, но что правда, то правда — в большинстве случаев он проявлял осторожность. Он внес простое предложение: послать делегацию для переговоров с Человеком, Который Сверкает Как Снег.

Ветер В Волосах подождал, пока Рог Быка закончит свою довольно длинную речь. Затем он перескочил на идею с мстью. Основой его выступления была мысль обстрелять дом с такой

точки, которую ни один не возьмется оспорить. Дакоты не посылают заслуживающих уважения воинов спрашивать мнение единственного маленького, нарушившего границы чужого владения, белого человека.

Никто после этих слов не произнес пространной речи. Когда обсуждение началось снова, разговор перешел на другие темы: о приготовлениях к предстоящей охоте и о возможности отправки боевых отрядов в различных направлениях. Следующий час мужчины потратили на обсуждение слухов и другой информации, которая могла иметь определенное отношение к благополучию отряда.

Когда они наконец вернулись к основному вопросу — что делать с белым человеком — глаза индейца Десять Медведей потупились и голова поникла. Не имело смысла продолжать заседание Совета этим вечером. Старый индеец уже слегка похрапывал к тому времени, когда все покинули его жилище.

Этот вопрос казался неразрешимым.

Но это совсем не означало, что какие-либо действия не будут предприняты.

Маленькая, тесно связанная группа людей была глубоко озабочена тем, чтобы сохранить тайну. Поздно ночью четырнадцатилетний сын Рога Быка слышал, как его отец шепотом пересказывал суть обсуждений Совета навестившему их дяде. Он слышал о форте и о Человеке, Который Сверкает Как Снег. И еще он слышал о красавице лошадке, чьи качества как верховой лошади Трепыхающаяся Птица приравнял к десяти пони. Это поразило его воображение.

Сын Рога Быка не мог уснуть из-за мыслей, теснящихся в его голове. Глубокой ночью он выбрался из палатки, чтобы рассказать двум своим лучшим друзьям о том, что он узнал. Рассказать о великолепном представившемся им шансе.

Как он и предполагал, Лягушачья Спина и Частая Улыбка сначала засопровтивлялись. Ведь там была всего одна лошадь. Как может быть одна лошадь поделена на три части? Одна лошадь — это совсем немного. К тому же имелась опасность столкнуться с Богом белых людей, бродящим поблизости. Здесь было о чем подумать.

Но сын Рога Быка был готов ко всему. Он уже все обдумал. Белый Бог был самой лучшей частью его замысла. Разве они не хотели встать на тропу войны? И когда пришло время, разве они не присоединятся к воинам-ветеранам? И не похоже ли это на то, что они всего лишь нашли маленькое направление действий? Разве это не говорит о том, что они имеют маленький шанс отличиться?

А пойти против Бога белых людей... Трое мальчишек против Бога. То, должно быть, что-то особенное. Люди их племени сложат об этом песни. Если они успешно осуществят свои намерения, у них троих есть шанс стать командирами военных групп вместо того, чтобы следовать к месту очередной стоянки вместе со всем племенем.

И лошадь. Конечно, сын Рога Быка возьмет ее себе, но двое друзей могут проехаться на ней. Если захотят, конечно.

Ну что, кто может сказать, что это не грандиозный план?

Их сердца трепетали уже тогда, когда они украдкой перебрались через реку и взяли трех хороших пони из стада. Пешком уведя лошадей из деревни, они сделали большой крюк.

Когда же наконец мальчишки достаточно удалились от лагеря, они вскочили на коней, пустили их галопом и, запев песню, чтобы укрепить свои сердца, поскакали по темной прерии, придерживаясь берега реки, который выводил их прямо к форту Сэдрик.

VI

Две ночи лейтенант Данбер был полноценным солдатом, спящим чутко и слушающим одним ухом прерию.

Но подростки, появившиеся в форте, вызывали сильное волнение своими отнюдь не детскими играми. Они были дакоты, и они предприняли самые серьезные за всю свою жизнь действия.

Данбер не слышал, как они вошли.

Стук копыт и крики мальчишек разбудили его, но это были только звуки, расплывающиеся в беспредельности ночной прерии. Лейтенант переступил через порог своей хижины.

VII

Мальчишки скакали быстро. Они были счастливы. Все прошло великолепно. Лошадь была добыта без труда и, что было самым лучшим, они не повстречали белого Бога.

Но к их радости примешивался и страх. Боги могут делать множество фантастических вещей, особенно когда они в ярости. Подростки, не останавливаясь, неслись по прямой. Они мчались, выжимая из пони все, на что те были способны, не замедляя хода, чтобы достигнуть деревни, где можно чувствовать себя в безопасности.

Не отъехав и двух миль от Форта, ребята столкнулись с неожиданным препятствием. Киско решил проявить характер и выразить свое личное желание. Оно было вполне ясное — он не хотел идти с этими мальчишками.

Они неслись вперед, когда гнедая лошадка на всем скаку повернулась кругом. Сын Рога Быка, державший ее поводья, был сбит со своего пони, как будто наткнулся на низко висящую ветку дерева.

Лягушачья Спина и Частая Улыбка попытались догнать Киско, но он не сбавлял темпа, оставляя позади себя полосу взрытой копытами сырой и податливой земли.

Некоторое время Киско шел с хорошей скоростью, но тут его силы подошли к концу и он заметно замедлил свой бег.

Индийские пони не смогли бы догнать его, даже если бы они были хорошо отдохнувшими, а они к этому времени покрыли не одну милю.

VIII

Данбер только что выпил чашку кофе и угрюмо сидел у костра, когда в мерцающем утреннем свете появился Киско.

Лейтенант испытал скорее облегчение, чем удивление. Мысль о том, что его конь украден, сводила его с ума. Но Киско дважды уводили и до этого случая, и, как преданная собака, он всегда находил дорогу обратно.

Лейтенант Данбер посмотрел в ту сторону, где, по его предположению, должен был находиться

лагерь дакотов. Затем он проверил свою лошадь после такой бешеной скачки и под розовеющим на востоке небом повел маленькую оленью шкурку вниз по склону на водопой.

Данбер сидел у реки и смотрел на воду. Маленькие пресноводные рыбки начинали резвиться в раннем зыбком свете. Они выискивали насекомых у самой поверхности, и когда и головы касались глади, а рот заглатывал жертву, по воде расходились круги. Лейтенант внезапно почувствовал себя беспомощным, как сонная майская муха.

Индейцы одинаково легко могли как украсть его лошадь, так и убить его самого. Мысль о смерти угнетала его. *«Я могу умереть этим вечером»*, — думал Данбер.

Но больше всего его беспокоило то, что смерть его будет похожа на смерть какой-нибудь мелкой букашки, ничтожного насекомого.

Здесь же, у реки, он решил, что если ему суждено будет умереть, то это должно произойти не в постели.

Данбер знал: что-то есть в движении, что-то, что делало его уязвимым, что бросало его в дрожь и холодило его спину. Он мог быть жителем прерии, но это совсем не значило, что он уже был им. Он был всего лишь новичком в школе. Глаза одноклассников были прикованы к нему.

Спиной он все еще ощущал холод, когда вел Киско обратно в Форт вверх по склону горы.

IX

Сын Рога Быка при падении сломал руку.

Его привели к Трепыхающейся Птице сразу же, как только злополучное трио неудавшихся воинов вошло в деревню.

Мальчики были обеспокоены с того момента, когда сын Рога Быка обнаружил, что рука не слушается его. Если бы все прошло благополучно, их ночная вылазка осталась бы в тайне. Но в связи с этим происшествием сразу возникли вопросы.

Подростки могли бы исказить факты, или просто солгать. Но они принадлежали к племени дакота, а индейцы этого племени не умели лгать. Даже мальчишки.

Пока Трепыхающаяся Птица осматривал и пытался что-то сделать с его рукой, сын Рога Быка рассказывал всю правду своему отцу и старику Десять Медведей о том, что произошло.

Не было ничего необычного в том, что украденная лошадь сбежала от похитителей и вернулась домой. Но из-за того, что теперь они могут иметь дело с духом, вопрос о лошади вставал на первое место и имел важное значение. Старшие в племени подробно расспрашивали раненого мальчика.

Когда сын Рога Быка сказал, что лошадь ему не привиделась и что она рванулась назад вполне намеренно, лица его старших товарищей заметно вытянулись.

Нужно было созывать Совет еще раз.

В данном случае, каждый в деревне знал, о чем будет идти речь на Совете, потому что история неприятного приключения подростков уже облетела весь лагерь.

Некоторые из наиболее впечатлительных стали страдать приступами нервного расстройства,

когда узнали, что странный белый Бог мог скрываться по соседству.

Большинство же просто занимались обычными делами с мыслями о том, что Совет во главе с Десять Медведей сможет что-нибудь предпринять.

Однако никто в деревне не остался равнодушным, всех одолевали сомнения и боязнь.

И только один среди всех был действительно в ужасе.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

I

Она испытала ужас еще прошлым летом, когда обнаружилось, что белые солдаты пришли в страну. Ее племя никогда не видело их, исключая нескольких случайных встреч, которые закончились убийством белых лошадей. Она надеялась, что дороги белых и дороги людей ее племени больше никогда не пересекутся.

Когда поздним летом прошлого года у белых людей были украдены лошади, она запаниковала и выбежала из деревни. Она была уверена, что белые солдаты придут в лагерь. Но они не сделали этого.

Однако она была как на иголках долгое время, пока не стало ясно, что без своих лошадей белые солдаты были практически беспомощны. Тогда она смогла немного успокоиться. Но страх все равно не покидал ее до тех пор, пока лагерь не был свернут и они не начали свой путь к месту зимней стоянки. Ужасное облако страха преследовало ее, пока лето наконец не закончилось.

Сейчас наступило следующее лето, и во время всего их пути от зимнего лагеря она беспрестанно молилась о том, чтобы белых людей не было, чтобы они ушли. Ее молитвы оставались без ответа, и ее дни снова и снова проходили в беспокойстве — час за часом.

Ее звали Стоящая С Кулаком.

Она одна из всех индейцев-дакота знала, что белый человек — не Бог. Однако история о неожиданной встрече Брыкающейся Птицы привела ее в замешательство. Единственный белый мужчина, да еще полностью обнаженный? Здесь, на родных землях дакотов? Какой смысл скрывался во всем этом? А впрочем, неважно. Не зная точно, почему именно, она была уверена, что это был не Бог. Что-то внутри подсказывало ей это.

Она услышала историю о встрече с белым человеком этим утром, по пути в хижину, которую женщины посещали раз в месяц, оставаясь там до окончания менструации. Она сидела в своей хижине и думала о своем муже. Вполне естественно, что ей не нравились эти походы в отдельную женскую хижину, потому что она лишалась общества своего супруга. Он был замечательный, храбрый и стройный, необычный мужчина. Образцовый муж. Он никогда не обижал и не бил ее. И хотя оба их ребенка умерли (один при рождении, другой несколькими неделями позже), он упорно отказывался взять в жены другую женщину.

Люди убеждали его взять другую жену. Даже Стоящая С Кулаком однажды предложила ему это. Но он просто сказал: «Ты заменяешь мне всех других», — и она никогда не заговаривала об этом снова. В глубине души она была горда тем, что ее муж был счастлив с ней одной.

Сейчас она ужасно скучала по нему. До того, как племя свернуло свой зимний лагерь, он

возглавил большой отряд, выступивший против Ютов. Прошло около месяца, а она не получила ни одной весточки ни от него, ни от других воинов. И так как она уже какое-то время была с мужем в разлуке, путь в типи не показался ей таким тяжелым, как обычно. Этим утром, готовясь идти в отдельную палатку, молодая женщина была удовлетворена тем, что заметила еще двух женщин, направляющихся туда же. Это были ее хорошие подруги, и она была уверена, что с ними время пройдет намного быстрее.

По дороге она и услышала необычную историю, рассказанную Трепыхающейся Птицей. Чуть позже она узнала и о дурацкой затее подростков. Эти новости отразились на внешности Стоящей С Кулаком. Еще одна тяжесть придавила ее сильные, ровные плечи. Она будто несла на них одеяло, сделанное из железа, и непосильность этой ноши явственно отражалась у нее на лице. Женщина вошла в хижину для временного пребывания в сильном волнении.

Но Стоящая С Кулаком была стойкой женщиной и перед своими подругами не подала вида, что ее что-то беспокоит. Ее красивые светло-карие глаза, которые светились благородством, ничего не выражали, пока она шила и болтала в это утро со своими подругами.

Все знали об опасности. Все племя. Но никто и не помышлял о том, чтобы заговорить на эту тему. И ни один человек не произнес об этом ни слова.

Целый день стройное маленькое тело Стоящей С Кулаком передвигалось по хижине, ничем не выдавая тяжелого груза, лежащего на ее хрупких женских плечах.

Ей было двадцать шесть лет.

Почти двенадцать из них она была одной из дакотов.

До этого она была белой и не принадлежала этому племени.

До этого она была... что же было?

Стоило ей только вспомнить о той жизни, что случается крайне редко, как она не могла позволить себе продолжать думать о белых людях. Тогда, по некоторой необъяснимой причине, все вставало у нее перед глазами.

— О, да! — думала она, считая себя полноправным членом племени дакотов. — Я помню это. Тогда меня звали Кристина.

Она вспоминала прошлое, и оно всегда было одним и тем же. Это походило на прохождение сквозь старую, призрачную занавеску, и два мира становились одним. Прошлое сливалось с настоящим. Стоящая С Кулаком была Кристиной, а Кристина была Стоящей С Кулаком.

Цвет ее лица с годами изменился — оно потемнело. Вся ее внешность приобрела отчетливо выраженную дикость тех людей, с которыми она теперь жила. Но несмотря на то, что эта женщина дважды рожала, ее фигура оставалась все-таки фигурой белой женщины. И еще ее волосы, которые отказывались расти ниже плеч и не хотели становиться прямыми, имея ярко выраженный каштановый оттенок. И конечно, нельзя не сказать о паре светло-коричневых глаз.

Страх Стоящей С Кулаком сидел в ней глубоко и крепко, и она надеялась, что он когда-нибудь исчезнет.

Белому человеку могло бы показаться несколько странным присутствие белой женщины в этой

временной хижине для индианок. И сама Кристина чувствовала себя неуютно в этом месте, потому что мало походила на индианку, несмотря на все годы, проведенные в племени.

Это было ужасное тяжелое бремя, но Стоящая С Кулаком никогда не говорила о нем с кем бы то ни было. Еще меньше она думала о жалобах. Она несла свою ношу молча, с огромной отвагой преодолевая каждый день своей индейской жизни. На то была своя, совершенно определенная причина.

Стоящая С Кулаком хотела оставаться тем, кем она была сейчас, и оставаться там, где находилась.

Она была счастлива.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

I

Десять Медведей окончил Совет, не вынеся никакого решения, но это был не такой уж редкий случай, чтобы можно было назвать его необыкновенным.

Скорее часто, чем редко, Совет оканчивался неопределенно, давая тем самым начало новой фазе политической жизни племени.

Так было и на этот раз. Встав перед выбором, что им делать, люди предпочли предпринимать самостоятельные действия.

II

Ветер В Волосах сильно настаивал на втором плане: спуститься с холма и взять лошадь белого человека, не потревожив его самого. Но на этот раз послать не мальчиков, а мужчин. Совет отклонил и это его предложение, но Ветер В Волосах ни на кого не рассердился.

Он внимательно выслушал все высказанные мнения и вынес свое решение. Решение принято не было, но аргументы, прозвучавшие против, не убедили Ветра В Волосах, что его план был плохим.

Он считался заслуженным воином, и как любой воин, заслуживший уважение, имел неоспоримые права.

Он мог поступать так, как считал нужным.

Если бы совет остался непреклонен, или если бы воин осуществил свой план и сделал бы это плохо, на следующий бы Совет был бы вынесен вопрос о его выходе из племени.

Ветер В Волосах уже принял это во внимание. Совет не был непреклонным — люди просто напились допьяна. А что касается его... отлично... Ветер В Волосах никогда и ничего не делал плохо.

Итак, когда Совет наконец закончился, воин прошел по наиболее людной улице лагеря, заглядывая по пути в вигвамы нескольких своих друзей, и говоря им одни и те же слова:

— Я собираюсь пойти вниз, чтобы украсть лошадь. Хочешь пойти со мной?

Все друзья как один отвечали одинаково — вопросом на вопрос:

— Когда?

Ветер В Волосах давал всем один и тот же ответ:

— Сейчас.

III

Собралась совсем небольшая группа. Пять человек.

Они покинули деревню и выехали в прерию неторопливым, обдуманном заранее шагом. Движения их были спокойны. Но это совсем не означало, что они были беспечны.

Индейцы двигались мрачно, похожие на людей с ничего не выражающими лицами, которые отправились на похороны дальнего родственника.

Когда они шли, чтобы отвязать своих пони, Ветер В Волосах сказал им, что надо будет делать.

«Мы возьмем лошадь. Следите за ней, когда мы отправимся обратно. Окружите ее со всех сторон. Если там будет белый человек, не стреляйте в него до тех пор, пока он не выстрелит первым. Если он попытается заговорить с вами, не отвечайте. Мы возьмем лошадь и посмотрим, что произойдет».

Ветер В Волосах никому не хотел признаться, что почувствовал волну облегчения, когда Форт открылся их взору.

В корале стояла лошадь. Она выглядела отлично.

Но бледнолицего нигде не было видно.

IV

Белый человек хорошо поспал до наступления вечера. Его сон длился несколько часов. Около полудня он проснулся, удовлетворенный тем, что его новая идея так хорошо работает.

Лейтенант Данбер решил спать в течение дня и оставаться бодрствующим всю ночь при свете костра. Те, кто украл Киско, пришли на закате. К тому же, он слышал множество рассказов о том, что у индейцев это время — самые лучшие часы для атаки. Таким образом, выпавшись днем, он был готов не спать всю ночь в ожидании, когда они придут.

Данбер после долгого сна еще не совсем уверенно чувствовал себя на ногах. И он сильно вспотел. Его тело стало липким от пота. Сейчас самое время принять ванну.

Вот почему сейчас он находился в реке. Лейтенант в очередной раз погрузился в воду, чтобы смыть мыльную пену с волос. Когда он вынырнул, а вода стекала ему на плечи, он услышал, как несколько верховых движутся вдоль скалы.

Данбер выскочил из воды и инстинктивно бросился за своими трусами. Какое-то время он возился с брюками, но так и не справившись, отбросил их в сторону, достав из кармана тяжелый револьвер. Потом лейтенант, быстро, как только мог, устремился вверх по склону на всех четырех конечностях.

V

Они заметили его, когда выезжали из Форта вместе с Киско.

Он стоял на краю утеса. Вода стекала по его телу. Голова была покрыта чем-то белым. В руке он держал пистолет. Все это было замечено вскользь взглядом, брошенным через плечо. И ничего больше. Они все помнили инструкцию, которую дал им Ветер В Волосах. Один воин держал повод Киско, остальные ехали вокруг. Индейцы помчались из Форта в строгом боевом порядке.

Ветер В Волосах замыкал группу.

Белый человек не шевелился. Он стоял на краю утеса прямо и уверенно, его рука, сжимающая револьвер, была опущена вдоль тела.

Ветер В Волосах мог не особо беспокоиться о белом мужчине. Но он сильно беспокоился о том, что белый человек из себя представлял. Это был самый постоянный враг каждого воина. Белый человек внушал страх. Единственной целью индейца было уйти с поля боя после тяжелого сражения, но позволить страху появиться на лице и ничего не сделать... Ветер В Волосах знал, что не может этого допустить.

Он взял своего неистового пони за узду, развернул его кругом и галопом понесся на лейтенанта.

VI

В диком желании вскарабкаться на вершину скалы лейтенант Данбер был истинным солдатом. Он торопился встретиться с врагом. В его голове в тот момент не было иных мыслей.

Но все, что ему оставалось в данный момент — удовлетвориться мыслью, что он преодолел скалу.

Данбер был уверен в том, что это преступники, шайка бандитов, воров, которые заслуживали наказания.

Однако он был поражен их видом и действиями, которые походили на карнавальное шествие, и смотрел на происходящее глазами ребенка, который впервые попал на большой праздник. Лейтенант был бессилён сделать что-либо, и теперь он стоял на вершине и провожал их взглядом.

Он видел неистовую скачку пони, когда они промчались мимо совсем рядом. Их блестящую шерсть, перья, развевающиеся на уздечках, гривах и хвостах, украшения на крупах. И еще он видел людей на их спинах, скачущих с непринужденностью ребенка на своих игрушечных лошадках. Их темная кожа отливала медью, а под ней четко вырисовывались линии мускулистых тел. Блестящие, заплетенные в косу волосы, пики и винтовки, раскраска, нанесенная четкими линиями на их лица и руки, дополняли картину.

Все это составляло поразительную гармонию. Вместе — люди и кони — выглядели как большое лезвие плуга, скользящее по ландшафту, и эта борозда едва касалась поверхности.

Скорость и цвет вызывали у Данбера такое восхищение, какого он не мог себе и представить. Это было празднование победы в войне, оконченной захватом в плен единственного живого существа. Лейтенант стоял пригвожденный к месту, и был в тот момент не столько человеком, сколько просто парой глаз.

Данбер находился как будто в густом тумане, и только мгла начала рассеиваться, как лейтенант осознал, что один из индейцев возвращается.

Словно во сне. Данбер боролся с собой, чтобы проснуться. Его мозг пытался послать команду телу, но, по всей вероятности, связь была нарушена. Он не мог пошевелить ни одним мускулом.

Всадник быстро приближался, устремившись вперед на Данбера по кратчайшему пути. Лейтенант даже не думал о бегстве. И он не думал о смерти. Он вообще потерял всякую способность мыслить. Данбер стоял неподвижно, сосредоточив внимание на раздувающихся ноздрях несущегося на него пони.

VII

Когда Ветер В Волосах оказался в тридцати футах от Данбера, он так резко осадил свою лошадь, что пони на какое-то мгновение коснулся крупом земли. Подпрыгнув от неожиданности, возбужденный пони твердо встал на ноги, но тут же стал пританцовывать, раскачиваться и кружиться. Ветер В Волосах отпустил поводья, едва осознавая движения, которые пони производил под ним.

Он уставился на стоящего голого белого человека. Фигура была абсолютно неподвижна. Индеец даже не заметил, чтобы белый мужчина хотя бы раз моргнул. Однако Ветер В Волосах видел сверкающую белизной грудь, которая вздымалась и опускалась. Значит, это был живой человек.

Он, казалось, совсем не был испуган. Ветер В Волосах оценил отсутствие страха у белого мужчины, но в то же время это заставляло индейца нервничать. Мужчина должен был испугаться. Как же иначе? Ветер В Волосах почувствовал, как его собственный испуг возвращается к нему. По его коже пробежали мурашки.

Индеец снял с плеча винтовку и выкрикнул гортанным голосом три выразительных предложения:

— Мое имя Ветер В Волосах! — Видишь ли ты, что я не боюсь тебя?

— Видишь ли ты это?

Белый мужчина ничего не ответил, и Ветер В Волосах неожиданно почувствовал себя удовлетворенным. Он пришел и предстал прямо перед лицом своего возможного противника. Он бросил вызов обнаженному белому человеку, а тот ничего не сделал в ответ. Этого было достаточно.

Индеец развернул своего пони кругом и чуть тронул его вперед, предоставив ему самому выбирать дорогу. Теперь он мог присоединиться к своим товарищам.

VIII

Лейтенант Данбер изумленно наблюдал, как воин уезжает прочь. Слова все еще эхом отдавались в его мозгу. Звуки, из которых они состояли, были похожи на лай собаки. И хотя Данбер понятия не имел, что они означали, эти звуки по произношению напоминали речь, воин что-то говорил ему.

Постепенно лейтенант начал выходить из того состояния, в котором пребывал все это время. Первой вещью, которую он почувствовал, был револьвер в его руке. Он был удивительно

тяжелым, и Данбер позволил пальцам разжаться и выпустить его. Потом он медленно опустился на колени и уперся ягодицами в пятки. Он сидел так очень долго. Силы его были истощены. Никогда раньше Данбер не чувствовал себя таким слабым. Сейчас он казался слабее новорожденного младенца.

Какое-то время лейтенант думал, что никогда не сможет сдвинуться с этого места, но наконец он поднялся на ноги и поплелся в хижину. Ценой огромного усилия над собой ему удалось с первой попытки скрутить себе сигарету. Но он был слишком слаб, чтобы выкурить ее. После двух или трех затяжек Данбер забылся глубоким сном.

IX

Второе похищение несколько отличалось от первого, но в целом почти повторило предыдущее.

Проскакав около двух миль, пятеро дакотов перевели своих лошадей на легкий бег. Они двигались сзади и по бокам Киско, так что у него была единственная возможность освободиться.

Он рванулся вперед.

Мужчины успели обменяться всего несколькими словами, когда гнедая лошадка подскочила, будто ее укусили в задницу, и понеслась.

Индеец, едущий в авангарде и указывающий путь, был сброшен со своего коня с такой силой, что перелетел через его голову. Ветер В Волосах имел всего несколько секунд, чтобы перехватить у своего упавшего товарища поводья, тянущиеся по земле вслед за Киско, но упустил их. Было слишком поздно. Они проскользнули у него между пальцев.

Теперь все это напоминало скорее охоту. Для дакотов это было не очень веселое развлечение. Индеец, сброшенный с пони, совсем не имел шансов, а остальных четверых преследователей оставила удача.

Один из них потерял свою лошадь. Пони попал ногой в одну из ям, вырытых в степи шакалами, и повредил переднюю ногу. Киско в этот вечер был хитер, как кот, и двое других всадников не удержались на спинах лошадей, которые пытались повторить зигзаги, выписываемые Киско.

Продолжал погоню только Ветер В Волосах. Несколько сотен ярдов он выдерживал темп, заданный лошадей Данбера, и когда его собственный пони начал выдыхаться, а расстояние между ними и беглецом так и не сократилось, индеец решил, что не стоит загонять свою любимую лошадь до смерти ради той, которую он не сможет догнать.

За то время, пока дыхание его мустанга приходило в норму, Ветер В Волосах наблюдал, как гнедая лошадка, которую Данбер ласково называл «оленьей шкуркой», неслась прямо по направлению к Форту. Огорчение из-за крушения всех его планов несколько уменьшилось, когда индеец признался себе в том, что Трепыхающаяся Птица, возможно, был прав. Это, вероятнее всего, заколдованная лошадь — существо, принадлежащее такому же загадочному существу.

Воин — дакота догнал остальных индейцев на обратном пути. Было очевидно, что Ветер В Волосах потерпел неудачу, и ни один из его товарищей не вдавался в подробности происшедшего.

Никто не проронил ни слова.

Они проделали длинный путь до лагеря в полной тишине.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

I

Ветер В Волосах и его люди, вернувшись в деревню, застали ее в трауре.

Отряд, посланный так много времени назад против Ютов, наконец добрался до дома.

И нельзя сказать, что новости, которые принесли вернувшиеся воины, были хорошими.

Они украли только шесть лошадей, и этого количества было явно недостаточно для того, чтобы возместить их собственные потери. Индейцы вернулись с пустыми руками после такого долгого отсутствия.

С ними было четверо сильно раненых человека, из которых только один мог надеяться на то, что он выживет. Но настоящая трагедия заключалась в том, что шесть человек были убиты. Шесть сильных и ловких воинов. И что самое худшее — только четыре трупа были завернуты в погребальные одеяла.

Оставшиеся в живых не имели возможности зарыть двоих из убитых и имена этих индейцев, к глубокой скорби, никогда не смогут быть произнесены снова.

Одним из этих несчастных был муж Стоящей С Кулаком.

II

Так как она находилась в отдельной хижине, посещаемой женщинами раз в месяц, это известие должно было быть передано ей снаружи двумя друзьями мужа.

Сначала, казалось, она бесстрастно приняла эту горькую весть. Женщина не пошевелилась, сидя, как статуя, на полу вигвама. Руками она обвивала колени, а ее голова была слегка наклонена. Она просидела так большую часть вечера, позволяя горю медленно вгрызаться в ее сердце, пока остальные женщины не ушли по своим делам.

Уходя, они участливо посматривали на нее, потому что знали, как близки были друг другу Стоящая С Кулаком и ее муж. Но больше, чем что-либо иное, причиной их взглядов служило ее принадлежность к белой расе. Никто из индейских женщин не знал, как отразится эта весть на здоровье белой женщины и что придет ей в голову в этой критической ситуации.

В их взглядах смешивались забота и любопытство.

Они все делали правильно.

Стоящая С Кулаком была так глубоко потрясена случившемся, что не произнесла в этот вечер ни звука. Не проронила ни одной слезинки. Она просто сидела. Мысли вихрем пронеслись в ее голове. Она думала о своей утрате, о муже и, наконец, о себе.

Перед ее глазами день за днем проходила вся ее жизнь с мужем, все самые яркие ее подробности. Снова и снова вставало перед ней одно воспоминание... один единственный раз за все прожитые годы она плакала.

Это случилось ночью, спустя некоторое время после смерти их второго ребенка. Она

выдержала это, стараясь сохранить все, что знала, от страданий. Она еле сдерживалась, когда слезы уже подступили совсем близко и рыдания встали комом в горле. Она пыталась остановить их, пряча лицо в ночную рубаху. Ее разговор с мужем о другой жене уже состоялся, и ее мужчина уже сказал эти слова — «Ты заменяешь мне всех». Но этого было недостаточно, чтобы заглушить горечь потери второго ребенка, боль, которую муж — она знала — разделил пополам с ней. И она прятала свое мокрое от слез лицо в рубаху. Но остановиться не могла. И тогда всхлипывания перешли в рыдания.

Когда все кончилось, она подняла голову и обнаружила его тихо сидящим у края очага, бесцельно тычущего в него палкой и рассеянно глядящего сквозь языки пламени.

Их глаза встретились, и она произнесла:

— Я — ничто...

Он ничего не ответил. Он просто заглянул прямо ей в душу с таким мирным выражением лица, что она не могла не почувствовать облегчения. Стоящая С Кулаком увидела, как улыбка чуть тронула его губы, когда он повторил эти слова:

— Ты заменяешь мне всех.

Она хорошо помнила его неторопливые движения, когда он поднялся от очага, его мягкий жест, словно говорящий: «Не волнуйся, иди ко мне», и его руки, обнимающие ее так нежно.

Она помнила то бессознательное состояние, когда они любили друг друга. Им не нужны были особенные движения, слова и силы. Это было как парение в воздухе, в самых верхних, в самых упругих ее слоях. Этот полет в бесконечном пространстве, это райское наслаждение — подчиняться воле потока, несущего их. То была их самая длинная ночь. Когда они почти достигали окончания и сон одолевал их, они каким-то образом находили в себе силы начать снова. И снова. И снова. Два тела сливались в одно.

Даже появление первых солнечных лучей не остановило их. В первый и единственный раз за всю их совместную жизнь они не покинули днем своего жилища.

Когда сон, наконец, сморил их, они уснули одновременно. Стоящая С Кулаком помнила, как она была охвачена таким сильным чувством, что тяжесть существования двух человек вдруг показалась ей настолько легкой, что это меняло все. Она больше не чувствовала себя индианкой или белой. Она просто была живым существом, человеком.

Стоящая С Кулаком вернулась из воспоминаний в действительность. Она все так же сидела в хижине, посещаемой женщинами раз в месяц.

Она больше не была женой, не была одной из дакотов и даже не была просто женщиной. Сейчас она была ничем. Чего она ждала?

Скребок для чистки шкур, в форме ножа, лежал на заваленном разными вещами полу в нескольких футах от нее. Она представила, как ее руки тянутся к нему. Как это орудие труда становится орудием убийства и погружается глубоко, по самую рукоятку, в ее грудь.

Стоящая С Кулаком ждала момента, когда внимание соплеменников переключится с нее на что-то другое. Она несколько раз качнулась назад и вперед, потом упала на колени, преодолевая эти несколько футов по полу на четвереньках.

Она все обдумала, и голова ее была ясной. Внезапно какая-то вспышка ослепила ее, и перед лицом оказалось лезвие. Стоящая С Кулаком подняла его выше и с пронзительным криком направила вниз, держась за рукоять обеими руками, будто хотела прижать что-то самое дорогое к сердцу.

В следующее мгновение нож готов был закончить свой удар, но в эту секунду в хижину вошла первая женщина. Хотя она и не видела рук, сжимающих нож, было достаточно столкновения для того, чтобы отклонить этот направленный вниз полет руки. Лезвие совершило путешествие по платью Стоящей С Кулаком, пройдя от левой груди и распоров замшевый рукав, а затем добралось до незащищенной одежды части руки чуть выше локтя.

Она боролась как одержимая, и женщины пережили трудные минуты, стараясь отобрать у нее нож. Наконец, они справились с ней, и маленькая белая женщина лишилась сил сопротивляться. Она упала на руки своих сестер по племени, подставленные с дружеской заботой. Как поток, который с открытием упрямого клапана изливается все-таки наружу, она начала конвульсивно всхлипывать.

Женщины наполовину вели, наполовину тащили этот крошечный трясущийся комок слез и рыданий к постели. Пока одна из подруг успокаивала несчастную, как ребенка, две других остановили кровотечение и перевязали ей Руку.

Она плакала так долго, что женщины вынуждены были установить дежурство возле нее. Наконец ее дыхание стало спокойнее, а рыдания постепенно перешли в ровное похныкивание. Не открывая своих утонувших в слезах глаз, она повторяла и повторяла одни и те же слова, ни к кому не обращаясь:

— Я ничто. Я ничто. Я ничто.

Рано вечером подруги наполнили полный рог жидким бульоном и предложили ей поесть. Сначала она нерешительно сделала несколько маленьких глотков, но чем больше она пила, тем больше ей было нужно. Стоящая С Кулаком сделала последний длинный глоток и снова легла. Ее глаза остались широко открытыми. Так она и лежала, глядя в потолок, будто видела там своих старых друзей, которые покинули ее.

— Я — ничто, — произнесла она снова. Но теперь тон, которым были сказаны эти слова, был полон безмятежности, и остальные женщины поняли, что она прошла через самую опасную стадию своего горя.

С добрыми словами поддержки, ласково шепча, они гладили ее спутанные волосы и подтыкали края одеяла под ее узкие плечи.

III

В то время, когда переживания Стоящей С Кулаком окончились глубоким, спокойным сном, лейтенант Данбер проснулся от стука копыт, слышащегося у дверей его дерновой хижины.

Не понимая спросонья, что это за звуки, с отяжелевшей головой после долгого сна, лейтенант тихо лежал, заставляя себя мигать, чтобы быстрее проснуться. Наконец рука нащупала на полу тяжелый револьвер. Еще до того, как Данбер наткнулся на него, он узнал звуки. Это был Киско, снова вернувшийся к нему.

Оставаясь настороже, лейтенант бесшумно выскользнул из койки и, прокравшись в полусогнутой позе позади своей лошади, вышел наружу.

Уже заметно стемнело, хотя было еще не поздно. Первая звезда одиноко мерцала на небе. Лейтенант слушал и наблюдал. Рядом никого не было.

Киско проследовал за ним во двор. Лейтенант рассеянно опустил руку ему на шею и заметил, что шерсть коня все еще мокрая от пота. Он усмехнулся и громко сказал:

— Полагаю, ты доставил им определенные трудности, не так ли? Пойдем, дадим тебе воды.

Ведя Киско к реке, Данбер был поражен, каким сильным он себя чувствовал. Его остолбенение при виде вечерней скачки, хоть он и помнил все очень хорошо, казалось сейчас чем-то далеким. Не тусклым, а просто слишком давним, как история. «Это было боевое крещение», — заключил он. Боевое крещение, которое превратило его ожидание опасности в реальность. Воин, подсказавший к нему и лающий на него, был настоящим. Мужчина, взявший Киско, тоже был настоящим. Теперь он знал их.

Пока Киско жадно пил воду, причмокивая своими пухлыми губами, лейтенант Данбер позволил своим мыслям унести впереди в том направлении, какое они избрали.

«Ожиданием», — думал он, — «вот чем я был занят».

Данбер встряхнул головой, беззвучно смеясь над собой. «Я ждал,» — он бросил в воду камешек. — «Ждал чего? Пока кто-нибудь найдет меня? Когда индейцы заберут мою лошадь? Появления фургона?»

Он не верил самому себе. Он никогда не сидел на яйцах, и тем не менее, именно этим он занимался последние несколько недель: сидел на яйцах и ждал, когда что-нибудь произойдет.

«Лучше положить этому конец прямо сейчас», — сказал лейтенант самому себе.

Он хотел продолжить свои размышления, как вдруг его глаза уловили что-то необычное. Какой-то свет отражался от воды по ту сторону реки.

Лейтенант Данбер посмотрел назад.

Неестественно полная луна начинала свой путь по ночному небосклону.

Чисто импульсивно Данбер вскочил на спину Киско и поскакал к вершине скалы.

Перед ним открылось поразительное, завораживающее зрелище: огромная луна, яркая, как желток яйца, заполняла собой ночное небо. Казалось, целый новый мир зовет его, Данбера, к себе.

Он опустил поводья и закурил, зачарованно наблюдая за тем, как луна быстро поднимается вверх. Ее перемещение было отлично видно и могло служить прекрасным ориентиром для путешественника, не имеющего карты.

По мере этого шествия луны по темному небу прерия становилась все светлее и светлее. До сих пор Данберу была известна только темнота ночной прерии, но этот поток света, эта иллюминация чем-то походила на океан, внезапно пересохший до самого дна.

Он должен был спуститься туда.

Лейтенант и Киско вместе отправились на прогулку, которая продолжалась около получаса, и Данбер наслаждался каждой ее минутой. Когда они наконец повернули назад, его переполняло

чувство уверенности в себе.

Сейчас он был рад всему случившемуся. Данбер не собирался хандрить и дальше из-за солдат, которые отказывались прибывать. И он не собирался менять свои привычки относительно сна. Он больше не будет выезжать на патрулирование на небольшие дистанции, и не будет проводить все ночи в полудреме, оставаясь настороже.

Он больше не собирается чего-либо ждать. С этого момента он все берет в свои руки.

Завтра утром он, Данбер, покинет Форт и отправится искать индейцев.

И что особенного, если они съедят его?

Хорошо, если они его съедят, дьявол сможет получить еще одну душу.

Но отныне — никакого ожидания!

IV

Первое, что она увидела, когда проснулась на рассвете, была пара глаз. Потом она заметила множество глаз, глядящих на нее. Все пережитое вчера вернулось к ней, и Стоящая С Кулаком почувствовала неожиданный прилив смущения от того, что ей уделяют столько внимания. Она сделала попытку совершить действие, не входящее в привычки дакотов.

Она хотела спрятать свое лицо.

Окружающие спросили, как она себя чувствует и не хочет ли она есть, на что Стоящая С Кулаком ответила:

«Да, мне уже лучше и было бы неплохо что-нибудь поесть».

Пока она ела, наблюдая за тем, как женщины выполняют свои обычные обязанности, это, а также хороший сон и пища, возымели должное действие. Жизнь продолжалась, и, поняв это, она опять стала чувствовать себя человеком.

Когда она прислушалась к своему сердцу, она могла с уверенностью сказать, что чувствует боль. Сердце ее было разбито. Оно могло бы быть исцелено, если бы она должна была продолжать жить, и это было бы лучшим завершением искреннего траура.

Она должна носить траур по своему мужу.

Чтобы сделать это, Стоящая С Кулаком должна покинуть хижину для женщин.

Стояло еще раннее утро, когда она готова была идти. Женщины причесали ее растрепанные волосы и послали двух подростков по поручениям: одного — принести ее лучшее платье, другого — отвязать и привести одного из пони ее мужа.

Ни одна из женщин не была обескуражена, когда Стоящая С Кулаком продела пояс в ножны своего лучшего ножа и повязала его на пояс. Вчера они смогли предотвратить глупость. Сегодня Стоящая С Кулаком уже была спокойна. Если она все еще хочет расстаться с жизнью, то пусть так оно и будет. Многие женщины именно так и поступали в прошлом.

Подруги шли позади, когда она выходила из хижины — такая красивая и строгая, такая печальная. Одна из них помогла ей сесть на пони. Затем пони и женщины ушли, покидая

место, где племя располагалось лагерем, и направились в открытую степь.

Никто не окликнул ее, никто не заплакал, и никто не сказал ей «до свидания». Все только стояли и смотрели ей вслед. Но каждый из ее друзей надеялся, что она не будет слишком сурова к себе, и что она вернется назад.

Все они любили Собранную В Кулак.

V

Лейтенант Данбер торопился со всеми приготовлениями. Он уже проспал зарю и хотел быть готовым до восхода солнца. Теперь он обжигался горячим кофе, одновременно дымя своей первой в это утро сигаретой. Вместе с этим его мысли пытались упорядочить все настолько эффективно, насколько это было возможно.

Сначала он подумал о грязной работе, начав с флага на складе продовольствия. Он был новее, чем тот, который развеялся над его хижинкой. Данбер взобрался по разрушенной стене дерновой халупы и снял полотнище.

Он расщепил жердь от коралля, поставил ее на землю и приложил сбоку к ботинку. После тщательных измерений Данбер отрезал несколько дюймов от одного ее конца. Затем он укрепил на ней полотнище. Флаг выглядел совсем неплохо.

Более часа он провозился с Киско, счистив грязь с подков на каждом из его копыт, вычесав гриву и хвост и смазав их свиным салом.

Больше всего времени было потрачено на его шерсть. Лейтенант начищал ее и причесывал полдюжины раз до тех пор, пока, наконец, отступив на несколько шагов, не увидел, что нет смысла делать что-то еще. Все уже сделано. «Оленья шкурка» сияла, как глянцевая обложка книжки с картинками.

Данбер привязал свою лошадь на коротком поводу так, чтобы она не могла улечься в грязь, и снова вернулся в хижину. Там он достал свою форму и прошелся щеткой по всей ее поверхности дюйм за дюймом, стряхивая мельчайшие ворсинки и катышки. Затем он начистил до блеска все пуговицы. Если бы он имел краски, он обновил бы подкраской эполеты и желтые лампасы на наружной стороне брюк. Однако Данбер обошелся небольшим плевком и хорошей щеткой, и эти части его обмундирования засияли как новые. По окончании всех этих манипуляций его форма выглядела вполне сносно.

Лейтенант начистил до блеска свои новые кожаные, доходящие до колен сапоги для верховой езды и поместил их рядом с формой, разложенной на кровати.

Теперь наступило время заняться собой. Данбер взял суровое полотенце и прибор для бритья и торопливо спустился к реке. Он нырнул в воду, намылился, окунулся с головой еще раз и выскочил на берег. Вся эта операция заняла меньше пяти минут. Заботясь о том, чтобы не пораниться, лейтенант дважды побрился. Проведя ладонью по щекам и шее и не наткнувшись на щетину, он поспешил назад, на вершину скалы, и в хижине оделся.

VI

Киско изогнул шею и насмешливо уставился на существо, подходящее к нему. Особое внимание он обратил на яркий красный пояс, развевающийся на талии мужчины. Даже если бы Данбер не надел этого пояса из ярко-красной ткани, глаза лошади все равно остановились

бы на фигуре своего хозяина. Никто еще не видел лейтенанта Данбера в полной амуниции. И Киско в том числе. А уж он-то знал своего хозяина как никто другой.

Лейтенант всегда одевался одинаково аккуратно, но в некоторых случаях добавлялись небольшие штрихи: по случаю парадов, проверок или встреч с генералами, некоторые части его формы блестели чуть больше обычного.

Но если бы самые лучшие армейские умы объединили свои способности мыслить для того, чтобы создать образ последнего молодого офицера, они обманулись бы в своих предположениях относительно лейтенанта Данбера, который проделал определенную работу над своей внешностью в это кристально чистое майское утро.

Вплоть до тяжелого военно-морского револьвера, качающегося на поясе у бедра лейтенанта, это был образец солдата, о котором мечтает каждая молоденькая девушка. Сейчас он представлял из себя молодого воина во всем блеске, и ни одно женское сердце не устояло бы при взгляде на него. Самые циничные, самые невозмутимые головы были бы вынуждены обратить на него внимание, и даже самые плотно сжатые губы не смогли бы удержаться от вопроса:

— Кто это?

Данбер слегка похлопал Киско по шее, приласкав его, а затем, ухватившись за гриву, без усилия вскочил на гнущуюся глянцевую спину. Они неторопливым шагом добрались до склада продовольствия, где Данбер наклонился и поднял с пола ранее приготовленный шест и снял со стены флаг. Он воткнул древко за голенище левого сапога и, придерживая полотнище левой рукой, послал Киско вперед, в открытую прерию.

Отъехав на сотню ярдов, Данбер остановил лошадь и оглянулся, сознавая, что возможности еще раз увидеть это место ему может больше не представиться. Он взглянул в ту сторону, где поднималось солнце, и отметил, что утро только набирает свою силу. Лейтенант уже множество раз мог обнаружить индейцев. Далеко к западу он видел висящее облако дыма, которое появлялось три утра подряд. Это, должно быть, и были они.

Данбер посмотрел на носки своих сапог. Они отражали солнечный свет, играя бликами. Крупицы сомнения закрались в его душу, и в следующую секунду его охватило желание глотнуть немного виски. Он подбодрил Киско, и маленькая лошадка перешла на рысь, несясь на запад. Поднялся легкий ветерок, и Старая Слава засияла с новой силой, когда лейтенант поехал навстречу... навстречу чему, он не знал сам.

Но он уже был в пути.

VII

Не зная заранее, что она должна делать и что вообще делается индейскими женщинами, носящими траур, Стоящая С Кулаком с честью для себя соблюдала этот ритуал.

Сейчас она уже не желала себе смерти. Все, чего она хотела — это облегчить груз того горя, который скопился внутри нее. Она хотела полного успокоения, и пользовалась сейчас тем временем, которое у нее было.

Тихим, размеренным шагом она ехала почти час, пока не достигла того места, которое искала. Места, которое подходило ей. Здесь любили собираться Боги.

Тот, кто жил в прерии, мог принять это за холм. Для любого другого это было всего лишь кочка на поверхности земли, как белый барашек волны на поверхности моря. На этом холме росло одинокое дерево. Старый узловатый дуб непостижимым образом стоял здесь и тянулся к жизни, несмотря на то, что был за долгие годы сильно покалечен проезжающими и проходящими мимо путниками.

Это было единственное дерево, которое можно было видеть на протяжении многих миль в любом направлении.

Место, выбранное женщиной, было пустынным. Поэтому она остановилась именно здесь. Она искала уединения и нашла его. Стоящая С Кулаком поднялась на вершину холма и оставила здесь своего пони, а сама, пройдя несколько футов по склону, села на землю, покрытую травой.

Кружась вокруг головы, ветер трепал ее косу, и она помогла ему. Женщина распустила свои каштановые волосы и позволила ветру играть ими, как ему захочется.

Она закрыла глаза и начала, тихо раскачиваясь вперед-назад, перебирать в уме те ужасные вещи, которые произошли в ее жизни, отдавая предпочтение этим мыслям перед всеми другими.

Некоторое время спустя, слова какой-то песни стали складываться в ее голове. Она открыла рот, и стихи полились наружу, такие уверенные и сильные, будто она их уже когда-то слышала и сейчас только повторяла вслух.

Ее пение было превосходно. Иногда голос срывался, но она пела от всего сердца, с такой очаровательной простотой, что это пение было приятно для слуха.

Первая песня была проста. В ней воспевались его достоинства как воина и ее мужа. Приближалось окончание песни, и она завершила ее словами:

«Он был великим человеком,
Он был великим для меня».

Она сделала паузу перед тем, как спеть эти строки. Подняв глаза к небу, Стоящая С Кулаком достала нож, вытащив его из ножен, что висели на поясе, и не колеблясь сделала надрез на тыльной стороне руки примерно в два дюйма длиной. Кровь быстро начала сочиться из ранки. Она закончила песню, твердо сжимая нож в руке.

В течение следующего часа она еще несколько раз сделала себе такие же разрезы. Раны были неглубоки, но, тем не менее, из надрезов обильно текла кровь. Стоящая С Кулаком находила в этом удовлетворение. В то время, как ее голова просветлялась, она все больше уходила в себя.

Пение продолжалось. В песнях рассказывалась вся история их жизни. Слова и фразы были так откровенны, что поведать это кому-либо было нескромностью. Но сейчас женщина говорила с Богами. Не вдаваясь в подробности, она рассказала все.

Наконец она закончила красивую строфу просьбой к Великому Духу дать погибшему почетное место в мире, который находится по ту сторону солнца. Неожиданный наплыв чувств поразил ее. Совсем немного она не рассказала Богам в своих песнях. Но она закончила, и это означало, что пора прощаться.

Слезы лились ручьями из ее глаз, когда она приподняла подол своего замшевого платья, чтобы сделать еще один надрез — на этот раз на бедре. Она торопливо провела лезвием по ноге и

тихо вскрикнула. На этот раз разрез оказался очень глубоким. Она, должно быть, задела главную артерию, потому что при взгляде вниз, на ногу, Стоящая С Кулаком видела, как красный фонтанчик выплескивался из раны при каждом ударе сердца.

Женщина могла попытаться остановить кровь или продолжать петь.

Стоящая С Кулаком выбрала последнее. Она сидела вытянув ноги, и кровь стекала на землю, которая впитывала ее, как живительную небесную влагу. Женщина высоко подняла голову и слова ее песни стали похожи на причитания:

«Хорошо будет уйти
По последнему пути
За тобой...
В мир, где долгие поля,
Где сейчас душа твоя
И покой...»
VIII

Ветер дул Стоящей С Кулаком прямо в лицо, и по этой причине она не могла услышать приближения всадника.

Он заметил этот холм издалека и решил, что будет неплохо взобраться на его вершину и осмотреть местность. Находясь внизу, всадник видел только бескрайние просторы степей.

Лейтенант Данбер добрался уже до середины склона, когда ветер донес до его ушей странные, печальные звуки. Двигаясь с осторожностью, он оглядывался по сторонам. Неожиданно для себя он увидел фигуру, сидящую на склоне прямо впереди него несколькими футами ниже. Данбер видел только спину и не мог сказать с уверенностью, была ли это женщина или мужчина. Но это, несомненно, был индеец.

Поющий индеец.

Лейтенант все еще сидел верхом на Киско, когда сидящий повернулся к нему лицом.

IX

Она не могла бы объяснить, что это было. Но Стоящая С Кулаком внезапно почувствовала, что что-то появилось позади нее, и тогда она обернулась посмотреть.

Она только мельком успела заметить лицо под шляпой, и с удивлением смотрела теперь на цветной флаг, порывом ветра завернутый вокруг головы человека.

Но одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что перед ней белый солдат.

Она не вскочила и не побежала. В этом единении человека с лошастью было что-то, что невозможно описать словами. Весь облик этих существ завораживал большой цветной флаг и лоснящаяся шкура пони, солнце, отражающееся от множества блестящих украшений на одежде этого человека. И лицо, когда полотнище развернулось — молодой, волевое лицо с сияющими глазами.

Стоящая С Кулаком несколько раз подряд моргнула, словно желая убедиться, что перед ней не видение, а живой человек. Ничто не двигалось, кроме полотнища, бьющегося на ветру.

Солдат чуть передвинулся на спине своей лошади. Это все-таки было реальностью. Женщина перекатилась на колени и начала ползком спускаться по склону. Она не издала ни звука, но и не торопилась. Стоящая С Кулаком очнулась от одного наваждения, чтобы очутиться в другом, которое было слишком реальным. Она двигалась медленно, но только потому, что у нее не оставалось сил, чтобы бежать.

Х

Данбер был шокирован, когда увидел ее лицо. Он не сказал ни единого слова, да и не могло ничего возникнуть в его голове в этот момент — он был слишком удивлен. Если он и мог что-либо произнести, то, скорее всего, это было бы что-то вроде:

«Какой расе принадлежит эта женщина?»

Точеное, маленькое лицо, спутанные каштановые волосы и умные глаза, способные одинаково выражать как любовь, так и ненависть, тотчас же овладели его мыслями. Ему пришло на ум, что она, может быть, не индианка. Только эта мысль вертелась сейчас в его мозгу.

Он никогда в жизни не видел женщину, выглядевшую так странно.

До того, как Данбер смог произнести хоть слово или сдвинуться с места, она перекатилась на колени и он увидел, что она вся в крови.

«Боже мой!» — воскликнул лейтенант.

Она уже почти спустилась к подножию холма, когда Данбер поднял руку и мягко окликнул ее.

— Постой!

При звуке его голоса Стоящая С Кулаком попыталась бежать, но силы оставили ее, и она то и дело спотыкалась. Лейтенант Данбер направился вслед за ней, умоляя ее остановиться. Когда он приблизился настолько, что между ними осталось всего несколько ярдов, Стоящая С Кулаком оглянулась, теряя равновесие, и упала в высокую траву.

Юноша настиг ее. Она ползла, теряя последние силы. Каждый раз, пытаясь дотронуться до нее, он был вынужден отдергивать руку, как будто боясь прикоснуться к раненому животному. Наконец, он сумел обхватить ее за плечи, и тогда она перевернувшись на спину, вцепилась ему в лицо.

— Ты ранена, — сказал он, уврачиваясь от ее рук — Ты ранена.

Несколько секунд она яростно сопротивлялась, теряя в борьбе последние силы, и Данбер, выбрав момент, ухватил ее за запястья. Она еще какое-то время извивалась и брыкалась под ним, и тогда произошло нечто странное.

В пылу борьбы старое английское слово, одно из тех, которые она не произносила уже много лет, всплыло в ее памяти. Оно сорвалось с губ до того, как она смогла остановить его.

— Не надо, — сказала она.

Это заставило обоих на мгновение остановиться. Лейтенант Данбер не мог поверить, что слышал это, а Стоящая С Кулаком не верила в то, что она произнесла эти слова.

Она откинула голову назад и затихла. Ее тело распростерлось на земле. Все случившееся было

для нее слишком тяжело. Женщина со стоном произнесла несколько слов на языке дакотов и потеряла сознание.

XI

Женщина лежала в высокой траве. Она продолжала дышать. Большинство ее ран были поверхностными, но одна из них, на бедре, была опасна. Кровь, не останавливаясь, сочилась из разреза, и лейтенант поспешил отправиться за своим выброшенным за милю или две до этого места красным матерчатым поясом. В данном случае он мог сойти за хороший бинт.

Он был готов выбросить не только свой пояс. Чем дальше он отъезжал от форта, не встречая в степи ни одного живого существа, тем смешнее казался ему собственный план. Данбер выбросил пояс, как нечто бесполезное, действительно глупое, и был готов также избавиться и от флага (который тоже казался смешным в данной ситуации) и вернуться в Форт Сэдрик, но вдруг заметил эту возвышенность в степи и одинокое дерево на ней.

Его пояс был новым и слишком жестким. Тогда с помощью ножа, взятого у женщины, лейтенант отрезал полоску ткани от флага и, заменив ею жгут, перевязал бедро несчастной чуть выше разреза. Кровотечение заметно уменьшилось, но Данберу все еще требовалось что-нибудь, что можно было бы приложить к ране. Он содрал с себя одежду, в спешке извиваясь всем телом, и разрезал нижнюю рубаху пополам. Одну ее часть он собрал в тампон и приложил его к глубокой ране.

Десять ужасных минут обнаженный по пояс лейтенант Данбер на коленях рядом с женщиной, обеими руками с силой прижимал к ране этот компресс. За все это время он только однажды подумал, что она могла умереть. Он приложил ухо к ее груди и, задержав дыхание, чутко прислушался. Ее сердце еще билось.

Делать все самому в тот момент казалось Данберу непосильной задачей. Нервы его были напряжены до предела. Он не знал, что это за женщина, и не знал, будет ли она жить или умрет. В траве у подножия холма становилось жарко, и каждый раз, когда он вытирал рукой пот, струящийся ему на глаза, на его лице оставались следы ее крови. Лейтенант время от времени убирал компресс, чтобы взглянуть на рану. И каждый раз он сокрушенно смотрел на кровь, которая отказывалась останавливаться. Он решил было заменить компресс...

Но оставил его на месте.

Наконец, когда кровь потекла тоненькой струйкой, Данбер перешел к более активным действиям. Разрез на бедре необходимо было зашить, но в данный момент сделать это было невозможно. Тогда он освободил ногу женщины от длинных нижних штанов, распоров их на полосы, а затем туго забинтовал рану. Потом, работая так быстро, насколько это было возможно, лейтенант отрезал еще одну полоску ткани от флага и с крайней осторожностью повязал ее поверх бинта. Он повторил этот процесс и с остальными неглубокими ранами на руках женщины.

Пока он занимался все этим, Стоящая С Кулаком начала стонать. Она несколько раз открывала глаза, но была слишком слаба, чтобы беспокоиться о себе в эти минуты. Она не пошевелилась даже тогда, когда Данбер взял свою фляжку и влил ей в рот несколько маленьких глотков воды.

Завершив свою работу, он сделал все, что мог сделать врач на его месте. Данбер натянул на себя одежду, размышляя, что он будет делать дальше, после того, как застегнет все пуговицы.

Недалеко в прерии лейтенант увидел пони женщины и подумал, что надо бы поймать и привести его сюда. Но когда Данбер посмотрел на нее, беспомощно лежащую в траве, то понял, что не имеет смысла заниматься этим сейчас. Она не в состоянии куда-либо ехать, а вот помощь может понадобиться ей в любую минуту.

Лейтенант взглянул на запад в небо. Дымовое облако почти исчезло. Осталось всего несколько клочков, висящих над землей. Если Данбер поторопится и поскачет в том направлении, то достигнет облака еще до того, как оно рассеется.

Он просунул руки под Собранную В Кулак, поднял ее и мягко, как только смог, опустил на спину Киско, намереваясь идти рядом. Но женщина находилась в полубессознательном состоянии и начала опрокидываться сразу же, как только Данбер перестал ее поддерживать.

Удерживая ее одной рукой на спине Киско, лейтенанту удалось вспрыгнуть на лошадь сзади. Затем он повернул ее боком и, поддерживая за спину, с видом отца, убаюкивающего свою израненную дочь, направил свою лошадь в сторону дымового облака.

Пока Киско нес их на себе через прерию, лейтенант обдумывал план: как произвести впечатление на диких индейцев. Сейчас он выглядел не очень могущественным и был далек от того, чтобы представить свое появление как официальный визит. На его руках и кителе остались следы крови. Молодая женщина была перевязана его исподним и флагом Соединенных Штатов.

Но так даже лучше. Когда он думал о том, с каким видом выехал он из Форта, как смешно выглядел в своих блестящих сапогах и с красным поясом на талии в этой глухой, почти безлюдной местности, да еще с флагом, развевающимся слева от него, то не мог сдержать глуповатой улыбки.

— Должно быть, я идиот, — думал Данбер.

Он посмотрел на каштановые волосы, щекочущие ему подбородок, и задумался. Что эта бедная женщина могла подумать, когда увидела его в этом щегольском наряде?

Стоящая С Кулаком вообще ни о чем не думала. Для нее наступили сумерки. Она могла только чувствовать. Сейчас она ощущала, как лошадь покачивается под ней, как чьи-то руки поддерживают ее, обхватив за спину. И она чувствовала что-то незнакомое у себя перед лицом. Но сильнее всего Стоящая С Кулаком ощущала свою безопасность, и весь обратный путь она не открывала глаз, опасаясь что если она это сделает, чувство безопасности пройдет.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

I

Большая Улыбка был ненадежным мальчиком.

Никто не мог бы сказать, что он любит доставлять неприятности, но, все-таки, Частая Улыбка не любил трудиться и был непохож на остальных индейских мальчишек тем, что идея об ответственности, которую подсознательно чувствовал в племени каждый, оставляла его холодным.

Большая Улыбка был мечтателем и, как это часто бывает с мечтателями, он считал, что одна из лучших военных хитростей для избавления от скучной работы — это воздержаться от работы.

Из этого следовало, что ленивый мальчишка проводил все свое время с большим стадом пони, принадлежащим племени. Он регулярно получал это задание отчасти потому, что всегда готов был пойти туда, отчасти потому, что в свои двенадцать лет уже считался знатоком лошадей.

Большая Улыбка мог с точностью до одного часа определить время, когда кобыла начнет жеребиться. Он знал приемы, как укротить упрямого жеребенка. А когда необходимо было лечить заболевшую лошадь, он знал о недугах и способах их лечения столько же, сколько любой взрослый мужчина племени, а то и больше. Казалось, что и пони чувствовали себя лучше, когда он находился рядом.

Это было второй натурой Большой Улыбки... второй и второстепенной. Больше всего он любил не столько ухаживать за лошадьми, сколько пасти их далеко от лагеря, иногда за милю. Тогда Частая Улыбка был далек от всего: от всемогущих глаз своего отца, от потенциального гомона своих братьев и сестер, а самое главное — от нескончаемых работ по обустройству лагеря.

Обычно другие мальчики и девочки стояли или сидели, облокотясь о деревья, возле стада, и пока не происходило что-либо особенное, Частая Улыбка редко присоединялся к их играм и редко общался с ними.

Он больше предпочитал взобраться на спину какой-нибудь тихой клячи и, распростершись на ее спине, мечтать. Иногда это длилось часами, пока вечно меняющееся небо не окутывала тьма.

В этот вечер он мечтал, как и во многие другие вечера, счастливый тем, что он далеко от деревни, которая все еще приходила в себя после трагического возвращения отряда, высланного против Ютов. Частая Улыбка знал, что, хотя он и не испытывал большого интереса к войне, рано или поздно он вынужден будет принять участие в одной из подобных вылазок, и он уже составил себе определенное представление о том, что ждет тех, кто выступает против Ютов.

Последний час он наслаждался замечательной роскошью — своим одиночеством, если не считать стадо пони. Остальных детей позвали домой по той или иной причине, но никто не приходил за Большой Улыбкой, и это делало его счастливейшим из мечтателей. Вечер был удачный, и мальчишка мог не возвращаться домой, пока не стемнеет, а до захода солнца оставалось еще несколько часов.

Большая Улыбка находился прямо в центре большого стада, мечтая весь день о том времени, когда он один будет хозяином такого огромного количества лошадей. Будет единственным человеком, который, если захочет собрать всех самых лучших воинов на Совет, сделает это, и ни один из них не отважится ослушаться его... В этот момент он заметил какое-то движение на земле.

Это была большая, желтая змея. Она каким-то образом потерялась в этой гуще переступающих копыт, и теперь ускользала от возможного удара, выискивая путь наружу.

Большая Улыбка любил змей, а эта была, конечно, судя по величине, достаточно большой и достаточно старой, чтобы ее можно было назвать змеиным дедушкой. «Дедушка» попал в затруднительное положение. Мальчик соскользнул со своего лошадиного ложа, задумав поймать старину и унести подальше от этого опасного места.

Но большую змею нелегко было догнать. Она двигалась очень быстро, и Частая Улыбка собирался окружить ее тесно стоящими пони. Мальчишка постоянно нагибался, заглядывая под шеи и брюха, и только благодаря упрямству и настойчивости Доброго Самаритянина он

смог удержать желтое тело, извивающееся на земле, в поле его зрения.

Все кончилось хорошо. Недалеко от края стада большая змея наконец-то нашла дыру, которая послужила ей убежищем, и единственной вещью, которую застал Частая Улыбка, был прощальный взмах хвостом. Змея исчезла под землей.

Пока он стоял над этим отверстием, несколько лошадей беспокойно заржали и их уши встали торчком. Мальчик увидел, как все лошадиные морды неожиданно повернулись в одном направлении.

Они видели что-то приближающееся к ним.

Мурашки пробежали по спине Большой Улыбки. Жизнерадостность и удовольствие от одиночества исчезли в одно мгновение. Он испугался, но украдкой двинулся вперед, пригибаясь и прячась среди пони, надеясь увидеть первым до того, как будет обнаружен сам.

Когда его глаза смогли видеть пустынную прерию, открывшуюся перед ним, он упал на землю и продолжил свой путь среди лошадиных копыт. Пони не проявили никакого беспокойства, и их поведение позволило ему почувствовать себя чуть увереннее. Но они все еще смотрели в одну сторону с таким напряженным вниманием, что мальчик позаботился о том, чтобы не издать ни звука.

Он остановился, когда пони сошлись перед ним сплошной стеной в каких-нибудь двадцати или тридцати ярдах. Частая Улыбка не мог ничего толком рассмотреть, потому что ему мешали ноги лошадей. Но он был уверен, то кроме ног ничего и не увидит.

Мальчик медленно поднялся и осторожно взглянул поверх лошадиных спин. Каждый волосок на его голове затрепетал. Мысли вихрем пронеслись в его мозгу, похожие на рой жужжащих пчел. Он замер, и слова, готовые было сорваться с его губ, застряли в горле, глаза широко раскрылись. Он не мигая смотрел перед собой. Частая Улыбка никогда не видел этого раньше, но точно знал, на что это похоже.

Это был бледнолицый. Белый солдат, лицо которого было перепачкано кровью.

Кто-то еще был с ним. Приглядевшись, Частая Улыбка чуть не вскрикнул от удивления. Этим кем-то была Стоящая С Кулаком.

Она была ранена, весь ее вид говорил об этом. Ее руки и ноги были обернуты какой-то смешной одеждой. А может быть, она была мертва?

Лошадь белого солдата перешла на шаг, как только они прошли мимо стада. Они двигались по дороге, которая вела прямо в деревню. Было слишком поздно бежать вперед и поднимать тревогу. Частая Улыбка нырнул обратно под ноги лошадей и начал прокладывать себе путь к центру. Он был сильно озабочен происшедшим. Что он мог сделать?

Мальчишка с трудом соображал. Все смешалось в его голове. Если бы он был немного уравновешеннее, он бы с первого взгляда понял, что белый мужчина пришел не с дурными намерениями. Все в его поведении говорило об этом. Но единственными словами, скачущими в мозгу Большой Улыбки, словно шарики в погремушке, были «Белый солдат, белый солдат».

Внезапно его пронзила мысль: «А может быть, их больше? Может быть, там, в прерии, целая армия? Может быть, они совсем близко?»

Думая о том, как искупить вину за свою беззаботность, Частая Улыбка снял узкую гибкую уздечку, которую носил перекинутой через плечо, надел ее на морду самого сильного пони, и тихо, как только мог, вывел его из стада.

Он вскочил на лошадь и послал ее галопом в противоположном деревне направлении. Мальчик беспокойно всматривался в горизонт, стараясь уловить малейшее доказательство присутствия белых солдат.

II

Адреналин в крови лейтенанта Данбера повышался. Это стадо пони... Сначала Данбер подумал, что это движется сама прерия. Он никогда не видел столько лошадей сразу. Шесть, может быть, семь сотен. Это было такое внушающее страх зрелище, что он чуть было не остановился, чтобы понаблюдать. Но в итоге он не сделал этого.

В его руках находилась женщина, которая могла умереть в любую минуту.

И все же она держалась, и достаточно неплохо. Ее дыхание было ровным, а бледность едва коснулась щек. Она вела себя очень тихо, но даже при всей ее хрупкости и легкости, эта женщина оттягивала ему руку. Он поддерживал ее, почти нес на руках больше часа, и теперь, когда они были так близко от деревни, лейтенант больше чем когда-либо хотел поскорее добраться туда. Его собственная судьба решится очень скоро, и это повышало уровень адреналина в его крови. Однако больше всего он думал о чудовищной боли между лопаток. Она убивала его.

Дорога впереди уходила вниз, и когда они подошли ближе, Данбер смог рассмотреть ручьи, пересекающие прерию, а затем, достигнув края скалы, и еще кое-что: расположение лагеря возникло перед его глазами так неожиданно, как прошлой ночью он увидел луну.

Неосознанным движением лейтенант сжал поводья. Сейчас он должен был остановиться. Данбер, не отрываясь, смотрел на открывшийся перед ним лагерь.

В нем было пятьдесят — шестьдесят домов конической формы, выстроившихся вдоль реки и хорошо укрытых сверху. Они производили впечатление тепла и мира под вечерними лучами солнца. И тени, отбрасываемые ими, Делали их больше, чем жизнь, похожими на древние, но вечно живые монументы.

Данбер видел людей, работающих возле своих хижин. Он даже слышал голоса некоторых из них, когда люди проходили между жилищ. Он слышал смех, и это удивляло его. Большинство индейцев находились у реки, вверх и вниз по течению. Некоторые из них были в воде.

Лейтенант Данбер сел на Киско, обхватив женщину поудобнее. Он чувствовал себя подавленно из-за силы, исходившей от этой живописной картины, раскинувшейся под ним, похожей на разгадку смысла жизни. Первобытная, не тронутая цивилизацией земля.

И он, Данбер, сейчас находился здесь.

Открывшийся перед ним вид превосходил самые богатые фантазии Данбера. В то же время, лейтенант знал, что именно поэтому он пришел сюда. Это было главной причиной его желания служить на границе. Ничего не зная о жизни индейцев, он стремился увидеть ее.

Эти мгновения на гребне скалы никогда больше не повторятся в его жизни, жизни простого смертного человека. На какие-то мимолетные секунды Данбер почувствовал себя частью чего-

то такого огромного, что перестал быть лейтенантом, человеком и даже просто телом, имеющим конечности для определенных работ. В эти секунды он был душой, парящей в безвременном, безграничном пространстве Вселенной. За эти несколько коротких мгновений он познал вечность.

Женщина кашлянула. Она чувствовала стеснение в груди, и Данбер мягко коснулся ее затылка.

Он едва слышно чмокнул губами, и Киско осторожно начал спускаться по склону. Не успели они пройти и несколько футов, как Данбер заметил женщину и двух ребятишек, выходящих из расщелины у подножия скалы на берегу реки.

Они тоже заметили его.

III

Женщина пронзительно закричала, как будто ее затачивало в омут, подхватила своих детей и бросилась в деревню, голая во всю силу своих легких: «Белый солдат, белый солдат!» Свора индейских собак залилась оглушительным лаем, женщины завизжали, собирая своих детей, а лошади в панике бросились к хижинам с диким ржанием.

Это был ад кромешный.

Все население деревни подумало, что началась атака.

Приближаясь к деревне, лейтенант увидел людей, бегающих в панике между хижин. Те, кто уже вооружился, с громкими восклицаниями бежали за лошадьми и напоминали Данберу стаю спугнутых птиц. Деревня во время переполюха была точно такой же, как и во время отдыха. Она была похожа на большое гнездо потревоженных шершней, в которое злые люди сунули палку.

Мужчины, поймавшие своих лошадей, собирались в толпу, образуя силу, которая в любой момент могла выехать навстречу Данберу, возможно, для того, чтобы убить его. Он не ожидал, что с его появлением поднимется такая суматоха, и тем более не ожидал увидеть этих людей настолько примитивными. Но было еще кое-что, что угнетало Данбера, когда он подъезжал ближе к деревне, кое-что, что затмевало все остальное. Первый раз за всю свою жизнь лейтенант узнал, что значит чувствовать себя захватчиком. Ему не нравилось это ощущение, и он серьезно задумался о своих последующих действиях. Самое худшее, чего он мог пожелать — это быть принятым за захватчика, а свое появление здесь расценивать как вторжение. Когда он достиг голой, не покрытой травой земли на краю деревни и приблизился достаточно, чтобы разглядеть сквозь завесу пыли, поднятой суматошной беготней индейцев, глаза людей, то сильнее натянул поводья и остановился.

Данбер спешил, взял женщину на руки и, пройдя два-три шага вперед, остановился с закрытыми глазами, держа раненую подобно странному путешественнику, преподносящему свой необычный подарок.

Он напряженно слушал, как деревня, до этого не прекращавшая своего гомона, в течение нескольких секунд внезапно затихла. Пыль начала рассеиваться, и Данбер расслышал в этой тишине, как группа людей, готовая всего минуту назад отважно поскакать ему навстречу, сейчас осторожно направилась в его сторону. В жутком безмолвии лейтенант услышал случайный щелчок какого-то механизма, шелест шагов, фыркание лошадей. Они нетерпеливо били копытами и толкались.

Данбер открыл глаза для того, чтобы увидеть, как весь лагерь собрался у входа в деревню. Воины и юноши впереди, а за ними женщины и дети. Это был яркий образец диких людей, одетых в цветную одежду из кожи, совершенно особой расы. Они не дыша наблюдали за ним с расстояния меньше, чем сотня ярдов.

Руки лейтенанта устали от тяжелой ноши. Когда он попытался изменить позу, возник гул, но тут же затих в толпе. И никто из индейцев не сдвинулся с места, чтобы приветствовать его.

Группа старейшин — по-видимому, очень важных персон — собралась для совещания, а их люди продолжали стоять на своих местах, перешептываясь между собой. Гортанные звуки их голосов были настолько чужды ушам лейтенанта, что он с трудом мог бы назвать это разговором.

Во время этого затишья, Данбер чуть ослабил свое внимание и пробежал глазами по толпе. Неожиданно, взглянув на группу из десяти мужчин, сидящих верхом на пони, он заметил знакомые лица. Один из них был тем самым воином, который лаял на него так свирепо в день рейда в Форд Сэдрик. Ветер В Волосах так внимательно уставился на лейтенанта, что тот едва не повернулся посмотреть, нет ли кого-нибудь за его спиной.

Руки лейтенанта так устали, что он не был уверен, сможет ли двигать ими, но, так как взгляд воина был все еще прикован к нему, Данберу, он поднял женщину чуть выше, как будто говоря: «Вот... пожалуйста, возьми ее».

Удивленный этим движением, этим неожиданным жестом, воин заколебался. Его глаза пробежались по толпе, внимательно выискивая в этой повисшей над всеми тишине, был ли этот безмолвный знак замечен кем-нибудь еще. Когда он повернулся к Данберу, глаза лейтенанта все еще смотрели на него, и жест все еще сохранял свое значение.

С внутренним облегчением лейтенант Данбер увидел, как Ветер В Волосах слез с мустанга и направился в его сторону по неприкрытой травой земле. Томагавк, это оружие войны, безвольно болтался в его руке. Он шел и шел, и если страх и охватил воина, то он был хорошо спрятан за маской невозмутимости. Его лицо не выражало ничего. Казалось, он был настроен раздавать наказания.

Все присутствовавшие при этой сцене замерли. Расстояние между неподвижным Данбером и быстро шагающим воином стремительно сокращалось. Было слишком поздно останавливать то, что должно было произойти. Каждый просто стоял и смотрел.

При взгляде на выражение лица индейца, приближавшегося к нему, Данбер не мог не почувствовать страха. Тем не менее, он стоял не мигая. Ни страдания от тяжести ноши, ни боязни надвигающейся опасности его лицо не выражало.

Когда Ветер В Волосах очутился всего в нескольких футах от лейтенанта и замедлил шаг, Данбер сказал чистым, сильным голосом:

— Она ранена.

Воин устремил взгляд на лицо женщины, и тогда Данбер поднял свой груз еще чуть выше. Он отметил, что индеец узнал ее. На самом деле Ветер В Волосах был так потрясен, что ужасная мысль о том, что женщина могла быть мертва, пронеслась в его голове. Лейтенант тоже смотрел на раненую.

Пока он так стоял и смотрел на нее, женщина была вырвана из его рук. Одним сильным,

уверенным движением она была вызволена из его объятий, и еще до того, как Данбер осознал это, воин уже возвращался к деревне, грубо таща Собранную В Кулак, как собаки тащат своих щенков. По дороге он что-то выкрикнул на своем языке, что вызвало всеобщие крики удивления среди дакотов. Они поспешили ему навстречу.

Лейтенант продолжал неподвижно стоять на два шага впереди своей лошади, когда вся деревня окружила Ветра В Волосах. Он почувствовал, как теряет присутствие духа. Это были люди не его расы. И он никогда не сможет узнать их по-настоящему. Они сразу же забыли о нем. И он с таким же успехом мог находиться сейчас за тысячу миль отсюда. Ему хотелось сейчас стать маленьким, таким маленьким, чтобы он смог пролезть в самую узенькую, самую темную щель.

Чего он ожидал от этих людей? Должно быть, он думал, что они подбегут и обнимут его, заговорят на его языке, пригласят поужинать, не говоря уже о том, что поинтересуются, как его дела? Каким одиноким чувствовал он себя в этот момент! Каким жалким он был, питая надежду поближе узнать их! Любые его ожидания, относящиеся к этим диковинными соломинками, надежды, простиравшиеся так далеко — брошены. Он не мог быть честным по отношению к себе. Он дурачил себя, думая, что представляет из себя что-то, хотя на самом деле он — ничто.

Эти ужасные мысли возникли у него в мозгах и как шторм пронесли в бессвязном хороводе. Сейчас он стоял перед этой первобытной деревней, как истукан. Лейтенант Данбер находился под влиянием болезненного личного кризиса. Будто одним росчерком пера уничтожились его надежды и стало опустошенным его сердце. Где-то глубоко внутри повернулся выключатель и свет лейтенанта Данбера погас.

Не замечая ничего, кроме пустоты, которую он чувствовал, несчастный лейтенант вскочил на спину Киско, взял в руки поводья и направился назад тем же путем, каким пришел сюда. Это произошло настолько незаметно, что занятые своими делами дакоты не осознали, что он уезжает, до тех пор, пока он не отъехал на некоторое расстояние.

Двое молодых индейцев отважились было поехать за ним, но были возвращены назад хладнокровным человеком из окружения Десять Медведей. Они имели достаточно мудрости для того, чтобы понять: хороший поступок имел место, белый солдат вернул назад женщину, принадлежащую их племени. Совершенно незачем возвращать белого солдата назад — это ничего не даст.

IV

Путь назад был самым длинным и наиболее трудным в жизни лейтенанта Данбера. Несколько миль он проехал в изумлении, его мысли сбивались. Он думал о тысячах отрицательных вещей. Он противился соблазну закричать, заплакать, но один вскрик все же вырвался из горла. Жалость к себе давила на него неумолимо, волна за волной, и наконец он разразился рыданиями.

Данбер резко наклонился вперед, плечи его опустились, и слезы беззвучно закапали вниз, на шею Киско. Когда же он начал сопеть, слезы, помимо его воли, ручьем потекли из глаз, лицо нелепо сморщилось, и он начал стонать, впадая в истерику. В середине первой из этих конвульсий он отпустил поводья, и, не замечая, как он проезжает милью за милей, дал волю своим чувствам, всхлипывая жалобно и безутешно, как ребенок.

V

Он не заметил, как они въехали в Форт. Когда Киско остановился, лейтенант поднял голову и обнаружил, что находится прямо у дверей своей дерновой хижины. Силы оставили его, и несколько секунд единственное, на что он был способен — это сидеть на спине лошади в состоянии, близком к коматозному. Голова его была безвольно опущена вниз. Когда он снова поднял се, то увидел Два Носка, сидящего на своем излюбленном месте — на скале на другом берегу реки. Вид этого волка, так терпеливо сидящего, похожего на королевскую охотничью собаку, его морда, выражающая милое любопытство — все это добавило Данберу жалости к самому себе и рыдания снова подступило к горлу. Но он уже выплакал все свои слезы.

Он рывком соскочил с Киско, постанывая сквозь плотно сжатые зубы, и, пошатываясь, вошел в дом. Бросив уздечку на пол, Данбер упал на тюфяк, натянул одеяло на голову и свернулся в комок.

Он был настолько опустошен, что не мог уснуть. Он продолжал думать о волке, ждущем снаружи с такой терпеливостью. Нечеловеческими усилиями Данбер заставил себя встать. Он вышел наружу, в сумерки, и украдкой взглянул на противоположный берег.

Старый волк все еще сидел на том же месте, и тогда лейтенант нетвердой походкой, как лунатик, отправился в складскую хижину, где отрезал большой ломоть ветчины. Он отнес мясо на скалу и под внимательным взглядом Два Носка, наблюдавшим за Данбером, уронил его на покрытую травой землю недалеко от вершины.

Потом, с каждым шагом все больше думая о сне, он несколько раз окликнул Киско и вернулся в хижину. Как примерный солдат, лейтенант опустился на соломенный тюфяк, натянул на себя одеяло и закрыл глаза.

Перед ним возникло лицо женщины, женщины из прошлого, которую он хорошо знал. На ее губах играла застенчивая улыбка, а глаза... Такой свет мог исходить только из самого сердца. В трудные минуты он всегда взывал к этому лицу, и оно успокаивало его душу. На самом деле это был не просто какой-то абстрактный образ, не просто женское лицо. За ним стояло нечто более глубокое — длинная история с несчастливym концом. Но лейтенант Данбер не задумывался об этом. Это лицо и то мягкое выражение, которое оно имело — вот все, что он хотел помнить. И Данбер упорно возвращался к нему. Он использовал это как лекарство. Лицо этой женщины было самым эффективным средством для того, чтобы заглушить боль. Самым действенным из тех, какие он только знал. Данбер не часто думал о ней, но это видение появлялось в его воображении всякий раз, когда он был близок к отчаянию.

Лейтенант неподвижно лежал в своей хижине, будто обкурившись опиумом. Постепенно образ этой женщины, мысленно вызванный и удерживаемый им в голове, начал оказывать свое действие. Он уже начал похрапывать к тому времени, когда появилась Венера, возглавляющая длинную вереницу звезд, рассыпанных в бесконечности раскинувшегося над прерией неба.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

I

Не прошло и получаса с того момента, как белый солдат отправился назад, а Десять Медведей созвал еще один Совет. В отличие от предыдущего, который начался и закончился бестолково, Десять Медведей сейчас точно знал, чего он хочет. Он обдумывал свой план и ждал, пока последний мужчина, обязанный присутствовать на Совете, займет свое место, в его хижине.

Белый солдат с лицом, перепачканным кровью, почти на руках принес обратно Собранную В Кулак. Вождь был убежден, что это хорошее предзнаменование, и оно будет иметь самые

светлые последствия. Сущность людей белой расы занимала его мысли слишком долго. За многие годы он ни разу не видел ничего хорошего от их появления. Но, тем не менее, Десять Медведей этого отчаянно хотел. Сегодня он наконец увидел что-то доброе, и теперь был обеспокоен тем, чтобы не упустить такой великолепный случай.

Бледнолицый проявил исключительную смелость, придя в одиночку в их деревню. И он явно пришел с единственной целью — не украсть, не обмануть, не стрелять, а вернуть то, что нашел тем, кому это принадлежало. Разговор о богах действительно утратил всякий смысл, но одно было вполне ясно: для всеобщего блага этот белый солдат должен быть узан получен. Человек, поступивший подобным образом, заслуживал того, чтобы стоять на ступень выше всех белых. Возможно, он уже имеет большое значение и влияние. Такой человек как раз является тем, с кем может быть достигнуто соглашение. А без соглашения война и страдания несомненно придут на эту землю.

Итак, Десять Медведей был поддержан. Событие, которому он был свидетелем этим вечером, возникло перед ним как свет в ночи, хотя это было единственное происшествие за вечер. И так как мужчины племени согласились с ним, Десять Медведей обдумывал лучший способ претворить свой план в жизнь.

Пока старый индеец слушал предварительные обсуждения, изредка вставляя свои комментарии, он перебирал в уме своих людей, пытаясь решить, кто больше подходит для осуществления его плана.

Так продолжалось, пока в хижине не появился Трепыхающаяся Птица, который до настоящего момента находился рядом с Стоящей С Кулаком, присматривая за ней. Десять Медведей неожиданно для себя понял, что работа, которую он хотел поручить одному, требует двух человек. Он должен послать двух. Как только он подумал об этом, кандидатуры сразу же определились. Он должен послать Брыкающуюся Птицу для того, чтобы наблюдать, и Волосы Трепещущие На Ветру с его агрессивной натурой. Характер каждого из этих воинов представлял собой сущность его и людей его племени. Таким образом, они отлично дополняли друг друга.

Десять Медведей решил закончить совещание. Он не хотел всевозможных длительных обсуждений, которые могли бы привести к неверному решению. Когда наступил подходящий момент, он произнес красноречивую, хорошо продуманную речь. В ней перечислялось множество историй о численном превосходстве белых людей и их богатствах, особенно заметных по количеству оружия и лошадей. Закончил он замечанием, что человек, отправляющийся в Форт, будет разведчиком, и лучше, если его действия ограничатся только переговорами, но никак не стрельбой.

Когда он замолчал, длительная тишина послужила ответом на его слова. Каждый понимал, что Десять Медведей прав.

Первым заговорил Ветер В Волосах:

— Я не думаю, что идти и разговаривать с этим белым мужчиной следует тебе. Он не Бог. Он всего лишь еще один белый, заблудившийся на своем пути.

Хитрый огонек блеснул в глазах старого индейца, когда он ответил:

— Пойду не я. Должны пойти хорошие воины. Мужчины, которые смогут показать, что значит принадлежать к племени дакотов.

Здесь он остановился, прикрыв глаза для большего эффекта. Прошла минута, и кое-кто из присутствующих начал было думать, что Десять Медведей уснул. Но в последнюю секунду он открыл глаза только для того, чтобы произнести:

— Должен идти ты. Ты и Трепыхающаяся Птица.

После этих слов его глаза снова закрылись и он задремал, закончив Совет в самый подходящий момент.

II

Первая сильная весенняя гроза разразилась этой ночью. Она растянулась на милю и шла широким фронтом, гроыхая раскатами грома и посылая на землю сверкающие вспышки молний. Дождь сплошной стеной стоял над прерией, перекачиваясь вместе с грозой, заставляя прятаться все живое.

Громовые раскаты и свет молний разбудили Собранную В Кулак.

Капли дождя барабанили в стены хижины, как смертоносные пули из тысячи винтовок, и несколько секунд она не могла понять, где находится. В хижине было светло, и она повернулась в ту сторону, где посередине, на полу, был разложен костер. При этом движении одной рукой она случайно коснулась раны на бедре и наткнулась на что-то чужое, незнакомое. Женщины осторожно ощупала ногу и обнаружила, что та забинтована.

Она сразу все вспомнила.

Сонными глазами она обвела хижину, ища какой-либо подсказки, чтобы узнать, кто здесь живет. Стоящая С Кулаком знала, что это не ее дом.

Во рту у нее пересохло, и она вытащила одну руку из-под покрывала, чтобы пальцы могли исследовать пол. Первой же вещью, на которую они наткнулись, был маленький кувшин, наполовину заполненный водой. Она приподнялась на локте, сделала несколько длинных глотков и упала на спину.

Для нее кое-что оставалось неясным, но сейчас ей было трудно о чем-либо думать.

Под покрывалами, которые чья-то заботливая рука накинула на нее, было тепло. Тени от языков пламени плясали у нее над головой на стенах, конусом сходящихся вверху, и дождь без устали пел ей свою колыбельную. Она была очень слаба.

«Может быть, я умираю...» — подумала женщина, когда ее веки начали тяжелесть, закрывая от нее последние лучи света. Но перед тем, как уснуть, она сказала себе: *«Это совсем неплохо»*.

Стоящая С Кулаком не умирала. Она, напротив, выздоравливала. И то, что она перенесла, выстрадала, уже заживало, и делало ее сильнее, чем когда бы то ни было.

Полезнее всего для нее сейчас было как следует выспаться. Сон восстановит силы. И выздоровление уже началось. Она находилась в хорошем месте, месте, которое могло на долгое время стать ее домом.

Она лежала в хижине Брыкающейся Птицы.

III

Лейтенант Данбер спал как мертвый, лишь краем уха улавливая неопределенные звуки разыгравшегося в небе представления. Дождь часами лил на маленькую дерновую хижину, но Данбер был так надежно укутан армейскими одеялами, что даже Армагеддон мог прийти и уйти, оставшись незамеченным.

Данбер не пошевелился до утра. Солнце уже высоко поднялось в чистое, умытое дождем небо. Звонкое, настойчивое пенис жаворонков наконец разбудило лейтенанта. Гроза и ливень, разразившиеся прошедшей ночью, наполнил свежестью каждый квадратный дюйм прерии, и сладость этого запаха достигла носа Данбера еще до того, как он открыл глаза.

Приоткрыв их сначала ненадолго, он осознал, что лежит на спине. Когда они открылись окончательно, он посмотрел прямо вверх носков своих ботинок на вход в хижину.

В этот момент он заметил там какое-то движение. Что-то маленькое и мохнатое бросилось от двери наружу. Минуту спустя одеяла были отброшены в сторону и Данбер на цыпочках подкрался к дверному проему. Оставаясь внутри, он осторожно выглянул из-за косяка и осмотрел одним глазом окрестность.

Два Носка только что выбежал из-под навеса под яркие лучи солнца и уселся там, во дворе. Он увидел лейтенанта и замер. Они наблюдали друг за другом несколько секунд. Лейтенант протер сонные глаза и, когда руки его оторвались от лица, Два Носка распростерся на земле. Его морда покоилась между вытянутых вперед передних лап. Всем своим видом он напоминал служебную собаку, ждущую приказаний хозяина.

Киско тревожно заржал в корале, и голова лейтенанта повернулась в том направлении. Одновременно краем глаза он заметил пустоту в том месте, где только что лежал волк, и повернулся как раз вовремя, чтобы заметить, как Два Носка галопом несется по склону. Когда взгляд Данбера снова обратился к коралю, он увидел их.

Они сидели на пони всего в полусотне ярдов от него. Их было восемь человек.

Двое неожиданно двинулись вперед. Данбер не сдвинулся с места, но, в отличие от предыдущих встреч, держался спокойно. Они приближались. Головы пони были опущены, как будто они паслись. Их шаг был нерешителен. Они походили на рабочих, возвращающихся домой после длинного, обычного дня.

Лейтенант был встревожен, но его беспокойство не имело никакого отношения к вопросу о жизни или смерти.

Его интересовало, что он сможет сказать и как он сможет связать эти свои первые слова.

IV

Брыкающуюся Птицу и Ветра В Волосах интересовали точно такие же вопросы. Белый солдат был таким же врагом, каких они встречали раньше, и ни один из них не знал, чем все это обернется. Вид крови, еще не смытой с лица белого человека, не предвещал им ничего хорошего. Они ничуть не почувствовали себя лучше от встречи, которая вот-вот должна была начаться переговорами. Играя свои роли, однако, каждый из них имел свои особенности. Ветер В Волосах ехал первым, как воин дакота. Трепыхающаяся Птица был намного более дипломатичен. Это был важный момент в его жизни, в жизни всего отряда, а также в жизни целого племени. Для Брыкающейся Птицы началось целое новое будущее, и он навечно будет

занесен в историю.

V

Когда индейцы приблизились достаточно, чтобы можно было различить их лица, Данбер сразу узнал того воина, который принял женщину из его рук. И в другом мужчине было что-то знакомое, но лейтенант не мог вспомнить, где он его видел. У него не было на это времени.

Они остановились в дюжине футов перед ним.

Всадники выглядели как зажженные на рождество елки, сверкая в солнечных лучах. Ветер В Волосах носил нагрудное украшение, представляющее собой диск, прикрывающий почти всю грудную клетку. Большой металлический полу диск висел на шее Брыкающейся Птицы. Эти предметы отражали солнечный свет. Даже их глаза — темно-карие и глубоко посаженные — даже они, казалось, блестели под воздействием солнца. Волосы обоих мужчин — черные и лоснящиеся — играли и переливались, ловя солнечные блики.

Несмотря на то, что Данбер только проснулся, он предстал перед гостями во всем блеске.

Его душевный кризис миновал. Подобно грозе, бушевавшей всю ночь и оставившей прерию наполненной свежестью, истерика лейтенанта закончилась полным спокойствием, бодрым настроением и свежими душевными силами.

Лейтенант Данбер ступил вперед и чуть наклонился, а затем, выпрямившись, приложил руку к голове, медленно приветствуя гостей солдатским салютом.

Минуту спустя Трепыхающаяся Птица повторил эти движения, но переделал их на свой лад. Он повернул руку ладонью вверх.

Лейтенант не знал, что это могло значить, но истолковал это определенно как дружеский жест. Он посмотрел вокруг, как будто желая удостовериться, что все осталось на своих местах, и сказал:

— Добро пожаловать в Форт Сэдрик.

Для Брыкающейся Птицы значение этих слов было полной загадкой, но интонация голоса Данбера говорила о том, что он приветствует их.

— Десять Медведей послал нас сюда из своего лагеря для мирных переговоров, — сказал индеец, не мигая глядя на лейтенанта и игнорируя его слова.

Когда выяснилось, что дальнейший разговор невозможен из-за того, что они не понимают друг друга, над обеими сторонами повисла тишина. Ветер В Волосах использовал эту паузу для подробного изучения строения белого человека. Он долго и очень внимательно смотрел на навес, который начинал сейчас раскачиваться и трепетать на ветру.

В то время, как секунды медленно тянулись, Трепыхающаяся Птица бесстрастно сидел на своем пони. Данбер постучал носками ботинок по земле и почесал подбородок. Время текло, и он начинал нервничать. Он вспомнил, что сегодня еще не пил свой обычный утренний кофе, и ему страстно захотелось хоть маленькой чашечки этого напитка. А еще он хотел выкурить сигарету.

— Кофе?.. — полуспросил, полупредложил он Трепыхающейся Птице.

Лекарь с любопытством наклонил голову.

— Кофе? — переспросил лейтенант. Он поднес к губам воображаемую чашку и сделал характерное для питья движение. — Кофе... — снова сказал он. — Пить...

Трепыхающаяся Птица просто, не мигая, уставился на лейтенанта, Ветер В Волосах задал вопрос, и Трепыхающаяся Птица что-то ему ответил. Потом они оба посмотрели на хозяина этого места. После всего пройденного времени, которое показалось Данберу вечностью, Трепыхающаяся Птица наконец кивнул в знак согласия.

— Хорошо, хорошо, — сказал лейтенант, похлопывая себя по ноге. — Тогда пошли.

Индейцы оставили своих лошадей и последовали за ним под навес.

Дакоты двигались осторожно. Все, на что падал их взгляд, имело свое значение, но для них оставалось загадкой. Даже воздух здесь был не такой, как в открытой прерии. Лейтенант чувствовал себя неуютно. Он находил в себе черты суетливого, непоседливого человека, которого гости застали не вовремя своим прибытием в столь ранний час.

В углублении, где Данбер обычно разводил огонь, сейчас было пусто. Но, к счастью, у него имелся запас сухих дров, достаточный для того, чтобы сварить кофе. Он сел на корточки рядом с дровами, сваленными в кучу, и принялся разводить огонь.

— Садитесь, — произнес он. — Пожалуйста.

Индейцы не понимали его, и он был вынужден повторить приглашение, сопровождая слова движениями, которые демонстрировали значение этих слов.

Когда индейцы уселись, он поспешил в хижину, где хранился запас продовольствия и быстро вернулся, держа в одной руке пятифунтовый мешок с кофейными зернами, а в другой — кофемолку. Так как огонь уже разгорался, Данбер насыпал немного зерен в чашку кофемолки и принялся крутить ручку.

Зерна начали исчезать в конусе. Трепыхающаяся Птица и Ветер В Волосах с любопытством наклонились вперед. Лейтенант заметил это и не мог понять, почему такое обычное занятие, как помол кофе, вызывает такой интерес. Но для Брыкающейся Птицы и его соплеменника это казалось чем-то необычным, волшебным. Они ни разу в жизни не видели кофемолку.

Лейтенант Данбер был рад находиться рядом с людьми. Впервые за все время его службы на границе он был не один, и желал, чтобы гости задержались подольше. Он проделал все операции, которые были необходимы. Внезапно остановившись, он придвинул кофемолку на несколько футов ближе к индейцам, чтобы весь процесс был им виден лучше. Данбер медленно крутил ручку, чтобы было заметно, как зерна проваливаются. Когда в чашечке их осталось всего несколько штук, лейтенант закончил молоть и поднял кофемолку широким театральным жестом. Он выдержал паузу, как это делают фокусники для большего драматического эффекта, предоставляя индейцам осмысливать происходящее.

Трепыхающаяся Птица был заинтригован механизмом этой машины. Он кончиками пальцев слегка дотронулся до полированного деревянного бока кофемолки. Ветер В Волосах, верный своему характеру, опустил один из своих длинных, темных пальцев внутрь чашечки и ощупал поверхность маленького отверстия, надеясь там найти ответ на мучивший его вопрос: «Что произошло с зернами?»

Пора было заканчивать представление, и Данбер прервал исследования индейцев, подняв вверх обе руки. Повернув машину, он зажал между пальцев небольшой рычажок у основания кофемолки. Дакоты подались вперед, их любопытство обострилось до предела.

В самый последний момент глаза лейтенанта Данбера расширились, будто он неожиданно обнаружил прекрасный драгоценный камень, лицо его преобразила довольная улыбка, и он вытащил снизу маленький ящичек, заполненный черным порошком, похожим на порох.

Оба индейца были сильно поражены. Каждый из них взял по щепотке размельченных зерен и понюхал. Они в молчании сидели и наблюдали, как хозяин повесил свой котелок над огнем и как вода начала закипать. Оба гостя ожидали дальнейшего развития событий.

Данбер разлил кофе и протянул каждому из дакотов по кружке, наполненной темной жидкостью, от которой исходил пар. Мужчины вдохнули аромат, исходящий от кружек, и обменялись понимающими взглядами. Этот напиток имел запах хорошего кофе. Он пах намного лучше, чем тот кофе, что они привозили от мексиканцев так много лет. Намного сильнее.

Данбер застыл в ожидании, наблюдая за реакцией индейцев. Они отхлебнули немного, и лица их скривились. Данбер удивился. Что-то было не так. Они одновременно произнесли несколько слов. Как показалось лейтенанту, они что-то спрашивали у него.

Данбер покачал головой. «Я не понимаю», — сказал он, пожимая плечами.

Индейцы немного посоветовались на своем языке. Потом у Брыкающейя Птицы появилась идея. Он сжал Руку в кулак, держа ее над кружкой, а потом разжал пальцы, как будто ронял что-то в кофе. Он старался изо всех сил, чтобы Данбер мог догадаться.

Лейтенант сказал что-то, чего индейцы не поняли, а потом вскочил, ушел в полуразрушенный дом из земли, вернулся с другим мешком и положил его у костра. Трепыхающаяся Птица внимательно следил за всеми его движениями.

Он подошел и заглянул в мешок. Увидев коричневые зерна, он заворчал.

Лейтенант Данбер заметил улыбку, промелькнувшую на лице индейца и понял, что догадался правильно. Они хотели не что иное, как сахар.

VI

Брыкающуюся Птицу ободрил такой энтузиазм белого солдата. Он хотел вести переговоры, и когда они представились друг другу, Меткий Глаз переспросил их имена несколько раз, прежде чем смог правильно выговорить их. Он вел себя странно и странно выглядел, но белый человек стремился слушать и имел, по всей видимости, большой запас энергии, возможно, из-за того, что он сам стремился к миру. Трепыхающаяся Птица высоко ценил это стремление и усилия в других.

Данбер говорил больше, чем Трепыхающаяся Птица привык слышать. Когда индеец подумал об этом, ему показалось, что белый человек никогда не остановится.

Но лейтенант всего лишь развлекал гостей. Он делал много странных движений руками, и лицо его тоже постоянно находилось в движении. Некоторые из его гримас заставили смеяться даже Ветра В Волосах. Это выносилось индейцами с трудом.

Несмотря на впечатление, которое Данбер произвел на своих гостей, Трепыхающаяся Птица уяснил для себя ряд вещей. Меткий Глаз не был Богом. Он был даже слишком человек. И он был один. Больше здесь никто не жил. Но белый человек и сам не знал, придут ли сюда еще белые люди и если придут, то какими могут быть их планы. Трепыхающаяся Птица был заинтересован в получении ответов на эти вопросы.

Ветер В Волосах ехал впереди. Они покрыли небольшой отрезок пути, пролегающего через заросшую травой прерию и ведущего к реке. Копыта их пони зашлепали по мокрому песку на берегу реки, и Трепыхающаяся Птица спросил у своего приятеля, что он думает обо всем случившемся. Они еще не сравнили свои замечания по поводу встречи, и это его немного беспокоило.

Беспокоиться было не о чем, потому что Ветер В Волосах также был настроен благоприятно. И это несмотря на тот факт, что мысль об убийстве белого солдата не раз возникала в его голове. На протяжении всей своей жизни он думал, что белая раса — это не более чем безобидные возмутители спокойствия, койоты, кружащие вокруг добычи. Но этот бледнолицый не единожды выказал большую смелость. А еще он был дружелюбен. И он был смешон. Очень смешон.

Трепыхающаяся Птица опустил глаза и наткнулся взглядом на две сумки, перекинутые через спину его лошади. Одна из сумок была наполнена кофе, другая — сахаром. Они покачивались в такт шагам пони. Неожиданно для себя он понял, что этот белый человек ему на самом деле понравился. Это была странная мысль, и он должен был подумать над этим. «Хорошо, даже если это и так?» — наконец пришел к определенному выводу знахарь.

Он услышал приглушенный смех. Голос принадлежал второму индейцу по имени Ветер В Волосах. Смех повторился, на этот раз громче, и суровый воин повернулся на спине пони, обращаясь через плечо к спутнику:

— Это было смешно, — заметил он, брызгая слюной, — когда белый человек становился бизоном.

Не дожидаясь ответа, он отвернулся. Но Трепыхающаяся Птица видел, что Ветер В Волосах не мог сдерживать душивший его смех, и плечи индейца подрагивали в такт его хихиканью.

Это было смешно. Меткий Глаз, ползающий на коленях и приставивший руки к голове, изображая рога. И это одеяло. Одеяло, засунутое под рубашку, которое должно было означать горб.

«Нет, — улыбнулся сам себе Трепыхающаяся Птица, — нет ничего более странного, чем белый человек».

VII

Лейтенант Данбер расстелил тяжелую шкуру поверх своей койки и изумился.

«Я никогда не видел бизона», — думал он, исполненный гордости, — «а уже имею его шкуру». Он с почтительностью сел на край кровати, потом откинулся на спину и раскинул руки поперек мягкого, густого меха. Данбер приподнял один край, свисающий с кровати, и посмотрел, какова выделка. Он прислонился лицом к меху и остро почувствовал запах дикого животного.

Как стремительно могут измениться обстоятельства! Несколько часов назад он был повержен,

раздавлен, почва уплывала у него из-под ног. А сейчас он строго парил.

Внезапно по его лбу пробежало облачко огорчения. Некоторые его поступки, например, изображенный им бизон, могли перейти все границы разумного. И ему казалось, что он смог бы добиться словами большего, возможно, намного большего.

Сомнения недолго одолевали его мысли. Когда он распластался на измятой, огромной шкуре, он не мог изменить случившегося, но мог быть удовлетворен своей первой встречей с индейцами.

Данберу понравились оба визитера. У одного из гостей были мягкие, полные достоинства движения, и ему лейтенант импонировал больше. От него исходила какая-то внутренняя сила, было что-то в его миролюбивости, терпеливости, которые он не стеснялся проявлять. Он был спокойным, но отважным. А второй, в руки которого Данбер передал женщину, показал свой горячий темперамент. Его вряд ли можно было чем-нибудь одурачить. Однако он показался лейтенанту очаровательным.

И шкура. Они преподнесли ее в дар хозяину. Шкура действительно была великолепна.

Лейтенант Данбер еще раз проиграл в памяти все события прошедшего дня, расслабившись на своем замечательном подарке. В его голове, которую наполняли сейчас свежие мысли, не было места для еще одной, не менее важной. Он был не склонен заглянуть правде в глаза, чтобы понять причину своей эйфории.

Он привык жить один в Форте, и неплохо проводил время, разделяя его с лошадью или с волком. Данбер проделал огромную работу по восстановлению Форта. Все это делало его присутствие здесь нужным. Но ожидание и беспокойство поднимались время от времени, собираясь в нем, как грим в морщинах, и тяжесть этого груза была значительна.

Сейчас вся напряженность рассеялась. И этим Данбер был обязан двум почти первобытным людям, языка которых он не знал, которые выглядели совершенно необыкновенно. Никогда в жизни Данберу не приходилось видеть такое. Люди, чье существование и привычки были столь чужды лейтенанту.

Сами того не желая, они оказали большую услугу лейтенанту Данберу своим визитом. Причиной эйфории лейтенанта могло служить и освобождение. Освобождение от себя.

Он больше не был одинок.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

I

Май, 17, 1863

Я ничего не заносил в эту тетрадь много дней. За это время произошло столько событий, что я затрудняюсь определить, с которого начать.

Индейцы являлись с визитами по трем различным причинам, сильно отличающимся одна от другой. И я не сомневаюсь, что этих посещений будет еще больше. Всегда одни и те же двое в сопровождении еще шести или семи других воинов. (Я уверен, что все эти люди — воины. Я пока еще не встречал людей, которые не были бы бойцами).

Наши встречи были дружелюбны, хотя было сильно затруднено общение из-за языкового барьера. Насколько я мог заметить, язык этих людей разительно отличается от того, на котором говорю я сам. Я все еще не знаю, какому племени они принадлежат, но подозреваю, что это одно из племен сиу. Я уверен, что слышал не один раз слово, по звучанию очень сходное со словом «дакота».

Я знаю имена моих визитеров, но не могу научиться произносить их правильно. Я нашел их соответствующими характеру. Сами индейцы тоже очень интересны. Они отличаются друг от друга как день и ночь. Один — исключительно пылкий, и нет никаких сомнений, что он предводитель. Его телосложение (которое достойно описания) и его угрюмость и подозрительность, должно быть, делают его грозным воином. Я искренне надеюсь, что мне никогда не придется драться с ним, в противном случае этот бой будет иметь для меня слишком тяжелые последствия. Этого парня, чьи глаза довольно близко посажены, тем не менее, можно с уверенностью назвать привлекательным. Он сильно завидует мне из-за лошади, и никогда не прерывает меня, если речь идет о Киско.

Мы беседуем в основном при помощи жестов, этой пантомимы, которую оба индейца начали первыми исполнять руками. Но разговор идет медленно, и большинство наших совместных усилий оканчивается неудачей. Быстрых успехов в общении мы достигаем гораздо реже.

Одна «ситуация» была чрезвычайно затруднительна, когда речь зашла о сахаре в его кофе. Но она длилась недолго, вскоре все выяснилось. К счастью, я не взял сахар. Ха! «Ситуация» (как я назвал ее) все же возникла, несмотря на молчаливость индейцев, довольно похожая на ту, когда король какой-нибудь улицы, хулиган, посредством своей физической доблести добивается уважения у своих друзей. Проведя в детстве на улице среди мальчишек определенное время, я показал этому воину свое уважение таким же способом.

После этого между нами установились честные отношения и намерения каждого стали понятны, что мне и понравилось больше всего.

Он прямой парень.

Другого я назвал тихим и он мне чрезвычайно понравился. В отличие от угрюмого товарища, он терпеливый и пытливый.

Я думаю, он огорчен не меньше моего из-за трудностей с языком. Он обратился ко мне на своем языке, произнес несколько слов, я сделал то же самое на своем. Я знаю слова на их языке, означающие голову, руку, лошадь, огонь, кофе, дом и некоторые другие, например «здравствуй» и «до свидания». Но я пока знаю недостаточно для того, чтобы составить предложение. У меня занимает много времени правильно произнести звуки. И я не сомневаюсь, что он испытывает те же трудности с моим языком.

«Тихий» называет меня «Меткий Глаз» и по некоторым причинам не использует слово «Данбер». Я убежден, что он не забыл его (я напоминал свое имя несколько раз), значит, на то есть свои основания. Конечно, мое другое имя характерно по звучанию для их народа... Меткий Глаз.

Этот человек поразил меня своей врожденной интеллигентностью. Он слушает очень внимательно и, кажется, замечает все вокруг. Каждое дуновение ветра, каждая нота в трели птицы привлекает его внимание намного сильнее, чем что-либо драматическое. Без знания языка я по-своему стараюсь прочесть на его лице реакцию, и всеми проявлениями эмоций он вполне годится мне в собеседники.

На днях произошел любопытный случай. Два Носка в подходящий момент продемонстрировал свое существование. Это случилось под конец совсем недавнего визита индейцев. Мы только приступили к крепкому кофе и я только-только представил своих гостей интересующему их куску бекона. «Тихий» внезапно заметил Два Носка на вершине скалы по ту сторону реки. Он сказал несколько слов «Горячему» и они оба уставились на волка. Мне захотелось показать им, что я знаю это животное. Я взял нож и бекон в руки и пошел к краю скалы на нашем берегу руки.

«Горячий» был занят подслащиванием своего кофе и дегустированием бекона, а «Тихий», напротив, поднялся на ноги и последовал за мной. Обычно я оставляю долю волка на своем берегу, но после того, как я отрезал ему кусок, что-то взыграло во мне и я перекинул мясо через реку. Это был удачный бросок. Кусок бекона приземлился в нескольких футах от животного. Он сидел на своем обычном месте, и я подумал, что он может так и не сдвинуться с него. Но Два Носка осчастливил сердце старого солдата и подошел к своей порции. Он обнюхал мясо и взял его. Я никогда раньше не видел, как он это делает, и почувствовал гордость за него, в то время, как он потрусил со своей добычей прочь.

Для меня это был счастливый эпизод, и ничего больше. Но «Тихий», казалось, поразили этому не должным образом. Когда я повернулся к нему, его лицо выражало еще большую миролюбивость, чем обычно. Он кивнул несколько раз, потом подошел ко мне и положил свои руки мне на плечи, будто бы одобряя мой поступок.

Вернувшись к костру, он изобразил серию знаков, которые я, наконец, смог определить для себя как приглашение посетить его дом на следующий день. Я с готовностью согласился, и вскоре они уехали.

Невозможно дать полное описание тех впечатлений, которые произвел на меня лагерь дакотов. Мне придется не откладывать карандаш в сторону всю мою жизнь. Поэтому я постараюсь по возможности кратко обрисовать все случившееся в надежде на то, что мои наблюдения смогут принести какую-то пользу в будущем тем, кто будет иметь дело с этими необычными людьми.

Меня встретила маленькая делегация во главе с «Тихим» в миле от лагеря. Мы прошествовали в деревню без промедления. Люди — все население — были одеты в свои самые лучшие одежды, чтобы встретить нас. Цвета и красоту этих костюмов стоит увидеть. Они были покорены, и, я должен заметить, причиной этому служил я. Несколько маленьких ребятишек сломали их ряды и бросились мне наперехват, дергая меня за ноги своими ручонками. Остальные держались на своих местах в отдалении.

Мы остановились перед одним из конусообразных домов (как я узнал позднее, они называются вигвамы), и возник единственный за этот вечер неприятный момент, когда меня охватили сомнения. Мальчик примерно двенадцати лет подбежал и попытался увести Киско. Казалось, он был в восторге от моей лошади.

Затем «Тихий» пригласил меня в свое жилище. Его обиталище было темным, но назвать его мрачным все же нельзя. Внутри пахло дымом и мясом. (Вся деревня имела особый запах, который я нашел не лишенным приятности. Запах дикой жизни — вот определение, которое сильнее всего характеризует его). В хижине находились две женщины и несколько детей. «Тихий» указал место, куда я должен сесть, а женщины принесли пищу в чашах. После этой церемонии все исчезли, оставив нас наедине.

Некоторое время мы ели в тишине. Я думал, как лучше спросить о женщине, которую я нашел в прерии. Я не заметил ее в толпе и даже не знал, жива ли она. Это казалось мне слишком

сложным, принимая во внимание наши ограниченные возможности, и мы заговорили о том, что давалось нам легче — о еде (мягкое, сладковатое на вкус мясо я нашел великолепным).

Когда мы закончили обедать, я свернул себе сигарету и закурил, а «Тихий» сел напротив меня. Его внимание постоянно было приковано ко входу в хижину. Я чувствовал, как мои догадки перерастают в уверенность — мы ждали кого-то или чего-то. Мое предположение подтвердилось, и вскоре полог, прикрывающий половину входа, отодвинулся, и появились два индейца. Они что-то сказали «Тихому», и тот немедленно поднялся, делая мне знак следовать за ним.

Значительное число любопытных ожидало снаружи, и я проталкивался сквозь толпу, проходя мимо нескольких соседних домов. Наконец мы остановились перед вигвамом, который был украшен большой, отлично выделанной цельной шкурой медведя. «Тихий» просто-напросто втолкнул меня внутрь.

У традиционного очага сидели пятеро старейшин, образуя неровный круг, но мой взгляд почему-то остановился на самом старом из них. Он заметно выделялся среди прочих своей энергичной позой. Я полагаю, ему не меньше шестидесяти лет, а он все еще обладает завидным здоровьем. Его кожаное платье было расшито цветными бусинами, которые под руками мастериц сложились в замысловатый великолепный узор — точный и яркий. К повязке, которой были обвязаны его седеющие волосы, был прикреплен огромный коготь, который, я полагаю, принадлежал тому, что раньше было медведем, а сейчас висит снаружи на этой хижине. Волосы с интервалами свисали вдоль рукавов его одежды, и я спустя мгновение понял, что это, должно быть, скальпы. Один из них был светло-коричневый. Он заметно отличался от остальных, темных, почти черных.

Но самым выдающимся в его внешности было его лицо. Никогда я не видел такого лица. Глаза необычайной яркости горели как в лихорадке. Это единственное сравнение, которое приходит мне на ум. Скулы высокие и округлые, и нос, изогнутый, как клюв. Подбородок старика был тяжелым, квадратным. Линии в изобилии бороздили кожу на его лице, так что назвать их морщинами вряд ли будет верно. Скорее, они напоминают расщелины. С одной стороны на лбу четко выделялся шрам, вероятно, результат какой-нибудь давней битвы.

Индеец ошеломлял своим видом, в котором явственно читалась мудрость, приобретенная с возрастом, и сила. Несмотря на все это, я не почувствовал никакой грозящей мне опасности за все время своего короткого пребывания здесь.

Было очевидно, что я являюсь причиной этого собрания. Я был уверен, что меня пригласили с единственной целью — дать возможность старому вождю поближе взглянуть на меня.

Появилась трубка, и мужчины начали курить. Она была с очень длинным мундштуком, и, насколько я могу судить, табак был крепкий, натуральный. Один я был исключен из числа курящих его.

Я хотел произвести хорошее впечатление, и решил предложить свою собственную сигарету. Вытащив все необходимое, я протянул это старейшине. «Тихий» что-то сказал ему, и тогда вождь, вытянув одну из своих искривленных, высохших рук в мою сторону, взял мешочек с табаком и бумагу. Он тщательно осмотрел их, внимательно взглянул на меня своими полужакрытыми, довольно жестко глядящими глазами и вернул мне мои вещи обратно. Не зная, принято мое предложение или нет, я, тем не менее, свернул сигарету. Старик заинтересовался тем, что я делаю.

Я протянул ему готовую сигарету, и он взял ее. «Тихий» снова что-то сказал, и старый индеец вернул ее мне. Знаками «Тихий» попросил меня закурить, и я выполнил его просьбу.

Под пристальными взглядами окружающих я прикурил, а затем выдохнул струю дыма. Не успел я затянуться во второй раз, как старик протянул руку. Я отдал ему сигарету. Сначала он посмотрел на нее с подозрением, а потом затянулся, как это сделал я. И так же как я, он выпустил струйку дыма. Потом он поднес сигарету ближе к лицу.

К моему удивлению, он начал быстро крутить сигарету между пальцев взад-вперед. Тлеющий на конце сигареты огонек упал вместе с табаком, и тот рассыпался. Старик скатал пустую бумажку в шарик и аккуратно положил его в огонь.

Он медленно улыбнулся, и вслед за ним засмеялись все, присутствовавшие в хижине.

Возможно, я был оскорблен, но их смех был так хорош, что я, заразившись общим весельем, тоже рассмеялся.

После этого меня проводили к моей лошади и по выезде из деревни сопровождали примерно с милю, после чего «Тихий» коротко распрощался со мной.

Это и есть краткое описание моего первого визита в индейский лагерь. Я не знаю, о чем они думают теперь.

Мне было приятно снова увидеть Форт Сэдрик. Это мой дом. Однако я ожидаю приглашения еще раз нанести визит моим «соседям».

Когда я смотрю на восточную сторону горизонта, я иногда пугаюсь того, что смогу обнаружить. Вдруг я больше не увижу там столба дыма? Я только могу надеяться, что моя бдительность и мои «переговоры» с дикими людьми о будущих планах тем временем дадут хорошие плоды.

Лейт. Джон Дж. Данбер, США.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

I

Несколько часов спустя после первого визита лейтенанта Данбера, Трепыхающаяся Птица и Десять Медведей вели строго конфиденциальный разговор. Он был кратким и прямо относился к делу.

Лейтенант Данбер понравился старому вождю. Десять Медведей отметил его взгляд, а старый индеец придавал большое значение тому, что он видит в глазах человека. Ему также понравились манеры лейтенанта. Он был скромный и учтивый, и Десять Медведей обратил внимание на эти его качества. Случай с сигаретой был поразительным. Как кто бы то ни было мог курить такой маленький предмет, не поддавалось логике, но от этого лейтенант ничуть не проигрывал в глазах вождя, и тот согласился с Трепыхающейся Птицей, что белый человек стоит изучения, хотя бы для проверки и развития их собственного разума.

Старый индеец мысленно одобрил идею Брыкающейся Птицы о преодолении языкового барьера. Но тут возникали условия. Трепыхающаяся Птица должен был бы навещать белого человека неофициально. Меткий Глаз попадал бы под его ответственность, и только под одну его. Здесь, в лагере, уже ходили разговоры о том, что белый человек каким-то образом мог

иметь отношение к недостатку дичи. Никто не знал, как люди отнесутся к белому солдату, если он повторит свой визит в деревню. Они могут выступить против него. Вполне может случиться такое, что кто-нибудь убьет его.

Трепыхающаяся Птица принял эти условия, уверив Десять Медведей в том, что он сделает все возможное со своей стороны, чтобы осуществить их план незаметно для других.

Решив этот вопрос, они приступили к обсуждению более важной проблемы.

Бизоны запаздывали с приходом.

Все эти дни разведчики выезжали в разные стороны далеко в прерию, но даже на большом расстоянии от лагеря они смогли найти всего одного бизона. Это было старое, одинокое существо, разорванное на части большой стаей волков. Его обглоданный скелет едва ли стоил того, что его подобрали.

Нравы отряда ухудшались с уменьшением запасов продовольствия, и через несколько дней положение могло стать критическим. Они жили, питаясь мясом местных оленей, но эти ресурсы быстро подходили к концу. Если в ближайшее время бизоны так и не появятся, прогнозы на изобилующее пищей лето обернутся детским плачем.

Двое мужчин решили, что в дополнение к прежним надо будет выслать еще какое-то количество разведчиков, и танец был действительно необходим. Он должен будет состояться в течение недели.

Трепыхающаяся Птица займется необходимыми приготовлениями.

II

Это была странная неделя. Неделя, в течение которой время для шамана двигалось хаотично. Когда оно было ему крайне необходимо, часы пролетали, как секунды. Когда же он желал, чтобы время прошло побыстрее, оно тянулось медленно, и минута за минутой ползла со скоростью улитки. В попытке все уравновесить шаман просто вынужден был бороться.

В предстоящем танце было множество деталей, назначение которых — воздействовать на воображение присутствующих. На них строился весь танец. Он должен быть непринужденным, очень священным, и вся деревня должна была принять в нем участие. Планирование и назначение ответственных за каждую часть этого важного события отнимало у Брыкающейся Птицы все время.

Плюс ко всему, у него были определенные обязанности по отношению к двум его женам, он был отцом четверых детей и наставником недавно принятой дочери. В добавление к этому, никто не мог решить его обычных каждодневных проблем и сюрпризов, которые возникали постоянно: визиты к больным, импровизированные совещания с заходящими на минуту посетителями, а также выполнение его собственных обязанностей как лекаря.

Трепыхающаяся Птица был самым занятым из людей.

И было что-то еще, что постоянно давило на его концентрацию. Как пульсирующая, выматывающая головная боль, лейтенант Данбер терзал его мысли. Он присутствовал в мозгу шамана постоянно, и Трепыхающаяся Птица не мог сопротивляться этому. В эти дни настоящее и будущее одновременно оккупировало одно и то же место в его жизни. Это было насыщенное время.

Присутствие Стоящей С Кулаком ничуть не облегчало ему жизнь. Она была ключом к выполнению его плана, и Трепыхающаяся Птица не мог посмотреть на нее без того, чтобы не подумать о Метком Глазе. При взгляде на женщину, его мысли неизбежно возвращались к его заданию. Но он должен был следить за ней. Было важно решить эту проблему в нужное время и в нужном месте.

Она быстро выздоравливала. Двигалась она уже гораздо легче. Рана почти не беспокоила ее и женщина довольно быстро возвращалась к нормальному ритму жизни в о хижине. Уже полюбившаяся детям, она работала так с долго и трудно, как любой в лагере. Оставаясь наедине с собой, она замыкалась. Этого не понимал никто. Фактически это всегда присутствовало в ее характере.

Иногда, после долго наблюдения, Трепыхающаяся Птица украдкой тяжело вздыхал. В эти моменты он предпочел бы не задавать себе вопросов, одним и главным из которых был следующий: «А принадлежала ли когда-нибудь Стоящая С Кулаком по-настоящему их племени?» Он не мог подобрать ответ, и любой из ответов ничем не смог бы помочь ему. Только две вещи имели значение. Она была здесь и он нуждался в ней.

Ко дню ритуального танца ему так и не представилось подходящего случая поговорить с женщиной так, как он хотел. В это утро Трепыхающаяся Птица проснулся с сознанием того, что сегодня он должен приступить к осуществлению своего плана, если он хочет, чтобы план вообще когда-нибудь осуществился.

Он послал трех молодых индейцев в Форт Сэдрик. Сам он был слишком занят, чтобы отправиться лично. Пока их не было, он постарался найти способ поговорить с Стоящей С Кулаком.

Индеец выбрал время для трудной работы. Вся его семья ушла к реке ранним утром, оставив Собранную В Кулак освежевывать тушу недавно убитого оленя.

Трепыхающаяся Птица наблюдал за женщиной из хижины. За все это время она ни разу не подняла головы. Нож скользил в ее руках, срезая шкуру с такой же легкостью, с какой нежное мясо исчезало с костей. Он дождался, когда она прервется хоть на минуту. Женщина подняла глаза, чтобы взглянуть на группу ребятишек, играющих металлическими наконечниками прямо перед хижинной.

— Стоящая С Кулаком, — позвал он ее мягко, высовываясь наполовину из входа в хижину.

Она перевела на него взгляд своих широко раскрытых глаз и ничего не ответила.

— Я хочу поговорить с тобой, — сказал мужчина, исчезая в темноте вигвама.

Женщина последовала за ним.

III

Внутри царил атмосфера напряженности. Трепыхающаяся Птица собирался сказать ей такие вещи, которые она наверняка не хотела бы услышать. Это делало его задачу нелегкой.

Стоя напротив лекаря, Стоящая С Кулаком почувствовала какое-то предзнаменование еще до того, как начались вопросы. Она не сделала ничего дурного, но ее жизнь стала день ото дня напоминать одни сплошные загадки и предположения. Стоящая С Кулаком никогда не знала, откуда и какого именно удара ей ждать. После смерти своего мужа она не надеялась на

хорошие изменения. Женщина почувствовала утешение в мужчине, стоящем перед ней. Он был уважаем всеми и каждым в отдельности, и он принял ее, как родную. Если и был кто-то, кому она могла довериться, то только Трепыхающейся Птице.

— Но сейчас он, казалось, нервничал.

— Садись, — предложил он ей, и они вдвоем опустились на пол. — Как твоя рана? — начал он, заглядывая ей в глаза.

— Она заживает, — ответила Стоящая С Кулаком, и их глаза встретились.

— Боли уже нет? — спросил мужчина.

— Нет.

— Скоро силы окончательно вернуться к тебе.

— Я уже и сейчас сильнее, чем прежде. Я много работаю.

Она играла комочками грязи на белы ступнях, скатывая их в маленькие шарики, в то время как Трепыхающаяся Птица старался подобрать нужные слова. Он не любил торопиться, но и не хотел быть прерванным, а кто-либо мог войти в любой момент.

Неожиданно она посмотрела на него, и шаман был поражен грустью, которая отпечатком лежала на ее лице.

— Ты несчастлива здесь, — заметил он.

— Нет, — она покачала головой, — я рада быть с вами.

Стоящая С Кулаком продолжала скатывать грязь в шарики, водя пальцами по ступням.

— Я грущу по моему мужу.

Трепыхающаяся Птица на какое-то время задумался, а женщина начала скатывать следующий комок грязи.

— Его уже нет, — сказал лекарь, — но ты здесь, с нами. Время не стоит на месте, и ты движешься вместе с ним, даже если это не приносит тебе счастья. Такое бывает.

— Да, — согласилась она, сжав губы, — но меня мало интересует, что со мной будет.

Со своего места, сидя лицом ко входу, Трепыхающаяся Птица заметил несколько теней, промелькнувших перед его хижинкой, и продолжил:

— Приближаются белые, — неожиданно выговорил он. — Множество белых будет проходить через нашу страну каждый год.

По спине Стоящей С Кулаком пробежал холодок. Ее плечи передернулись. Глаза потемнели, а руки непроизвольно сжались в кулаки:

— Я не хочу идти с ними.

Индеец улыбнулся.

— Нет, — сказал он, — ты не пойдешь. Среди нас нет такого воина, которые не постарается удержать тебя от этого...

Услышав эти слова поддержки, женщина с темно-каштановыми волосами наклонилась вперед с любопытством.

— ... Но они придут, — продолжал говорить мужчина. — Они странная, незнакомая раса со своими привычками, обычаями и верой. Трудно сказать, что должны будем делать мы. Люди говорят, их много, и это беспокоит меня. Если они придут подобно тому, как поток несет свои воды, мы должны будем остановить их. И тогда мы потеряем много лучших наших воинов, мужчин, каким был твой муж. Тогда здесь будет намного больше вдов с печальными лицами.

Чем ближе подходил Трепыхающаяся Птица к главной цели своего разговора, тем ниже опускала голову Стоящая С Кулаком, размышляя над его словами.

— Есть один белый человек, тот, который принес тебя домой. Я виделся с ним. Я был у него в хижине, что находится вниз по реке, я пил его кофе и говорил с ним. Конечно, он незнакомый, чужой для нас и имеет свои странности. Но я наблюдал за ним и думаю, у него в груди бьется доброе сердце...

Женщина подняла голову и быстро взглянула на шамана.

— Этот бледнолицый — солдат. Может быть, он пользуется большим влиянием у белях...

Трепыхающаяся Птица остановился Обыкновенный воробей нашел дорогу в вигвам через открытый полог и впорхнул в хижину. Осознавая, что здесь ему грозит опасность попасть в ловушку, молоденькая птичка забила крыльями, мечась от одной стены к другой. Брыкающаяся Птица наблюдал, как воробей поднялся выше, приблизившись к дыре, через которую выходит дым от костра, а потом неожиданно вырвался на свободу, исчезнув в этом отверстии.

Теперь лекарь смотрел на Собранную В Кулак. Она не обратила внимания на это вторжение и продолжала смотреть на свои руки, сложенные на коленях. Шаман задумался, пытаясь уловить потерянную нить своего монолога. Не успел он начать, как вдруг снова услышал мягкие хлопки маленьких крыльев.

Посмотрев вверх, он увидел воробья, который снова залетел в хижину, на этот раз через дымоход. Трепыхающаяся Птица проследил взглядом его полет — птичка камнем метнулась к полу, сделала грациозный разворот и тихо опустилась на каштановые волосы. Женщина не пошевелилась, а воробей начал чистить клювом перышки. Он делал это так естественно, будто сидел в своем гнезде на ветке высокого дерева. Стоящая С Кулаком провела рукой по волосам и воробей, как ребенок, прыгающий через веревку, приподнялся на фут в воздух, выжидая, пока рука пройдет у него под лапками, и снова опустился на голову женщины. Стоящая С Кулаком терпеливо сидела, пока крошечный гость распушал свои крылья и перья на грудке. Потом он вспорхнул и направился прямо ко входу в хижину. Он исчез в мгновение ока.

Какое-то время Трепыхающаяся Птица хотел сделать определенное заключение, касающееся смысла и значения этого появления воробья и роли Стоящей С Кулаком в этом представлении. У него не было времени предпринять свою обычную в таких случаях прогулку и обдумывать случившееся. Однако он почувствовал успокоение от того, что увидел.

До того, как он снова заговорил, женщина подняла голову.

— Что ты хочешь от меня? — спросила она.

— Я хочу слушать, что говорит белый солдат. Но мои уши не могут понять его слов.

Наконец-то он сделал это. Лицо Стоящей С Кулаком омрачилось.

— Я боюсь его, — сказала она.

— Сотни белых солдат придут сюда на сотнях лошадей и с сотнями винтовок... вот чего нужно бояться. А сейчас он один. Нас же много, и это наша земля.

Она понимала, что Трепыхающаяся Птица прав, но его правота не помогала ей почувствовать себя в безопасности. Стоящая С Кулаком неловко переменяла позу:

— Я не помню языка белых людей, — заметила женщина нехотя. — Я — Команча.

Шаман кивнул:

— Да, ты одна из дакотов. Я не прошу тебя становиться кем-то еще. Я прошу лишь подавить свой страх и подумать о нашем племени. Встреться с белым человеком. Постарайся найти с ним общий язык, вспомни язык белых людей, и когда ты сделаешь это, мы втроем проведем переговоры, которые будут на благо всех людей. Я думал об этом очень долгое время.

Он замолчал, и вся хижина погрузилась в тишину вместе с ним.

Женщина огляделась вокруг, скользя взглядом по предметам, находящимся внутри. Она будто прощалась со всем этим на долгое время. Когда она вновь увидит эти места?

Стоящая С Кулаком никуда не собиралась уходить, но в своих мыслях она предпринимала еще один шаг, посвящая его тому, кого так сильно любила.

— Когда я его увижу? — спросила она.

Безмолвие снова воцарилось в хижине.

Трепыхающаяся Птица поднялся на ноги:

— Найди тихое место, — напутствовал он ее, — подальше от нашего лагеря. Сядь там и оставайся столько времени, сколько потребуется. Постарайся вспомнить слова своего старого языка.

Подбородок женщины упирался ей в грудь, когда Трепыхающаяся Птица шел вместе с ней к выходу.

— Отбрось свой страх, и ты сделаешь полезную вещь, — бросил он си вслед.

Женщина уже повернулась к нему спиной и вышла из хижины.

Шаман не знал, услышала ли она последний из его советов. Стоящая С Кулаком не обернулась и сейчас она уже шла прочь от хижины.

IV

Стоящая С Кулаком сделала все так, как ее просили.

С пустым кувшином для воды, висевшим у нее на бедре, она спустилась к реке по главной

тропе. Время близилось к полудню, и утренние передвижения, во время которых набирали воду для хозяйственных нужд и для лошадей, занимались стиркой и купанием детей, уже почти прекратились. Она шла медленно, осматриваясь и выискивая такую тропу, по которой редко ходили и которая могла бы привести ее к месту уединения. Ее сердце учащенно забилось, когда она наткнулась на поросший травой участок, который находился в стороне от главной тропы. Женщина пробежала через расщелины и оставила реку в сотнях ярдов позади себя.

Рядом никого не было, но она внимательно прислушалась — вдруг кто-нибудь направляется сюда и она услышит его шаги. Не услышав ничего подозрительного, она спрятала обременявший ее кувшин в куст, который со временем мог вырасти в вишневое дерево, а затем скользнула в хорошо укрытую от посторонних глаз старую расщелину, как раз в тот момент, когда на берегу реки послышались голоса.

Она торопливо пробиралась сквозь запутанные заросли, свисающие над тропой, и вздохнула свободно только тогда, когда через несколько ярдов узенькая тропинка превратилась в хорошо протоптанную дорожку. Теперь шаг ее был легкий, и вскоре голоса на главной тропе замерли вдаль.

Утро было прекрасным. Легкий ветерок раскачивал ивы, и их гибкие и тонкие ветви танцевали свой утренний вальс. Небо над головой было необычной, чистой голубизны, и единственными звуками, раздающимися в звенящей тишине начинающегося дня, были шуршание кролика или ящерицы, вспугнутых ее шагами. Этот день, казалось, был создан для наслаждения и радости, но в сердце Стоящей С Кулаком не было этих чувств. Душа ее окаменела от долгих дней, проведенных в тоске, от горечи.

Она замедлила темп и дала волю ненависти.

Часть ее была направлена против белого солдата. Она ненавидела его за то, что он пришел на эти земли, за то, что он был солдатом и вообще за то, что он родился. Стоящая С Кулаком ненавидела и Брыкающуюся Птицу за то, что он попросил ее об этом и за то, что знал — она не сможет отказать. Она ненавидела Великий Дух за его жестокость. Великий Дух разбил ее сердце. Но этого ему было недостаточно.

— Почему ты продолжаешь причинять мне боль? — спрашивала она его. — Я уже мертва.

Постепенно ее голова стала остывать. Но горечь не проходила. Она превратилась во что-то холодное и хрупкое.

Вспомнить язык белых. Вспомнить язык белых.

Она осознала, что устала быть жертвой, и это разозлило ее.

«Ты хочешь, чтобы я говорила, как бледнолицые», — думала она на языке дакотов. — «Ты думаешь, мне стоит делать это? Тогда я вспомню его. И если кроме меня этого никто не может, я буду самой лучшей из никого. Я буду никем, чтобы вспомнить».

Когда ее мокасины мягко ступили на поросшую травой едва заметную тропку, она начала возвращаться назад, пытаясь найти место, с которого можно начать. Место, где она могла бы вспомнить давно забытые слова.

Но все было напрасно. Несмотря на то, что она сильно напрягала свою память, в ее мыслях не возникало ни единого слова, и несколько минут она испытывала ужасное разочарование —

весь язык другой расы крутился на кончике ее языка. Вместо того, чтобы рассеяться, мгла ее прошлого стала еще гуще, как опустившийся густой туман.

Женщина была унесена временем в те дни, когда она подошла к маленькому просвету, который открылся в реке на милю вверх по течению от деревни. Это был вид редкой красоты. Террасы, покрытые травой, были затенены блестящими коробочками хлопка с трех сторон и образовывали естественный экран. Река была широкой и мелкой, усеянной полосками песка, на которых рос камыш. Раньше она была бы безумно рада, найдя такое место. Стоящая С Кулаком всегда была восприимчива к красоте.

Однако сегодня она ничего не замечала. Желая только одного — отдыха, она тяжело опустилась перед зарослями хлопка и легла на спину. Женщина скрестила ноги по обычаю индейцев и изменила позу, чтобы дать прохладному воздуху с реки возможность играть вокруг ее бедер. Наконец она закрыла глаза и погрузилась в воспоминания.

Но ничего вспомнить она так и не смогла. Стоящая С Кулаком стиснула зубы. Она подняла руки и провела ладонями по своим уставшим глазам.

Когда она прикрыла глаза руками, неожиданно возник какой-то образ.

Это поразило ее, как яркая вспышка света — так разнообразны и красочны были цвета в ее видении.

V

Перед ней всплыло прошедшее лето, когда обнаружилось, что белые солдаты находятся поблизости. Однажды утром, когда она еще лежала в постели, ее кукла появилась на стене. В середине танца она увидела свою мать. Но оба видения были неясными, затуманенными.

То, что она видела сейчас, было живым и двигалось как во сне. На протяжении всего видения слышались разговоры белых людей. И она понимала каждое слово.

Первое, что появилось, удивило женщину своей ясностью, даже какой-то прозрачностью. Это была зашитая дыра на платье в голубую клетку. На шве лежала рука, играющая бахромой ниток, торчащих наружу. Глядя широко раскрытыми глазами, женщина заметила, как образы стали увеличиваться в размерах. Рука принадлежала девочке такого возраста, в каком была она сама в ранней юности. Она стояла в грубой земляной комнате, вся обстановка которой состояла лишь из маленькой, плохо выглядевшей постели, букетика цветов, расположившегося рядом с единственным окном, и буфета, над которым висело зеркало с отколотым углом.

Девочка стояла отвернувшись, ее лицо было повернуто к руке, которая держалась за дыру, проверяя шов.

Из-за этого, платье было приподнято достаточно высоко, так, что можно было видеть тонкие, короткие ноги девочки.

Неожиданно из комнаты раздался женский голос:

— Кристина...

Голова девочки повернулась, и в долю секунды Стоящая С Кулаком осознала, что этой девочкой она была сама. Ее детское лицо слушало, а потом губы выговорили слова: «Иду, мама».

Стоящая С Кулаком открыла глаза. Она была напугана тем, что видела, но как слушатель, сидящий у ног рассказчика, требует продолжать, так и она хотела узнать, что будет дальше.

Она снова закрыла глаза, и с ветки дуба, сквозь сплошную массу шелестящих листьев, открылся новый вид. Вытянутая по фасаду дерновая хижина, прячущаяся в тени хлопковых зарослей, была выстроена прямо противоположно имеющемуся чертежу. Грубый стол, составляющий вместе с необструганными стульями некое подобие гарнитура, стоял перед домом. За столом сидели четверо взрослых — двое мужчин и две женщины. Эти четверо разговаривали, и Стоящая С Кулаком понимала каждое слово.

Мужчины курили трубки. На столе перед ними красовались остатки вечернего воскресного обеда: горшок с вареным картофелем, несколько блюд с кое-какой зеленью, груда пустых, без зерен, кукурузных початков, скелет индейки и наполовину выпитый кувшин молока. Мужчины вели обстоятельную беседу о вероятности дождя.

Стоящая С Кулаком узнала одного из них. Он был высокий и прямой. У него были впалые щеки и высокие скулы. Волосы на голове были зачесаны назад. Короткая, клочками растущая борода обрамляла челюсти. Это был ее отец. Надо всем этим она могла выделить силуэты двух человек, лежащих в высокой траве, растущей на крыше. Сначала она и не узнала, но вдруг приблизилась к ним, и смогла увидеть все отчетливо.

Это была она сама и мальчик ее же возраста. Его звали Вилли. Он был худощавый, прямой, как жердь, и бледный. Они лежали на спинах рядом друг с другом, держась за руки, и наблюдали полосы высоких облаков, рассеянных по всему бескрайнему небу.

Они говорили о том дне, когда смогут пожениться.

— Я бы хотела, чтобы это был именно ты, — мечтательно сказала Кристина. — Ты бы пришел однажды ночью к моему окну и увел бы меня.

Она сжала его руку, но Вилли не вернул ей этот жест. Он внимательно наблюдал за облаками.

— Я не знаю, — сказал Вили.

— Что ты не знаешь?

— У нас могут быть неприятности.

— От кого? — спросила неторопливо Кристина.

— От наших родителей.

Кристина повернула к нему свое лицо и улыбнулась тому, что увидела.

— Но мы же поженемся. Наши дела — это наши дела, и ничьи больше.

— Я полагаю, — сказал он, и его бровь чуть вздернулась вверх.

Он ничего не предлагал, и Кристина снова уставилась в небо, лежа на спине рядом с ним.

Наконец мальчик закончил свои наблюдения. Краем глаза он посмотрел на девочку, а она на него.

— Я думаю, меня не волнует сейчас вся эта суета... до того, как мы поженемся, еще столько

времени... — сказал Вилли.

— Меня тоже, — заметила она.

Их лица внезапно потянулись одно к другому, губы уже были готовы к поцелую.

В последний момент Кристина переменяла свое решение.

— Мы не можем, — прошептала она.

В его глазах промелькнула обида.

— Они нас увидят, — снова зашептала она. — Давай спускаться вниз.

Вилли улыбался, глядя, как она соскальзывает понемногу вниз с задней стороны крыши. Перед тем, как последовать за ней, он взглянул на группу людей внизу.

Индейцы двигались по прерии, направляясь в их сторону. Их было двенадцать, все верхом. Их волосы были собраны на затылке в косицы, а лица выкрашены в черный цвет.

— Кристина, — он замер, схватив ее.

Они скорчились, лежа на животе, и подползли к краю, чтобы увидеть как можно больше. Они вытянули шеи, а Вилли пододвинул поближе свое маленькое ружье.

Женщины и дети, должно быть, уже были внутри хижины, потому что они увидели во дворе только се отца и его друга. Трос индейцев были уже совсем близко, остальные ждали в отдалении.

Отец Кристины начал знаками объясняться с одним из индейцев — большим пауни с хмурым лицом. Насколько можно было понять, разговор был не из приятных. Индеец делал попытки зайти в дом, показывая жестами, что он хочет пить. Отец Кристины продолжал отрицательно качать головой.

Индейцы приходили и раньше, и Кристинин отец всегда делился тем, что у него было. Эти пауни, вероятно, хотели того, чего отец не имел... или что-то, чего он не хотел делить с ними.

Вилли зашептал девочке на ухо:

— Они выглядят больными... Может быть, они хотят виски...

«Возможно, именно так», — подумала она. Ее отец не держал в доме никаких крепких напитков, и, как она успела заметить, уже начинал терять терпение. А терпение его было отличительной чертой.

Он отстранял их, но индейцы не двигались. Тогда он вскинул обе руки вверх, и пони тоже подняли вверх свои головы. Индейцы так и не сдвинулись с места, и теперь уже все трос красовались хмурыми лицами.

Отец Кристины сказал что-то своему белому другу, стоящему рядом с ним, и, повернувшись спинами к индейцам, они направились в дом.

Ни у кого не было времени, чтобы крикнуть и предупредить их. Томагавк большого пауни описал снизу дугу еще до того, как Кристинин отец полностью развернулся. Топорик вонзился

чуть ниже пояса, прочертив глубокую полосу острым лезвием вниз по спине. Отец зарычал от ярости и отпрыгнул в сторону. Не успел он сделать несколько шагов, как большой пауни оказался на его спине, издавая свирепые звуки и сбивая отца с ног.

Второй белый человек пытался бежать, но поющие стрелы пригвоздили его к земле на полпути к двери дерновой хижины.

Ужасные звуки терзали слух Кристины. Крики отчаяния раздавались внутри дома, и индейцы, которые держались на расстоянии, с бешеными возгласами галопом направили своих пони вперед. Кто-то кричал ей прямо в лицо. Это был Вилли:

— Бежим, Кристина... бежим.

Вилли одел на нее одни из своих ботинок и отправил девочку к месту, где крыша заканчивалась и начиналась прерия. Она оглянулась и увидела худого, неопытного мальчика, который стоял на краю крыши. Его почти игрушечное ружье было направлено дулом во двор. Ружье выстрелило, с секунду Вилли стоял неподвижно. Потом он перевернул свое ружье, взяв его как дубинку, тихо спрыгнул вниз и исчез.

Тогда она побежала, обезумев от страха. Ее тощие ноги четырнадцатилетнего подростка мелькали в прерии позади хижины как колеса какой-то странной машины.

Солнце слепило глаза, и она несколько раз упала, сдирая кожу с коленей. Но девочка смотрела на это сквозь пальцы, потому что страх смерти толкал ее дальше, вперед, и некогда было обращать внимание на боль. Даже если бы перед ней неожиданно возникла стена, она скорее всего не заметила бы ее, и пронеслась прямо сквозь стену.

Она знала, что не сможет долго сохранять этот темп, но даже если и сможет, то индейцы все равно будут верхом, и легко догонят ее. Когда возвышенность, по которой она бежала, стала сужаться, а края склона стали круче, девочка начала искать место, где можно спрятаться.

Ее сумасшедший взгляд ничего не обнаружил, а боль в разбитых коленках начинала пульсировать, как вдруг она заметила темное отверстие, частично прикрытое толстыми пучками травы на полпути вверх по склону слева от себя.

Кашляя и плача, она вскарабкалась на каменистую площадку и как мышь, ищущая убежища, втиснулась в щель. Голова прошла легко, но никак не хотели пролезать плечи. Дыра была слишком мала. Она отползла на коленях назад и ударила по краям дыры кулаками. Земля под камнями была мягкой, и начала осыпаться. Кристина копала в исступлении, и через некоторое время в щели оказалось достаточно места для того, чтобы там можно было свернуться калачиком.

Это было очень тесное убежище. Она сидела скорчившись, и почти сразу же возникло болезненное ощущение, будто она каким-то образом сама запихнула себя в бутылку и заткнула пробкой. Правым глазом из-за края дыры она могла видеть небольшой участок земли на несколько сот ярдов вниз по склону. Никого не было. Но черный дым поднимался с той стороны, где находился ее дом. Она руками сжала горло, и одной из них нащупала распятие, которое носила на шее, сколько себя помнила. Она держалась за него и ждала.

VI

Когда солнце прошло свой дневной путь и светило теперь из-за холма, у молодой девушки появилась надежда. Она боялась, что один из индейцев видел, как она побежала, но по

прошествии каждого следующего часа ее шансы увеличивались. Она молилась, чтобы быстрее наступила ночь. Это единственное, что могло помешать им найти ее.

Через час после захода солнца она затаила дыхание, услышав топот копыт. Лошади спускались вниз по склону. Ночь выдалась безлунная, и девочка не смогла ничего толком разглядеть. Ей показалось, что она слышит детский плач. Стук копыт постепенно замер и больше не повторялся.

Крестину так сильно мучила жажда, что больно было глотать, а непрекращающаяся боль в ободренных коленках, казалось, распространилась на все тело. Она пыталась слегка выпрямить затекшие конечности. Но это удавалось всего лишь на дюйм или два в любом направлении. Девочка не могла повернуться, а левая сторона ее тела, на которой она лежала, начала неметь.

Когда наступила самая длинная ночь в жизни Крестины, ее ужасное положение ухудшилось и переросло в лихорадочное возбуждение. Она вынуждена была удерживать себя от внезапных приступов паники, которая уже начала овладевать мыслями. Девочка могла умереть от потрясения, которое ей пришлось испытать, но каждым раз она находила способ подавить в себе начинающуюся истерику. Кристина старалась как можно меньше думать о том, что случилось с ее семьей и друзьями. Не думать об этом — вот спасительная соломинка, за которую она хваталась, как одержимая. Она снова и снова слышала предсмертный хрип отца, единственный, который он успел издать перед тем, как томагавк пауни вонзился ему в спину. Каждый раз, слыша этот рык, она старалась избежать его, пропуская эти воспоминания. Кристина всегда считалась стойкой и выносливой маленькой девочкой, и именно благодаря своей стойкости она спаслась.

Около полуночи она задремала, но минутой позже проснулась в ярости от того, что заперта в этой маленькой дыре. Подобно скользкому узлу на веревке, чем больше она боролась, тем сильнее застревала.

Ее жалобные стоны полуночный ветер уносил вниз по склону.

Наконец она ослабла до такой степени, что не в силах больше была даже стонать, и просто лежала, вздрагивая от долгого плача. Когда все слезы тоже были выплаканы, девочка затихла, теряя последние силы от своей беспомощности. Она испытывала то же чувство, какое испытывают животные, прошедшие долгие часы в капкане.

Оставив надежду самой выбраться из этой норы, она сконцентрировала внимание на тех маленьких движениях, которые помогли бы ей устроиться более удобно. Кристина задвигала ступнями взад и вперед настолько это было возможно, шевеля при этом каждым пальцем. Ее руки были относительно свободны, и она прижимала кончики пальцев друг к другу до тех пор, пока не перебрала, наконец, все возможные комбинации. Она пересчитала свои зубы. Потом прочла выученную наизусть молитву, четко произнося каждое слово. Она сочинила длинную песню о том, что она почувствует, находясь в этом капкане. Потом спела ее.

VII

С первыми лучами солнца, девочка снова начала плакать, думая, что не сможет продолжать лить слезы весь день, который еще только начинался. С нее было достаточно. И когда Кристина услышала стук лошадиных копыт на склоне внизу, смерть от чьей-либо злой руки показалась ей лучшим исходом, чем возможность погибнуть в этой расщелине.

— Помогите! — закричала она, — помогите мне!!

Она услышала, как стук копыт внезапно оборвался. Люди поднимались вверх по склону, объезжая камни. Борьба с валунами прекратилась и лицо возникло прямо перед дырой. Кристина не смогла пересилить себя, чтобы посмотреть на него, но не имела возможности отвернуться. Она закрыла глаза к недоумению дакотов.

— Пожалуйста... вытащите меня, — полушепотом, полу стоном вырвалось у нее.

Она не успела до конца осознать, как сильные руки уже тащили ее на солнечный свет. Сначала девочка не смогла стоять, и опустилась на землю, вытягивая свои затекшие ноги дюйм за дюймом. Индейцы в это время совещались между собой.

Их мнения разделились. Большинство не видело смысла брать ребенка с собой. Они говорили, что она тощая, маленькая и слабая. И если они возьмут этот маленький комочек страданий, их могут обвинить в том, что сделали пауни с белыми людьми в земляной хижине.

Их предводитель был против и привел свои аргументы. Было бы большой неудачей, если бы люди, жившие в земляной хижине так далеко от других белых, будут обнаружены очень скоро. Но в любом случае, сами дакоты будут уже далеко отсюда к тому времени, как это произойдет. Отряд имел всего двух пленных. Оба они были мексиканцами, а пленные всегда в цене. Если девочка умрет во время долгого пути домой, они оставят ее, и нет ничего мудрее этого. Если же она выживет, то сможет пригодиться как работница или что-то, с помощью чего можно будет совершить удачную сделку, если возникнет такая необходимость.

Лидер напомнил остальным, что у пленников стало традицией превращаться в хороших дакотов, а это всегда было полезно для роста большего числа хороших дакотов.

Дело разрешилось довольно быстро. Те, кто высказался за то, чтобы убить девочку, возможно, имели более веские аргументы, но тот, кто предложил сохранить ей жизнь, был быстро идущим в гору молодым воином с великолепным будущим, и ни один из его соплеменников не посмел выступить против него.

VIII

Она выжила и преодолела все лишения большей частью благодаря благосклонности молодого воина с видами на будущее, чье имя она случайно услышала и запомнила. Его звали Трепыхающаяся Птица.

Со временем она начала понимать, что эти люди стали теперь ее семьей и что они имели огромную разницу с теми, которые убили ее родителей и друзей. Дакоты стали ее миром и она полюбила их так сильно, как ненавидела пауни. Но в то время, когда ненависть к убийцам поднималась в ней, воспоминания об утраченной семье неизменно понемногу растворялись, уходили, будто их засасывало зыбучими песками. В конце концов, эти горькие воспоминания навсегда оставили ее мысли.

До этого дня, дня, когда она воскресила в памяти все свое прошлое.

Насколько неожиданно всплыли все эти яркие образы из прошлого, настолько же моментально Стоящая С Кулаком перестала думать о них, когда поднялась с земли, где образовалась полянка примятой ее телом хлопковой растительности, и забралась в реку. Когда женщина ступила в воду и несколько раз брызнула чистой влагой себе в лицо, она уже не думала о своих отце и матери. Они давно ушли из ее жизни, и память о них сейчас ничем не могла помочь ей.

Стоящая С Кулаком пробежалась взглядом по противоположному берегу реки. Сейчас все ее

мысли были заняты лишь пауни. Она задавала себе вопрос: «Придут ли они этим летом на землю дакотов?»

Втайне она надеялась, что так и будет. Это давало бы ей еще одну возможность для мщения.

Такой случай уже представился ей однажды несколько лет назад, и она сделала все, что было в ее силах, чтобы отомстить. Надменный, высокомерный воин был взят в плен живым с целью получить за него выкуп.

Стоящая С Кулаком и делегация женщин встретили мужчин, которые привели пленника на окраину лагеря. Она лично была предводителем разъяренных судей, считавших, что возвращение военного отряда невозможно. Они стащили пленного воина со спины его лошади и растерзали его на куски там же, на месте, куда он был приведен. Стоящая С Кулаком была первой, кто вонзил в него свой нож, и оставалась на месте казни до тех пор, пока воспоминанием от пауни остались лишь клочки одежды. Мысль о том, что она вернула нанесенные ее семье удары, наполняла ее глубоким удовлетворением. Но, однако, не настолько полным, чтобы она перестала постоянно думать о еще одном шансе для мести.

Путешествие в прошлое послужило ей хорошим возбуждающим средством, и сейчас она чувствовала себя дакота больше, чем когда бы то ни было.

Женщина возвращалась на свою полянку с примятой травой. Ее голова была высоко поднята, а сердце было очень сильным.

Белый солдат, казалось, был сейчас для нее сущим пустяком. Она решила, что если и поговорит с ним, то в итоге это будет только удовольствием для нее.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

I

Появление трех незнакомых молодых человек верхом на пони было неожиданным. Робкие и почтительные, они внешне выглядели посланцами, но для лейтенанта Данбера такого количества воинов было слишком много. Он еще не научился отличать одно племя от другого, и его нетренированный глаз мог принять их за кого угодно.

С винтовкой, перекинутой через плечо, он прошел сотню ярдов, удаляясь от склада продовольствия. Данбер вышел встретить их. Когда один из молодых парней сделал ему знак приветствия, который делал «Тихий», Данбер ответил своим обычным коротким поклоном.

Разговор жестами был коротким и простым. Индейцы просили его поехать с ними в деревню, и лейтенант согласился. Пока он запрягал Киско, они стояли недалеко от него и тихо обсуждали между собой достоинство маленькой гнедой лошадки, но Данбер не обращал на них особого внимания.

Он был возбужден. Его снедало любопытство. Что произошло? Почему за ним прислали этих троих? Данбер был рад, когда они, оставив Форт позади, понеслись галопом.

II

Это была та самая женщина, и хотя она сидела далеко от них, повернувшись к задней стенке хижины, глаза лейтенанта постоянно устремлялись в том направлении. Платье из оленьей шкуры закрывало ее колени, и Данбер не мог определить, зажила ли тяжелая рана на ее ноге.

Внешне она выглядела отлично, но лейтенант не мог прочитать по выражению ее лица, не мог найти ключа к разгадке. На нем читались следы угрюмости, но ничего другого оно не выражало. Взгляд Данбера возвращался и возвращался к ней, потому что он был уверен теперь, что именно эта женщина послужила причиной для этого его визита в деревню. Он хотел, чтобы все наконец разъяснилось, но его ограниченный опыт общения с индейцами уже научил его быть терпеливым.

Итак, лейтенант ждал, пока шаман методично набивал в свою трубку табак. Данбер снова посмотрел на Собранную В Кулак. На какое-то мгновение их глаза встретились, и он вспомнил, какими бледными они были по сравнению с глубокими, темно-кариими глазами остальных. Потом он вспомнил вырвавшиеся у нес слова: «Не надо» в тот день, когда нашел ее в степи. Каштановые волосы неожиданно обрели для него новое значение, и мурашки пробежали у него от шеи по спине.

— О, боже мой! — подумал лейтенант. — Эта женщина — белая!

Данбер теперь с уверенностью мог сказать, что Трепыхающаяся Птица был более чем следовало озабочен присутствием этой женщины в полумраке хижины. Когда, закончив набивать трубку, он протянул ее Данберу, то сделал это с длинным взглядом в ее сторону.

Лейтенант нуждался в помощи, потому что сам не справлялся с этой длинной трубкой, и Трепыхающаяся Птица проявил вежливость, указав, как правильно должны располагаться пальцы на се мундштуке. Табак полностью соответствовал запаху, не очень приятному, надо признать, но не лишенному некоторого аромата. Данберу такой способ курения понравился. И сама трубка была просто восхитительна. Поначалу с трудом удерживая ее в руках, после первой же затяжки лейтенант почувствовал, как она удивительно полегчала, и Данберу даже пришла в голову мысль, что она может запросто улететь — стоит ему лишь чуть расслабить пальцы, сжимающие мундштук.

Несколько минут Данбер и Трепыхающаяся Птица передавали ее из рук в руки, а затем индеец осторожно положил трубку рядом с собой. Он твердо посмотрел на Собранную В Кулак и подал ей знак приблизиться к ним.

Она заколебалась на какое-то время, а потом, опершись руками о земляной пол, поднялась на ноги. Лейтенант Данбер, будучи джентльменом, тут же вскочил с места, позабыв о том, что находится среди дикарей, не знающих обычаев белых людей.

Все произошло в одно мгновение. Данбер не видел ножа до тех пор, пока женщина не прошла половины расстояния, разделяющего их. В следующее мгновение Трепыхающаяся Птица неожиданно резко толкнул Данбера в грудь, и лейтенант упал на спину. Уже лежа на полу, он увидел, как женщина припала к земле, перемежая слова, которые она шептала, со свирепыми движениями, ударяя кулаками о землю.

Трепыхающаяся Птица быстро навалился на нее, и, вырывая одной рукой нож, другой прижимал женщину к земле. Когда лейтенант сел, шаман повернулся к нему. На его лице явно читался страх.

Доведенный почти до безумия этой ужасной ситуацией, Данбер поднялся на ноги. Он несколько раз протянул руки назад и вперед, одновременно повторяя одно и то же слово — «Нет». Потом он отвесил один из тех маленьких поклонов, какими обычно приветствовали индейцев, проходящих в Форт Сэдрик. Он указал на женщину, лежащую на полу, и снова поклонился.

Тогда Трепыхающаяся Птица все понял. Белый человек старался всего лишь быть вежливым. Он не хотел никого обидеть. Индеец сказал несколько слов Стоящей С Кулаком, и тогда она тоже встала на ноги, уставившись в пол. Она избегала любых контактов с белым солдатом.

Некоторое время каждый член этого трио стоял в вигваме не двигаясь.

Лейтенант Данбер ждал и смотрел, как Трепыхающаяся Птица медленно почесывает свой нос длинным, темным пальцем, обдумывая дальнейшие действия. Потом он мягко обратился к Стоящей С Кулаком и женщина подняла на него глаза. Они казались еще бледнее, чем раньше. И более пустыми. Сейчас она смотрела прямо в глаза Данберу. Шаман знаками попросил лейтенанта занять свое место. Все расселись в том порядке, в каком они сидели до этого маленького происшествия — лицом друг к другу. Еще несколько ласковых слов, сказанных Трепыхающейся Птицей женщине — и она передвинулась, легко устроившись в футе — двух от Данбера.

Индеец в ожидании посмотрел на них обоих. Он приложил пальцы к губам, тыча другой рукой в лейтенанта. Наконец Данбер понял, что его просят сказать что-нибудь женщине, сидящей рядом с ним.

Лейтенант повернул к ней голову, ожидая, когда она, в свою очередь, тоже повернет к нему свою.

— Здравствуй, — сказал он.

Женщина моргнула.

— Здравствуй, — повторил Данбер.

Стоящая С Кулаком помнила это слово. Но язык белых в ее произношении был таким же запущенным, как старый, заброшенный сарай. Она боялась того, что у нес может получиться, и ее сознание все еще сопротивлялось самой идее этих переговоров. Она сделала несколько беззвучных попыток перед тем, как произнести:

— Здроствай.

Женщина выдавила из себя это единственное слово и быстро опустила голову, коснувшись подбородком груди.

Восхищение Брыкающейся Птицы было так велико, что он совершенно нехарактерным для индейца движением ударил себя ладонью по ноге. Он потянулся к Данберу и коснулся его руки, прося его продолжать.

— Говорить? — спросил лейтенант, сочетая это слово с жестом, который сделал Трепыхающаяся Птица. — Говорить по-английски?

Стоящая С Кулаком потерла висок и кивнула, пытаясь сказать Данберу то, что она думала. Она приложила два пальца к губам и покачала головой, стараясь рассказать о трудностях с языком, которые она испытывает.

Лейтенант не совсем понял, что она хотела сказать ему. Выражение ее лица было все еще отсутствующим и даже, как временами казалось Данберу, чуть враждебным.

Но сейчас в ее движениях была легкость, которая позволяла ему думать, что женщина хотела

продолжать общение.

— Я... — начал Данбер, указывая на себя пальцем, — я Джон. Я — Джон.

Взгляд женщины задержался на его губах.

— Я — Джон, — повторил он снова.

Стоящая С Кулаком зашевелила губами, не издавая звука, практикуясь в движении губ. Когда она наконец произнесла слово вслух, оно прозвучало достаточно четко. Но это слово шокировало ее. И оно повергло в изумление лейтенанта Данбера. Женщина сказала:

— Вилли.

Трепыхающаяся Птица по выражению лица Данбера понял, что здесь какая-то осечка. Он беспомощно смотрел на Собранную В Кулак, которая повторяла без конца одни и те же движения: она закрывала лицо и глаза руками. Она зажимала нос, будто пыталась избежать какого-то запаха, и дико трясла головой. Наконец она положила руки на землю ладонями вниз и погрузилась в себя, снова и снова выговаривая тихо слова своими маленькими губами. В этот момент сердце Брыкающейся Птицы дрогнуло. Может быть, он потребовал слишком много от этой несчастной женщины, затеяв такой эксперимент?

Лейтенант Данбер тоже не знал, что делать дальше. Он думал, что долгая изоляция бедной девушки от белых людей, возможно, сделала из нее лунатика.

Но эксперимент Брыкающейся Птицы, хотя и ужасно сложный, тем не менее не был обречен на провал И Стоящая С Кулаком не была лунатиком. Слова белого солдата и ее воспоминания, а также смущение из-за своего языка — все это вместе взятое давило на женщину. Она с трудом могла разобраться в этой путанице. Это было похоже на путешествие с закрытыми глазами. Она боролась за то, чтобы ухватить конец путеводной нити, и смотрела в никуда, сосредоточившись на своих мыслях.

Трепыхающаяся Птица начал было что-то говорить, но она оборвала его с прямотой, присущей дакотам.

Ее глаза закрылись, и так она просидела еще несколько секунд. Когда же они открылись и женщина посмотрела сквозь свои спутанные волосы на лейтенанта Данбера, он заметил, что они изменили свое выражение — стали мягче.

Легким взмахом руки она сопроводила свою просьбу, сказанную на языке дакотов, произнести это слово еще раз.

Данбер прочистил горло.

— Я — Джон, — сказал он, и еще несколько раз внятно повторил:

— Джон... меня зовут Джон.

Ее губы еще раз шевельнулись, осваивая это слово, и еще раз она попыталась произнести его:

— Джан.

— Да, — восторженно кивнул Данбер. — Джон.

— Джан, — повторила Стоящая С Кулаком.

Лейтенант Данбер откинул голову назад. Этот звук был так сладок для него — звук его собственного имени. Он не слышал его уже месяц.

Стоящая С Кулаком улыбалась, несмотря ни на что. Ее недавняя жизнь была так полна потерь! Было совсем неплохо иметь что-то, неважно, как бы мало оно ни было, чему можно было бы улыбаться.

Они с Данбером одновременно взглянули на Брыкающуюся Птицу.

На его губах не играла улыбка. Но в глазах, хотя и не очень заметно, все же светился счастливый огонек.

III

Дело двигалось медленно в этот первый вечер в хижине Брыкающейся Птицы. Время прошло в терпеливых попытках Стоящей С Кулаком повторять простые слова и фразы за лейтенантом Данбером. Иногда для одного-единственного односложного слова требовалось не менее дюжины попыток, каждая из которых была утомительно скучной. И даже тогда ее произношение было далеко от нормального. Это было совсем не то, что можно было бы назвать речью.

Но Трепыхающаяся Птица был вполне удовлетворен. Стоящая С Кулаком сказала ему, что она помнит слова белых людей хорошо. Только ей трудно пока справиться с непослушным языком. Шаман знал, что практика поможет избавиться от этих затруднений, и его мысли уже галопом неслись от плана к плану и он ждал того времени, когда разговор между ними будет более свободным и наполненным информацией.

Индеец почувствовал приступ раздражения, когда один из его помощников появился в вигваме с известиями о том, что его присутствие необходимо, чтобы проверить окончательные приготовления к ритуальному танцу, который должен состояться этим вечером.

Трепыхающаяся Птица взял белого человека за руку и попрощался с ним, произнеся слова на языке белых и улыбнувшись на прощание:

— Здравствуй, Джан.

IV

Понять это было трудно. Встреча закончилась так неожиданно... И как чувствовал Данбер, она прошла успешно. Что-то, должно быть, имело важное значение.

Данбер стоял около хижины Брыкающейся Птицы и смотрел на широкую деревенскую улицу. Люди, видимо, должны были собраться на открытом месте в конце этой улицы рядом с домом, носящем на себе метку-медведя. Данберу хотелось остаться, чтобы посмотреть, что здесь будет происходить.

Но «Тихий» уже растворился в непрерывно растущей толпе. Данбер заметил женщину, такую маленькую даже среди невысоких индианок, идущую между двумя другими женщинами. Она не обернулась, чтобы взглянуть на него, но глаза лейтенанта следили за этим удаляющимся созданием, и внезапно он увидел в этой женщине двух человек в одном обличье — белую и индианку.

Неожиданно лейтенант заметил Киско, приближающегося к нему. Он был удивлен, когда увидел на спине своей лошади мальчика, с лица которого никогда не сходила улыбка. Мальчик остановил лошадь, спрыгнул с седла, похлопал Киско по шее и сказал что-то лейтенанту. Это что-то Данбер принял за похвалу качеств своей лошади.

Народ продолжал стекаться к площадке в конце улицы и мало обращал внимания на человека в форме. Лейтенант вернулся к мысли о том, чтобы остаться, но как бы сильно он ни хотел этого, он знал, что без официального приглашения это невозможно. А именно такого приглашения он и не получал.

Солнце заканчивало свой дневной путь и опускалось все ближе к горизонту, и желудок Данбера давал о себе знать глухим урчанием. Если лейтенант хотел добраться домой до наступления темноты и таким образом избежать множества затруднений при приготовлении ужина, ему следовало торопиться. Он вскочил в седло, развернул Киско и направился прочь из деревни, послав лошадь легким карьером.

Когда он проезжал последнюю хижину, то наткнулся на странное собрание. Около дюжины мужчин стояли позади одной из крайних хижин. Они были одеты во все разновидности одежды, а их тела были раскрашены крупными знаками. На голову каждого человека была надета голова бизона — с рогами и с покрывающими ее курчавым мехом. Только темные глаза да выступающие носы были видны из-под странных шлемов.

Данбер поднял вверх руку в знак прощания, когда проезжал мимо. Некоторые из мужчин посмотрели в его сторону, но никто не ответил ни единым жестом, и лейтенант поскакал домой.

V

Визиты Два Носка перестали ограничиваться только появлением поздним вечером или ранним утром. Теперь он восседал на вершине скалы в любое время, и делая это, старый волк чувствовал себя как дома. Он обходил маленький ограниченный мирок лейтенанта Данбера, как будто был просто лагерной собакой. Дистанция, которую он обычно сохранял, по мере продвижения их знакомства постепенно сокращалась. Все чаще волк находился не более чем в двадцати или тридцати футах от одинокого лейтенанта, который ходил по своему маленькому лагерю, выполняя самому себе поставленные задачи. Когда Данбер начинал заносить в журнал происшедшее в Форте и за его пределами, Два Носка обычно вытягивался на земле и лежал, глядя на лейтенанта. Его желтые глаза с любопытством следили за тем, как Данбер скребет чем-то по страничкам.

Возвращение в Форт прошло в полном одиночестве. Неожиданно закончившаяся встреча с женщиной, которая сочетала в себе сразу двух человек, и таинственное возбуждение в деревне (в котором Данбер не принимал участия) вернуло лейтенанта к его старым мыслям, грустному чувству своей полной заброшенности. Всю свою жизнь Данбер был жаден до общения с людьми, и, как это происходит с каждым человеком, одиночество и оторванность от мира было той вещью, которая постоянно должна была заставлять его держать себя в руках. В его случае, одиночество становилось основной характерной чертой его жизни. И поэтому для Данбера было успокоением видеть рыжевато-коричневого Два Носка, который появлялся под навесом, когда лейтенант в сумерках въехал в Форт.

Волк подбежал и сел, устроившись во дворе и наблюдая, как Данбер спрыгивает со спины Киско.

Данбер сразу заметил, что под навесом есть что-то еще. Это была большая степная куропатка, неподвижно лежащая на земле. Когда лейтенант подошел, чтобы поближе рассмотреть ее, то обнаружил, что птица убита совсем недавно. Кровь все еще сочилась из ее шеи. Но кроме этой раны на теле птицы не было ни единого повреждения. Ни одно перышко не было потревожено, не было сдвинуто со своего места. Это была загадка, которой можно было дать только одно объяснение, и лейтенант посмотрел прямо на Два Носка.

— Это твое? — громко спросил он.

Волк поднял глаза и мигнул, в то время, как лейтенант еще раз взглянул на птицу.

— Хорошо, — пожал плечами Данбер, — я полагаю, это наше.

VI

Два Носка стоял. Его узкие глаза следили за Данбером, пока тот занимался приготовлением птицы. Она была ощипана, выпотрошена и зажарена на костре. Когда птица была готова, волк последовал за лейтенантом в кораль и терпеливо ждал, пока Данбер насыплет в кормушку Киско его порцию зерна. Потом вслед за человеком волк вернулся к огню и сел в ожидании пира.

Это была хорошая добыча. Птица оказалась нежной на вкус и очень упитанной, так что мяса было много. Лейтенант ел медленно, отрезая кусочки от куропатки тонкими полосками и время от времени бросая некоторые из них волку. Когда птица была съедена, и от нее остались только кости, Данбер положил этот скелет во дворе, и Два Носка унес его куда-то в ночь.

Лейтенант сел на один из складных стульев и закурил, вслушиваясь в ночные звуки. «Удивительно, как далеко я продвинулся за такое короткое время», — подумал он. Не так давно эти же самые звуки держали его на грани истерики. Они не давали ему спать. А сейчас казались такими знакомыми, будто специально созданными для его удобства.

Он еще раз мысленно пережил события ушедшего дня и решил, что это был хороший день. Когда погас огонек второй выкуренной им сигареты, Данбер осознал, как уникально его положение — он сейчас находился во взаимоотношениях с индейцами, и только с ними. Данбер позволил себе расслабиться и откинулся на спинку стула, думая о том, что он выполнил определенную работу как представитель Соединенных Штатов Америки. И без каких-либо планов в придачу, без предписаний и приказов.

Неожиданно он подумал о Великой Войне. Вполне возможно, что он уже перестал быть представителем Соединенных Штатов. Может быть, война уже закончилась. Федеративные Штаты Америки... Он не мог представить себе подобное. Но это было возможно. Он уже долгое время не получал никакой информации.

Эти рассуждения привели его к мыслям о карьере, и сам Данбер бессловесно добавил, что думает об армии все меньше и меньше. Сейчас он находился на самом интересном месте в приключении, имеющем огромное отношение к этому недостатку информации. Сидя у затухающего костра и слушая жалобный вой койотов внизу на реке, лейтенант вдруг подумал, что мог бы начать новую, лучшую жизнь. В этой жизни ему так мало будет нужно... Киско и Два Носка не были людьми, но их ровного, благосклонного отношения к нему было вполне достаточно и некоторым образом это заменяло и даже превосходило человеческие взаимоотношения. Данбер был счастлив наедине с этими животными.

И, конечно, индейцы. Они притягивали его к себе. По крайней мере, они были отличными

соседями, с хорошими манерами, открытые и честные. И хотя лейтенант Данбер был слишком белым для того, чтобы понять их туземные обычаи, он чувствовал себя с ними уютно и вполне естественно. В индейцах была какая-то мудрость. Может быть, именно поэтому он был рад начать свою жизнь сначала. Лейтенант никогда не имел возможности быть учеником. Он всегда был исполнителем, иногда виновником чего-либо. Но он понял, что сейчас планка его возможностей поднималась.

— Да, — думал он, — так оно и есть. У них есть чему поучиться. Они знают множество полезных вещей. Если армия никогда не придет, я не думаю, что эта потеря сильно меня огорчит.

Неожиданно Данбер почувствовал себя лентяем. Зевнув, он затушил окурок, воткнув его в землю у своих ног, и потянулся, закинув руки за голову.

— Спать, — произнес он. — Я сейчас буду спать, как убитый, целую ночь.

VII

Лейтенант Данбер проснулся в тревоге ранним утром. На улице было еще темно. Его дерновая хижина пошатывалась. Земля тоже вибрировала и воздух был наполнен глухими громяющими звуками.

Данбер выпрыгнул из-под одеяла и напряженно прислушался. Грохот раздавался совсем близко, и шел со стороны реки.

Быстро натянув на себя брюки и ботинки, лейтенант выскользнул наружу. Здесь звуки были еще громче, наполняя степь громким, вибрирующим эхом.

Данбер почувствовал себя ничтожно маленьким посреди бескрайней прерии.

Звуки не приближались, и, не отдавая себе отчета, почему именно, лейтенант решил, что это не разбушевавшаяся стихия, не землетрясение и не наводнение является причиной этой необузданной энергии. Что-то живое производит эти звуки. Что-то живое заставляет дрожать землю, и он должен увидеть, что именно.

Свет от его фонаря казался тусклым, а луч узким, когда он шел на этот гул, раздающийся где-то впереди. Данбер не прошел и сотни ярдов вдоль склона, как тоненький луч света выхватил что-то из темноты. Это была пыль: огромная, вздымающаяся стена пыли поднималась в ночи.

Приближаясь к краю скалы, лейтенант замедлил шаг. Все, что он заметил сразу же, это копыта, которые издавали эти громовые звуки и пыль, поднимающаяся от передвижений животных таких огромных размеров, что Данбер не мог поверить своим собственным глазам.

Бизоны.

Одно из животных отделилось от пыльного облака. Потом другое. За ним еще одно. Лейтенант смотрел, как они проносятся мимо, и это зрелище так захватило его, что он не мог сдвинуться с места. Этот момент навеки запечатлелся в памяти лейтенанта Данбера.

В это мгновение, все так же стоя одиноко со своим фонарем, он понял, что значат бизоны в том мире, в котором он жил сейчас. Они были тем же самым, что океан для рыб, что небо значило для птиц, что значил воздух для пары человеческих легких.

Они были жизнью прерии.

Тысячи животных лились сплошным потоком, скатываясь с берега в реку и пересекая ее с такой же осторожностью, с какой поезд проезжает по луже. Потом выскакивали на противоположный берег, покрытый травой, и устремлялись в им одним известном направлении. Масса копыт, рогов и мяса неслась, пересекая ландшафт, с силой, превосходящей всякое воображение.

Данбер оставил фонарь на том месте, где стоял, и бросился бежать. Остановился он лишь раз для того, чтобы оседлать Киско, не подумав даже о том, чтобы надеть рубашку. Он вспрыгнул на спину лошади и пустил ее галопом. Пулей вылетев из Форта, лейтенант прильнул голой грудью к шее Киско, ухватился за гриву и отпустил поводья.

VIII

Деревня светилась огнями костров, когда лейтенант Данбер покинул ее накануне в состоянии депрессии. Хижины разбились в два ряда вдоль главной улицы лагеря.

Сейчас он увидел языки огромного пламени, поднимающиеся в небо, и толпу, собравшуюся около него. Он видел танцоров с головами бизонов и услышал непрекращающийся стук барабанной дроби. Ритм был глубоким и неизменным.

Данбер был захвачен этим спектаклем, открывшимся перед ним, так же, как чуть раньше его захватила скачка, во время которой он на огромной скорости покрывал милю за милей, пересекая прерию. Он не обращал внимания на пену, которой был покрыт Киско от головы до хвоста. Только одна вещь занимала сейчас его мысли, и он гнал лошадь вдоль улицы... Как будет на языке дакотов слово «бизон»? Лейтенант крутил это слово то так, то эдак, стараясь вспомнить правильное произношение.

Наконец он вспомнил и теперь громко выкрикивал это слово. Но его голос тонул в грохоте барабанного боя и звуках поющих индейцев. Они все еще не слышали, как он приближался. Достигнув места, где пылал костер, Данбер попытался остановить Киско, но разгоряченная скачкой лошадь, развившая бешенную скорость, не отреагировала на рывок поводьев.

Лейтенант влетел в самый центр, туда, где исполнялся танец, раскидав дакотов в разные стороны. Нечеловеческим усилием Данберу удалось остановить коня, так, что задняя часть туловища осела на землю, а голова и шея взмыли вверх. Передние ноги продолжали бешено дергаться в пустом пространстве, будто продолжая бег. Лейтенант не смог удержаться в седле. Он скользнул по мокрому от пота боку лошади и рухнул на землю с явственно слышным глухим стуком.

Не успел он даже пошевелиться, как с полдюжины разъяренных воинов бросились на него. Один из них, держащий в руке дубинку, мог разом окончить все, но остальные сбились в кучу, и никто не мог сделать ни одного выстрела в лейтенанта без риска ранить своих.

Они катались по земле, сцепившись в яростной борьбе в тугой ком. Данбер кричал «бизоны», уворачиваясь от толчков и ударов кулаками. Однако никто не понимал того, что он говорил, и некоторые удары уже достигли цели.

Внезапно груда тел, висящих на нем, слегка уменьшилась, и уменьшилась сила, прижимающая его к земле. Кто-то перекричал шум, и голос кричавшего был знаком Данберу.

Неожиданно на нем не осталось ни единого человека. Он лежал один на земле, глядя в полу

прищуренные глаза на большинстве лиц индейцев. Одно из лиц наклонилось над ним.

Трепыхающаяся Птица.

Лейтенант сказал: — Бизоны.

Его тело отяжелело, будто из него выпустили весь воздух, и голос перешел на шепот.

Лицо Брыкающейся Птицы склонилось еще ниже.

— Бизоны, — с трудом выговорил лейтенант.

Шаман что-то проворчал и покачал головой. Он приблизил ухо к губам Данбера. Лейтенант еще раз произнес это слово, стараясь изо всех сил выговорить его как надо:

— Бизоны.

Трепыхающаяся Птица посмотрел прямо в глаза Данберу.

— Бизоны?

— Да, — ответил лейтенант, и улыбка победителя заиграла на его лице. — Да... бизоны... бизоны...

Опустошенный, он на мгновение закрыл глаза и услышал, как глубокий голос Брыкающейся Птицы разнесся над неподвижной толпой. Он выкрикнул это же слово.

Ответом ему послужили крики радости, вырвавшиеся из горла каждого из дакотов, и следующие несколько секунд лейтенант думал, что сила этих голосов уносит его прочь. Возвращая взгляду ясность, он почувствовал, как сильные руки индейцев подняли и поставили его на ноги.

Не успел он и глазом моргнуть, как услышал крики приветствия и увидел вокруг себя светлые, радостные лица. Люди обступили его плотным кольцом.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

I

Ушли все.

Лагерь на реке опустел благодаря тому, что все население отправилось вниз по течению, образуя длинный караван.

Во всех направлениях были высланы разведчики. Основная масса воинов двигалась верхом впереди остальных. Потом шли женщины и дети, частью верхом, частью нет. Те, что шли пешком, держались сбоку от пони, запряженных в повозки, нагруженные всевозможными вещами доверху. Некоторые, совсем пожилые, ехали в повозках. Огромное стадо пони замыкало шествие.

Здесь было чему удивляться. Невероятные размеры колонны, скорость, с которой она двигалась, умопомрачительный шум, который она производила и четкая организация, которая отводила каждому его место и обеспечивала работой.

Но что лейтенант Данбер нашел наиболее экстраординарным, так это его собственное положение здесь и обращение с ним. Буквально прошлой ночью он переродился из белого солдата, разглядываемого всей деревней с подозрением или равнодушием, в человека искреннего, которого они пожелали видеть рядом с собой. Женщины теперь приветливо улыбались ему, а воины пошли так далеко, что делились с ним своими шутками. Дети, которых здесь было великое множество, постоянно искали его компании и случайно доставляли себе неприятности.

Таким отношением дакоты открыли еще одну сторону своего характера, на этот раз не такую стоическую и воинственную, какая присутствовала в прошлых встречах Данбера с ними. Сейчас это были добрые, приветливые люди, и лейтенант относился к ним точно так же.

Появление бизонов могло очистить, освежить дух дакотов. Лейтенант знал, что когда колонна вышла и начала свое движение через прерию, то это его присутствие добавляло значительно более страстное желание предпринять этот поход, и он чувствовал себя чуть возвышеннее от этих мыслей.

Задолго до того, как они достигли Форта Сэдрик, разведчики принесли известие о том, что большая полоса вытопанной множеством копыт земли была обнаружена в том месте, которое указал лейтенант. Большинство мужчин немедленно отправились в путь, чтобы определить место, которое стадо выбрало для пастбища.

Каждый разведчик взял несколько свежих верховых пони, ведя их привязанными к канату. Они должны будут скакать до тех пор, пока не обнаружат стадо, а затем вернуться назад к колонне, чтобы рассказать о его размерах и сколько до него миль. Они также должны были доложить о возможном присутствии врагов, которые могли находиться здесь, на охотничьей земле дакотов.

Когда колонна прошла, Данбер ненадолго задержался в Форте. Он зашел в хижину, в которой размещался склад, за табаком, потом взял свой револьвер и винтовку, форменный китель и порцию зерна для Киско, а через минуту лейтенант уже двигался в колонне рядом с Трепыхающейся Птицей и его помощниками.

После переправы через реку, Трепыхающаяся Птица жестом послал Данбера, а с ним двух мужчин вперед, во главу колонны. Впервые при свете дня лейтенант увидел следы ночного шествия бизонов: гигантская полоса вытопанной травы на перепаханной копытами земле с полмили шириной тянулась через прерию, похожая на какую-то необъятную, перепачканную навозом соломенную подстилку для скота.

Трепыхающаяся Птица объяснял жестами что-то, чего лейтенант не мог полностью уловить, когда два облачка пыли возникли на горизонте. Пыльные смерчи постепенно превратились во всадников. Это возвращались двое из посланных вперед разведчиков.

Держа свободных пони за поводья, они галопом подъехали прямо к окружению старого индейца по имени Десять Медведей, чтобы отчитаться.

Трепыхающаяся Птица приблизился к ним, чтобы принять участие в совещании, а Данбер, не зная, что было рассказано разведчиками, наблюдал за шаманом, надеясь уяснить что-то для себя, судя по его реакции.

Но то, что он смог увидеть, мало, чем могло помочь ему. Если бы он знал язык, он бы понял, что стадо остановилось пастись в большой долине примерно в десяти милях к югу от настоящего местонахождения колонны. В таком месте, которое легко можно будет достичь к ночи.

Разговор внезапно оживился, и лейтенант инстинктивно наклонился вперед, прислушиваясь. Разведчики делали руками длинные, простирающиеся жесты, сначала на юг, а потом на восток. Лица их слушателей, по мере продолжения разговора, становились заметно более мрачными, и после недолгих расспросов Десять Медведей провел совет со своими ближайшими советниками прямо на спинах лошадей.

Через несколько минут двое всадников отделились от группы собравшихся и галопом поскакали в том направлении, откуда приехали разведчики. Пока они удалялись, Трепыхающаяся Птица мельком взглянул на лейтенанта. Данбер уже достаточно хорошо знал шамана, чтобы понять — сейчас выражение его лица означает, что не все так хорошо, как должно было бы быть.

Позади лейтенанта внезапно раздался стук копыт. Обернувшись, он увидел дюжину воинов, выстраивающихся в линию. Их предводителем был самый свирепый индеец из всего племени.

Они остановились недалеко от группы людей, окружающих Десять Медведей, коротко посоветовались и, взяв одного из разведчиков, вместе с ним выехали в восточном направлении.

Колонна снова начала движение, и когда Трепыхающаяся Птица вернулся на свое место рядом с белым солдатом, то заметил, что в глазах лейтенанта застыл вопрос. Но шаман не мог объяснить Данберу все происходящее, это было бы плохим предзнаменованием.

Враги были обнаружены совсем рядом, по соседству. Таинственные враги из другого мира. Своими действиями они подтверждали и доказывали сами себе, что они люди без совести и без души, своенравные кровопролитчики без всякого уважения прав дакотов. Было очень важно наказать их.

Сейчас Трепыхающаяся Птица избегал вопросительного взгляда лейтенанта. Вместо этого он наблюдал за облаком пыли, поднятым отрядом под началом индейца, зовущегося Ветер В Волосах. Отряд отправился на восток. А шаман повторял слова молитвы, прося успеха в исполнении их миссии.

II

С того момента, как он увидел маленькие, отсвечивающие розовым пятнышки, появившиеся вдалеке, он уже знал, что приближается нечто ужасное, отвратительное. На этих розовых точках стали заметны черные крапинки, и когда колонна подошла ближе, он ясно различил, что эти точки двигаются. Даже воздух, стал плотнее, и Данбер расстегнул еще одну пуговицу на кителе.

Трепыхающаяся Птица намеренно вывел лейтенанта вперед. Но не наказание было в его замысле. Это, скорее, было обучение. И было лучше, если Данбер все увидит своими глазами, чем ему кто-то будет рассказывать об этом. Самый сильный удар можно ожидать спереди. И удар этот будет нанесен им обоим. Трепыхающаяся Птица, так же как и лейтенант, никогда в жизни не видел такого зрелища.

Раздражающая смесь отвращения и жалобного плача поднялась комком к горлу лейтенанта Данбера, как поднимается ртуть в термометре. И он вынужден был постоянно делать глотательные движения, чтобы удержать ее и не дать выплеснуться наружу в то время, когда он и Трепыхающаяся Птица вводили колонну в центр этой смертоносной земли.

Он насчитал двадцать семь бизонов. Не в состоянии сосчитать точно, он заметил, что над каждой тушей кружится по крайней мере столько же воронов. Головы некоторых бизонов были

полностью покрыты атакующими черными птицами, которые кричали, били крыльями и клевали друг друга, борясь за бизоньи глазные яблоки. Над теми, чьи глаза уже были выклеваны, роилось еще больше воронья, и птицы, перескакивая взад и вперед по туше, кричали и привлекали внимание остальных, как будто хвастаясь своим обильным пиршеством.

Со всех сторон начали собираться волки. Когда колонна проходила недалеко от них, звери припадали на задние и передние лапы, пригибали плечи, а иногда крадучись опускались на живот и продолжали двигаться ползком.

Здесь было более чем достаточно пищи для каждого волка и для каждой птицы на расстоянии протяженностью в милю. Лейтенант приблизительно подсчитал, и у него получилась цифра в пятнадцать тысяч. Пятнадцать тысяч истребленных тел разлагались под горячим полуденным солнцем.

«Все это оставлено гнить», — думал Данбер, полагая, что это могли сделать какие-то заклятые враги его индейских друзей в качестве жуткого предупреждения.

Двадцать семь шкур были содраны от шеи до крупа, и когда лейтенант проходил в фуге от особенно крупных животных, он видел, что в их открытых ртах нет языков. Другие тоже были лишены этой части тела. И это все. Больше ничего не было тронут.

Лейтенант Данбер внезапно подумал о мертвецке на улице. Как и эти бизоны, он лежал на боку. Пуля, попавшая ему в голову, снесла добрую половину лица, выйдя через челюсть.

Сам он был тогда просто Джоном Данбером, четырнадцатилетним мальчиком. В последующие годы он видел множество мертвых людей: у некоторых полностью отсутствовали лица. Видел людей, чьи мозги растеклись по земле как пролившееся варенье. Но первый убитый мужчина запомнился ему лучше других. Главным образом из-за пальцев.

Данбер стоял прямо за констеблем, когда обнаружилось, что на руке трупа отсутствуют два пальца. Они были отрезаны. Полицейский осмотрелся вокруг и ни к кому не обращаясь, произнес: «Этот парень был убит из-за своих колец».

А сейчас эти бизоны лежали мертвыми на земле и их внутренности были раскиданы по прерии только потому, что кому-то понадобились их языки и шкуры. Это подтолкнуло Данбера к мысли, что здесь было совершенно преступление.

Когда он увидел еще не рожденного, а всего лишь наполовину оставившего чрево матери теленка, слово, которое он впервые услышал в тот вечер на улице, всплыло в его голове как ярко светящийся символ.

Мародеры.

Лейтенант взглянул на Брыкающуюся Птицу. Шаман не отрываясь смотрел на так и не родившегося теленка, на его спокойную, вытянутую мордочку.

Данбер отвернулся от этого страшного зрелища и посмотрел назад, вдоль колонны. Люди в полной тишине прокладывали себе путь среди этой резни. Голодные, несколько недель питавшиеся одними только остатками, они держались твердо. Ни один из них не остановился, чтобы помочь самому или самой себе и прикоснуться хоть пальцем к наслаждению, в изобилии разбросанному вокруг. Голоса, такие громкие и хриплые все утро, сейчас затихли. В их глазах появилась меланхолия, которая была вызвана случившимся. Хорошо начавшееся путешествие неожиданно обернулось для них неприятной стороной.

Лошади уже отбрасывали гигантские тени к тому времени, когда колонна достигла охотничьих земель. Пока женщины и дети занимались работой по устройству лагеря с подветренной стороны холма, большая часть мужчин поскакала вперед, на поиски стада. Они хотели найти бизонов до того, как наступит ночь.

Лейтенант Данбер отправился вместе с ними.

Примерно в миле от места нового лагеря они наткнулись на троих разведчиков, раскинувших свой собственный маленький бивак в сотне ярдов от гребня холма.

Оставив лошадей внизу, шестнадцать воинов-дакотов и один белый мужчина тихо начали подниматься вверх по западному склону. Приблизившись к гребню, они легли на землю и последние несколько ярдов преодолели ползком.

Лейтенант выжидающе посмотрел на Брыкающуюся Птицу и встретился с его легкой улыбкой. Шаман кивком головы указал вперед и приложил палец к губам. Данбер понял, что они пришли.

В нескольких футах перед ним земля заканчивалась, и начиналось небо. И тогда Данбер осознал, что они добрались до хребта и преодолели его. Переменчивый ветер степей ударил лейтенанта в лицо, когда он, поднял голову, всматривался в низину, лежащую в ста футах под ним.

Это была великолепная долина, четыре или пять миль в ширину и по крайней мере десять миль в длину. Она вся была покрыта буйной растительностью, и здесь можно было увидеть самое богатое разнообразие трав.

Но Данбер едва обратил внимание на это многоцветие и даже на саму долину, ее размеры и великолепие. Даже небо, слегка затянутое облаками, и блестящее солнце, с его сверхъестественными сияющими лучами не могли сравниться с огромным, живым ковром, который покрывал собой всю низину. Это были бизоны.

Огромное количество живых существ как единое целое занимало все пространство, и это вскружило голову лейтенанту Данберу. Пятьдесят? Семьдесят? Сто тысяч? Могло здесь быть больше? Мозг Данбера отказывался воспринимать это.

Охваченный благоговейным страхом, он не вскрикнул, не подпрыгнул от удивления и даже не прошептал ни слова. Созерцание такого зрелища объясняло все. Казалось, он даже приостановил дыхание. Данбер не чувствовал, что маленькие острые камешки, на которых он лежал, вонзились в его тело. Голубая оса опустила ему на отвисшую челюсть, но лейтенант даже не смахнул ее. Все, что он мог сейчас — это не мигая смотреть на колышущееся покрывало внизу.

Он наблюдал за чудом.

Лишь только когда Трепыхающаяся Птица хлопнул его по плечу, Данбер осознал, что все время его рот был раскрыт. В горле пересохло от ветра.

Он тупо поднял голову и обернулся.

Индейцы уже направились вниз по склону.

Они скакали в темноте около получаса, когда далекими точками показались костры. Их странные отблески были похожи на сон.

— Дом, — подумал Данбер. — Это дом.

Как это могло быть? Временный лагерь, где горели костры, находился на большом расстоянии, и в нем жили люди — две сотни дикарей, чья кожа так отличалась от его, чей язык состоял из запутанного ворчания и гортанных выкриков, чья вера все еще была загадочной и наверняка такой и останется.

Но сегодня Данбер очень устал. Этим вечером лагерь индейцев обещал ему уют родного дома. Это был дом, и лейтенант был рад его видеть.

Его спутники — группа полубнаженных мужчин, с которыми он проделал это путешествие, тоже радовались приближению к дому. И даже пони почуяли запах жилища. Они шли теперь с высоко поднятыми мордами, чутко принюхиваясь к дыму костров, доносившемуся до их ноздрей, и пытались перейти в галоп.

Данберу хотелось бы, чтобы Трепыхающаяся Птица находился сейчас рядом с ним. Шаман умел многое сказать одним только взглядом. И сейчас, в темноте, двигаясь с группой хорошо знакомых, но диких людей, этих жителей прерии, и приближаясь к их лагерю, лейтенант почувствовал беспомощность без многоговорящих глаз Брыкающейся Птицы.

Не дойдя полмили до лагеря, Данбер услышал голоса и бой барабанов. Эти звуки расстроили ряды его спутников, их лошади вдруг рванулись вперед. Они сбились в тесную кучу и поскакали так, что с минуту лейтенант Данбер чувствовал себя частью этого сгустка энергии, этой волны людей и лошадей, которому никто и ничто не могло противостоять.

Индейцы неслись с гиканьем, издавая резкими и пронзительными голосами звуки, похожие на лай койотов, и Данбер, всеобщим возбуждением, тоже издал несколько лающих криков.

Он различил языки пламени и силуэты людей, спящих по лагерю. Они ждали возвращения всадников и, завидев их, некоторые бросились из лагеря им навстречу.

У лейтенанта возникло странное ощущение, которое заставило его почувствовать какое-то необычное волнение. Что-то из ряда вон выходящее произошло за время их отсутствия. Его глаза широко раскрылись, когда он подъехал ближе. Данбер попытался найти ключ к разгадке, который подсказал бы ему, что не так в лагере.

И тут он увидел фургон, стоящий у самого огромного костра, выглядевший здесь так неуместно, словно смешная повозка, плавающая на поверхности моря.

В лагере были белые люди.

Данбер резко осадил Киско, предоставив остальным всадникам возможность двигаться дальше, в то время как он сам хотел собраться с мыслями.

Фургон для него был грубой, безобразной вещью. Пока Киско нервно танцевал под ним, лейтенант был напуган собственными мыслями. Когда он представил голоса людей, которые пришли с этим фургоном, то не захотел их слышать. Он не желал видеть белые лица, которые, возможно, стремились увидеть его. Он не хотел отвечать на их вопросы. И не хотел услышать

те новости, которые пропустил, находясь в прерии.

Но лейтенант знал, что у него нет выбора. Ему больше некуда было пойти. Он чуть отпустил поводья Киско, и тот медленно двинулся вперед.

Данбер приостановил лошадь, когда находился всего в пятидесяти ярдах от костра. Индейцы танцевали от радости, которая была через край, когда мужчины, нашедшие стадо, спрыгнули со своих лошадей. Лейтенант подождал, пока уведут всех пони, а затем внимательно рассмотрел лица, находившиеся в поле его зрения.

Он не увидел ни одного бледнолицего.

Они с Киско подъехали ближе и снова остановились. И вновь Данбер внимательно окинул взглядом лагерь.

Белых здесь не было.

Лейтенант заметил «Горячего» и людей из его маленького отряда, которых он оставил этим вечером. Они, казалось, находились в центре внимания. Это было гораздо больше, чем просто приветствие. Это скорее напоминало праздник. Индейцы передвигались, исполняя танец и размахивая тонкими палками взад и вперед. Танцоры пронзительно кричали. И все население деревни, которое собралось посмотреть на них, тоже издавало пронзительные звуки.

Лейтенант и Киско подошли еще ближе, и Данбер сразу заметил, что он ошибся. В руках танцоры держали не просто палки, а пики. Одна из них вернулась к индейцу, который был главным в отряде — к Волосам, Трепещущим На Ветру. Данбер увидел, как тот поднял пикку высоко в воздух. Он не улыбался, хотя с уверенностью можно сказать, что он счастлив. Когда Ветер В Волосах издал протяжный, вибрирующий вопль, Данбер вдруг заметил пучок волос, болтающийся рядом с острием пики.

В этот момент лейтенант понял, что это скальп. Свежий скальп. Волосы были черными и курчавыми.

Взгляд Данбера перекинулся на другие пики. Еще две из них имели такое же украшение: один был светло-коричневый, а другой — русский. Данбер быстро перевел взгляд на фургон и увидел то, чего не заметил раньше. Груда бизоньих шкур была перекинута через опоры повозки.

Внезапно все стало ясно, как божий день.

Шкуры принадлежали тем растерзанным бизонам, а скальпы — людям, которые убили их, людям, которые были живы еще этим вечером. Белым людям. Лейтенант оцепенел от смущения. Он не мог принять участия в этом празднике, даже не мог смотреть на него. Он вынужден был уйти.

Когда Данбер уже разворачивал Киско, его взгляд случайно встретился с глазами Брыкающейся Птицы. Шаман широко улыбался, но когда увидел в тени между кострами Данбера, его улыбка погасла. А затем, будто желая облегчить лейтенанту его замешательство, индеец повернулся к нему спиной.

Данберу хотелось верить, что сердце Брыкающейся Птицы все еще с ним, что непостижимым образом индеец знал о его смущении. Но сейчас лейтенант не мог ни о чем думать. Ему нужно было просто уйти куда-нибудь.

Пройдя по окраине лагеря, он взял свои вещи в самом дальнем конце деревни и пошел в прерию вместе с Киско. Он шел так долго, что огни костров растворились в ночи, исчезнув из вида. Данбер расстелил на земле свой тюфяк и лег на него, уставившись в звездное небо. Он старался убедить себя в том, что люди, которые были убиты — плохие люди, и заслуживали смерти. Но это было нехорошо. Он не мог знать наверняка, но если бы даже и знал... Да, об этом и нечего говорить. Лейтенант хотел верить, что Ветер В Волосах и Трепыхающаяся Птица, а вместе с ними и все остальные, принимавшие участие в убийстве, не были слишком уж счастливы от того, что сделали. Но однако они радовались. И не возникало никакого сомнения в том, что они были счастливы.

Больше чего-либо другого Данбер желал верить, что сейчас он находится не здесь. Ему хотелось верить, что он парит в небе, поднимаясь к звездам. Но это было не так.

Данбер услышал, как Киско с тяжелым вздохом улегся в траву, потом все стихло, и лейтенант снова сосредоточился на своих мыслях. Все-таки он был удачлив. Он не принадлежал к индейцам, как и не принадлежал и к белым. И для него еще не наступило время принадлежать звездам. Сейчас он находился там, где находился. Он принадлежал ничему.

Рыдания подкатили к горлу. Данбер пытался сдержать их, но они помимо воли поднимались все выше к глотке и перехватывали дыхание. Так продолжалось совсем недолго, пока лейтенант не осознал, что заглушать их сейчас не имеет смысла.

V

Что-то коснулось его. Когда он очнулся, то подумал, что этот легкий толчок в спину ощутил во сне. Одеяло было тяжелым от пропитавшей его росы. Должно быть, Данбер натянул его на голову ночью.

Он приподнял край одеяла и выглянул. Снаружи его встретило туманное утро. Киско стоял в траве в нескольких футах спереди и его уши были чутко настроены.

Легкий толчок повторился снова. Кто-то тихо хлопнул Данбера по спине. Лейтенант откинул одеяло и посмотрел прямо в лицо мужчины, стоящего над ним.

Это был Ветер В Волосах. Его суровое лицо было окрашено охрой — краской светло-коричневого цвета, которая покрывала полосами его скулы и лоб. Сверкающая новая винтовка была перекинута через плечо воина. Он неспешно начал снимать ее, и лейтенант затаил дыхание. Это могло быть как раз его время. Время умереть. Он представил свои волосы, болтающиеся на острейшие пики.

Но индеец поднял винтовку чуть выше и улыбнулся. Он ткнул носком своих мокасин прямо в бок лейтенанта и сказал несколько слов на своем языке. Лейтенант Данбер все еще лежал, когда воин опустил винтовку дулом вниз, показывая тем самым, что он всего лишь играет. Затем индеец положил в рот воображаемый кусок пищи и, как один друг устраивает другому шутовскую встряску, снова несильно пнул Данбера в ребра.

VI

Они двигались с подветренной стороны. Каждый из них был сильным, крепким мужчиной в отряде. Они ехали, образуя большую, выгнутую в форме рога линию. Этот полумесяц растянулся на полмили. Люди двигались осторожно, заботясь о том, чтобы не спугнуть бизонов до того самого последнего момента, когда пора будет скакать во весь опор.

Как новичок среди экспертов, лейтенант Данбер был погружен в учебу, стараясь сложить вместе кусочки стратегии охоты по мере того, как она разворачивалась. Со своего места, которое находилось в центре дуги, он мог видеть, как отряд старался своим маневром отсечь маленькую часть этого гигантского стада. Всадники, составляющие правый край движущегося полумесяца, успешно подобрались к небольшой группе животных, в то время как центральная часть подкралась с тыла. Слева от Данбера охотники замкнули линию.

Капкан захлопнулся.

Данбер оказался достаточно близко, чтобы различать беспорядочные крики телят, мычание их матерей и случайное фырканье одного из массивных бизонов-самцов. Несколько тысяч животных находились прямо перед ним.

Лейтенант взглянул направо. Первым, кого он увидел, был Ветер В Волосах. Он был весь внимание, глядя на стадо. Он, казалось, забыл о лошади, несущей его, и о винтовке, которую сжимала его рука. Его глубоко посаженные глаза были сразу везде: он одновременно видел охотников, добычу и сокращающуюся полосу земли между ними. Если бы воздух был видимым, он заметил бы и его, заметил бы перемещение каждой частицы. Индеец был похож на человека, слушающего, как тикают некие невидимые часы.

Даже лейтенант Данбер, неискушенный в вещах такого рода, почувствовал нарастающее возбуждение. Воздух будто замер. Ничего не доносилось до ушей лейтенанта, ни единого звука. Он больше не слышал стука копыт пони охотников. Даже стадо впереди него вдруг стало безмолвным. Смерть опустилась на прерию, как черная грозовая туча.

Когда Данбер оказался всего в сотне ярдов от горстки животных, лохматые звери все как один повернулись к нему. Они подняли свои громадные головы, почуяв запах смерти, исходящий от того, что слышали их уши, но что слабые глаза все еще не могли различить. И хвосты задвигались, крутятся и стучаюсь о ягодицы, как маленькие флажки. Самый крупный из них ударил копытом в землю, замотал головой и грубовато фыркнул, реагируя на вторжение приближающихся всадников.

И тут Данбер понял, что для каждого охотника убийство, которое может иметь место, не является заранее принятым решением. Что это не будет той охотой, когда затаиваются и выжидают, и чтобы добиться смерти этих животных, каждый индеец собирался выбрать своего, которого он сам должен будет убить.

Суматоха поднялась вдоль правого фланга до самого окончания дуги. Охотники нанесли удар.

С поразительной скоростью этот первый удар вызвал цепную реакцию, которая настигла и Данбера.

Бизоны, которые были повернуты мордами к нему, развернулись и побежали. В этот момент пони каждого индейцы рванулся вперед. Все произошло так неожиданно, что Киско почти выскочил из-под лейтенанта. Данбер обернулся, пытаясь ухватить шляпу, которая слетела с него во время рывка, но та проскользнула между пальцев. Теперь это было неважно. Сейчас уже было невозможно остановить лошадь, даже если бы лейтенант напряг все свои силы. Маленькая «оленья шкурка» несея вперед, взрывая копытами землю, как будто языки пламени лизали ему пятки. Как будто его жизнь зависела от быстроты его бега.

Данбер посмотрел на шеренги всадников справа и слева от себя и был напуган тем, что никого не увидел. Он бросил взгляд через плечо и наконец заметил их, прямо сидящих на своих напрягшихся пони. Лошадки бежали быстро, как только могли, но по сравнению с Киско — это

были бездельники, беспомощно старающиеся удержать взятый темп. Они замедляли ход с каждой секундой, и неожиданно лейтенант оказался один. Он находился между преследующими охотниками и спасающимися бегством бизонами. Лейтенант натянул поводья, но гнедой если даже и почувствовал это, то не обратил никакого внимания. Его шея была упрямо вытянута вперед, уши прижаты к голове, а ноздри широко раздуты, жадно ловя ветер, который подгонял все ближе к стаду.

У Данбера не оставалось время на раздумья. Под его ногами пролетала прерия, небо кружилось над головой, а между небом и землей, раскинувшись широкой полосой прямо перед ним, была стена панически бегущих бизонов.

Лейтенант уже был так близко от них, что видел задние части их тел. Он мог различить копыта на их ногах. Через несколько секунд он будет так близко, что сможет дотронуться до них.

На Данбера нахлынули воспоминания ужасного ночного кошмара: мужчина в маленькой открытой лодчонке, беспомощно плывущей навстречу краю пропасти. Лейтенант не закричал. Он не произнес молитву и не перекрестился. Но он закрыл глаза. Лица его отца и матери возникли перед ним. Они делали нечто такое, чего он никогда не видел. Его родители страстно целовались. Вокруг них раздавались звуки выстрелов, звуки тысячи больших барабанов, чьи раскатистые удары заглушали все остальное. Лейтенант открыл глаза и обнаружил, что вокруг него, как в сказке, расстилается изумительный ландшафт: долина, заполненная гигантскими коричневыми и черными валунами, мчащимися в едином направлении.

Они с Киско неслись вместе со стадом.

Ужасный грохот десятков тысяч копыт создавал странную тишину потопа, и несколько минут Данбер безмятежно несся в общем потоке в сумасшедшей тишине бегства.

Лейтенант вцепился в Киско и огляделся поверх массивного, движущегося ковра, частью которого он теперь был. Он представил, что если бы хотел, смог бы соскользнуть со спины лошади и сделал бы это, не касаясь земли, перескакивая с одного крупа на другой, как делают мальчишки, перескакивая по валунам через речку.

Винтовка заскользила, почти выпав из его потной руки, и как только это произошло, бизон, бежавший слева всего в футах-двух от Киско, резко изменил направление. Нагнув свою мохнатую голову, он попытался боднуть пони. Но гнедой был слишком проворен. Лошадь отпрыгнула в сторону, и рог только слегка задел шею. Это движение чуть не выбило Данбера из седла. Он мог упасть и это неминуемо могло бы закончиться его смертью. Но бизоны бежали вокруг него такой плотной массой, что он оттолкнулся от их спин и таким образом выровнялся в седле.

Запаниковав, лейтенант опустил дуло ружья и выстрелил в быка, который пытался боднуть Киско. Это был плохой выстрел, однако пуля задела одну из передних ног зверя. Его колени подогнулись и Данбер услышал, как хрустнули шейные позвонки огромного животного, когда бизон, сделав сальто, грузно опустился на землю.

Неожиданно место вокруг лейтенанта очистилось. Бизоны бросились врассыпную, едва заслышав грохот ружейного выстрела. Он натянул поводья Киско, и животное ответило послушанием. Оно моментально остановилось. Грохочущее копытами стадо удалялось.

Наблюдая за тем, как стадо уносится вдаль, лейтенант заметил, что остальные охотники уже почти догнали его. Вид полубоженных людей на спинах пони, мчащихся вместе с животными, как поплавки, качающиеся на поверхности моря, на несколько минут задержал

внимание Данбера. Он видел, как изгибались луки индейцев и как облачка пыли являлись одно за другим в тех местах, где падали бизоны.

Данбер недолго постоял, наблюдая. Он отвернулся. Ему не терпелось посмотреть на свою жертву собственными глазами. Он хотел убедиться в том, что казалось ему слишком фантастичным, чтобы быть правдой.

Все происшедшее заняло не больше времени, чем требовалось обычно лейтенанту для того, чтобы побриться.

VII

Это было крупное животное, но сейчас, когда оно лежало одиноко в невысокой граве, приняв смерть, оно казалось еще громаднее.

Как посетитель выставки, лейтенант Данбер медленно обошел вокруг лежащей туши. Он задержался у страшной головы бизона, обхватил один из рогов рукой и потянул за него. Голова была очень тяжелой. Тогда лейтенант провел рукой по шкуре, покрывающей тело: по мохнатому, жесткому как солома горбу, вниз по покато́й спине, а потом по густой шерсти вдоль огузка. Он подержался за короткий пучок хвоста, зажав его между пальцами. По сравнению с размерами всего животного тот казался до смешного маленьким. Пройдя обратно по своим же следам, лейтенант присел на корточки перед мордой зверя и зажал в пальцах длинную черную бороду, свисающую с подбородка животного. Она напоминала козлиную бородку, и Данберу пришла в голову мысль, что, возможно, этот парень занимал высокое положение в своем стаде.

Данбер встал и отошел на шаг или два, не отводя взгляда от мертвого бизона. Как могло всего лишь одно из этих замечательных животных внушать чувство такого благоговейного страха? А их были тысячи...

— Может быть, даже миллионы... — подумал Данбер.

Он не почувствовал гордости за то, что сумел отнять жизнь у бизона, но и угрызения совести не мучили его. Вдалеке от строгих условностей, от цивилизованного мира его не волновали эмоции. Он чувствовал нечто более земное, более близкое к физиологии. Его желудок свело, и он постоянно слышал голодное урчание. Рот начал наполняться слюной. Несколько дней его пища была слишком скудной, и сейчас, глядя вниз на распростертый у его ног кусок мяса, Данбер почувствовал острый голод.

Прошло немногим более десяти минут с того момента, как началась эта яростная атака, и вот уже охота закончилась. Оставив павших позади, стадо исчезло. Охотники держались поблизости от своих жертв, ожидая, пока женщины, дети и пожилые жители деревни, которые не могли принять участие в самой охоте придут и принесут с собой инструмент для разделки бизоньих туш. Их возбужденные голоса раздавались громко по всему полю битвы, и Данбер был поражен пришедшей ему в голову идеей — намечалось что-то похожее на фестиваль.

Неожиданно к нему подскакал Ветер В Волосах с двумя закадычными друзьями. Воодушевленный успехом, он широко улыбался, спрыгивая со своего отяжелевшего на шаг пони. Лейтенант заметил ужасную глубокую рану на боку животного как раз под коленом воина.

Но Ветер В Волосах этого не замечал. Он продолжал величественно сиять, соскакивая с лошади, а потом сильно ударил Данбера по спине. Этот удар означал его величайшее

одобрение, но такое выражение радости чуть не свалило Данбера с ног.

Смеясь от чистого сердца, Ветер В Волосах толкнул ошеломленного лейтенанта еще раз, и тот упал на колени. Индеец вложил в руку Данбера остро отточенный узкий нож и что-то сказал на языке дакотов, указав на убитого бизона.

Данбер с глупым видом стоял на коленях, с недоумением глядя на нож в своей руке. Он беспомощно улыбнулся и покачал головой. Лейтенант не знал, что делать.

Ветер В Волосах обронил несколько слов в сторону, которые вызвали смех у его друзей. Потом потрепал Данбера по плечу и забрал у него нож. Индеец опустился на одно колено у брюха бизона, убитого Данбером.

С апломбом, как это делают заправские мясники, он вонзил тонкое лезвие глубоко в грудную клетку животного и, действуя обеими руками, провел ножом до самого паха, вскрывая бизону живот. Когда кишки вывалились наружу, Ветер В Волосах запустил одну руку внутрь туши, нащупывая там что-то, как человек, шарящий в темноте.

Он нашел то, что искал. Ухватившись за это, он дернул и вытащил к своим ногам печень таких огромных размеров, что она едва могла поместиться в обеих руках. С уже известным белому солдату поклоном он преподнес этот приз онемевшему от изумления лейтенанту.

В высшей степени осторожный, Данбер принял дымящийся орган, но у него так и не возникло идеи, что он должен делать. И тогда, ответив на поклон индейца своим обычным кивком, полным доверия, он насколько мог вежливо вложил печень обратно в руки воина.

При иных обстоятельствах Ветер В Волосах мог воспринять этот поступок как оскорбление, но он вспомнил, что «Джан» был белым и невежественным. Тогда индеец сделал еще один жест, поднеся теплую печень к своему рту, а затем оторвал зубами существенный кусок.

Лейтенант Данбер скептически наблюдал, как воин передавал печень своим друзьям. Те тоже отгрызли по куску сырого мяса. Они ели его с жадностью, как будто это был свежий яблочный пирог. К этому времени небольшая толпа уже собралась вокруг бизона. Кто был верхом, а кто пеший. Трепыхающаяся Птица тоже был здесь, и Стоящая С Кулаком также оказалась среди присутствующих. Она и другие женщины уже начали сдирать шкуру с мертвого животного.

Ветер В Волосах еще раз предложил полусъеденный ломоть мяса, и Данбер снова взял его. Он в замешательстве держал печень, пока его глаза обежали толпу. Он искал какой-нибудь жест или взгляд, который позволил бы ему выпутаться из этого щекотливого положения.

Лейтенант так и не дождался помощи. Все молча наблюдали за ним, терпеливо ожидая. И Данбер понял, что будет глупо пытаться еще раз вернуть назад мясо. Даже Трепыхающаяся Птица стоял и ждал, глядя на него.

Поднимая печень к губам, Данбер убеждал себя, что все это не так уж трудно. Что это причинит ему не больше неприятностей, чем если бы он проглотил целую столовую ложку того, чего он ненавидел. Например, кислые бобы.

Надеясь, что его не вырвет, Данбер вонзил зубы в парную мякоть.

Несомненно, мясо было нежным. Оно таяло во рту. Лейтенант не отрывал взгляда от горизонта, прожевывая откушенное, и на какое-то мгновение Данбер забыл о молчаливой аудитории. Его вкусовые ощущения посылали удивительные сообщения мозгу.

Мясо было великолепным.

Не раздумывая более, он откусил еще раз. Неожиданно улыбка преобразила его лицо и он с триумфом поднял над головой то, что осталось от печени.

Охотники ответили на его жест дружным диким приветствием.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

I

Как и многие из людей, лейтенант Данбер проводил большую часть своей жизни в стороне от событий, чаще бывая наблюдателем. Когда же он принимал в чем-то участие, его действия были вполне независимы. К примеру, он знал, как вести себя на войне, потому что имел определенный опыт.

Но эти планы уже давно расстроились, и теперь мысли о войне были спрятаны глубоко в сердце Данбера.

В течение его жизни что-то изменилось, когда он с энтузиазмом поднял вверх этот кусок печени — символ своего поверженного противника. И услышал крики поощрения от своих приятелей. Тогда лейтенант почувствовал удовлетворение от того, что принадлежит чему-то, чье целое было больше, чем любая из частей. Это было чувство, которое шло из глубины его души и давало начало всему. В дни, проведенные на равнине во время охоты, и в ночи, проведенные во временном лагере — чувство это уверенно росло и крепло. Армия неустанно требовала достойного служения каждого во имя бога или страны, или того и другого вместе. Лейтенант сделал все от него зависящее, чтобы усвоить эти принципы, но чувство долга перед занимало больше места в его сознании, нежели в сердце. Данбер никогда не опускался до пустой риторики патриотизма.

Дакоты были другими.

Они были примитивными людьми. Они жили в большом, уединенном живом мире, который люди их племени считали ничем большим, как сотни никчемных миль кочевого пути.

Но обстоятельства их жизни не имели для лейтенанта большого значения. Это была группа людей, живущая и процветающая благодаря служению. Они служили сами по себе. Служили, когда контролировали хрупкие судьбы своих жизней. Их существование неизменно было честно, без жалоб отдано на волю простого, красивого духа их веры, самой их жизни. Лейтенант Данбер неожиданно для себя обнаружил, что нашел то, что ему нравилось.

Он еще ничего не решил окончательно. Он не думал о том, чтобы стать индейцем. Но он знал, что сколько он пробудет среди них, столько времени он сможет служить одному с ними Богу — Великому Духу.

Это откровение сделало его счастливейшим из людей.

II

Разделка бизонов была колоссальным событием.

Всего было, по крайней мере, семьдесят убитых животных, разбросанных как капли шоколада по большому земляному полу. У каждой туши возилось по одной семье. Они разложили все

свои приспособления и работали с поразительной скоростью и четкостью, превращая животных в полезные продукты.

Лейтенант не мог поверить, что возможно такое количество крови. Она растекалась по земле, как сок, пролитый на скатерть. Ею были покрыты руки и лица, а также одежда работающих. Кровь капал с пони и носильщиков, которые перетаскивали освежеванные туши к лагерю.

Они брали все: шкуры, мясо, внутренности, копыта, хвосты, головы... Через несколько часов работа была закончена. После нее прерия напоминала гигантский, недавно оставленный гостями банкетный стол.

Данбер провел эти часы, развалясь в стороне вместе с другими воинами. У всех было хорошее настроение. Всего двое из деревни были огорчены, но оба не сильно. Старый пони одного из них подвернул переднюю ногу, но это была небольшая потеря по сравнению с успехом, которого добились охотники.

Мужчины были в восторге, и это было написано на их лицах, когда они весь вечер разговаривали, покуривая свои трубки за едой, и обменивались всякими историями. Данбер не понимал слов, но истории были достаточно просты для того, чтобы можно было ухватить самую суть. Индейцы рассказывали о том, как каждый из них побывал на волосок от смерти, о сломанные луках и о тех, кого они потеряли.

Когда лейтенанта попросили рассказать свою историю, он сопроводил повествование о приключениях такой мимикой, таким театральным исполнением, что довел слушателей до сумасшедшего смеха. Это стало главным событием вечера, и ему пришлось повторить свой рассказ не менее полудюжины раз. С каждым разом результат был все таким же. К тому моменту, когда Данбер доходил до середины, его слушатели вынуждены были сдерживаться, пытаясь остановить боль от неудержимого смеха.

Лейтенант не имел ничего против. Он тоже смеялся. И не придавал значения тому, какую роль сыграла удача в его поступках, потому что знал, что они были стоящими. И еще Данбер знал, что из-за них ему открылось нечто удивительное.

Он стал одним из молодых воинов.

III

Первое, что он заметил по возвращении в лагерь в этот вечер — свою форменную фуражку. Она оседлала голову мужчины среднего возраста, которого Данбер не знал.

Возникла напряженная ситуация, когда лейтенант подошел к этому человеку и, указав на армейский головной убор, который довольно плохо подходил индейцу, безапелляционно заявил:

— Это мое.

Воин странно посмотрел на Данбера и снял фуражку. Потом, повертев ее немного в руках, водрузил обратно на свою голову. После этих манипуляций индеец вынул из-за пояса нож, протянул его лейтенанту и, не сказав ни слова, пошел своей дорогой.

Данбер наблюдал за ним до тех пор, пока фуражка, нахлобученная на макушку чудака, не исчезла из вида. Лейтенант уставился на нож, который держал в руке. Ножны были похожи на настоящее сокровище и Данбер, отправляясь на поиски Брыкающейся Птицы, думал о том что

в этой сделке ему досталась лучшая часть.

Он свободно передвигался по лагерю, и везде, где он проходил, его тепло приветствовали.

Мужчины узнавая кивали, женщины улыбались ему, а дети с криками неслись вдогонку. Все племя находилось в исступлении от перспективы большого праздника, и присутствие лейтенанта добавляло радости. Без объявления и без всеобщего сбора люди стали думать о нем, как о существе, которое обладало счастливыми даром обаяния и удачи.

Трепыхающаяся Птица привел Данбера в вигвам, где обитал Десять Медведей. Там должна была состояться небольшая церемония благодарности. Старый индеец был все еще заметно силен, и горб убитого им бизона сейчас первым жарился над огнем. Когда мясо было готово, Десять Медведей лично отрезал кусок, сказал несколько слов Великому Духу, а затем чествовал лейтенанта вручением ему первого куска.

Данбер отвесил свой обычный вежливый полупоклон-полукивок, откусил от протянутого ему ломтя небольшой кусочек и вернул мясо старому вождю. Этот жест произвел сильное впечатление на Десять Медведей. Он разжег свою трубку и снова оказал Данберу честь, предложив ему первому сделать затяжку.

Курение перед хижиной Десяти Медведей началось с наступлением ночи. Перед каждым из вигвамов был разведен костер, и на каждом костре жарилось свежее мясо: торбы, грудинки и большие куски отборной вырезки.

Светящийся в темноте, как маленький городок, временный лагерь сиял огнями до поздней ночи, и дым от костров поднимался в темное небо с ароматом, который можно было почуять за несколько миль от деревни.

Люди наедались так, как будто завтрашнего дня для них не существовало. Когда кусок уже не лез в горло, они делали короткий перерыв, собираясь в небольшие группы, чтобы празднично поболтать и поиграть в какие-нибудь игры. Но как только они чувствовали, что недавно съеденное улеглось, дакоты возвращались к кострам и снова жадно набивали желудки.

До того, как ночь стала близиться к рассвету, лейтенант Данбер почувствовал себя так, словно один съел целого бизона. Он и Ветер В Волосах обходили лагерь, и у каждого костра эту пару встречали по-королевски.

Они собирались отправиться к следующей группе пирующих, когда лейтенант задержался в тени позади одной из хижин и знаками объяснил своему спутнику, что у него уже болит живот и он хочет спать.

Но Ветер В Волосах не очень внимательно слушал Данбера в этот момент. Его внимание было сконцентрировано на кителе лейтенанта. Данбер посмотрел на свою грудь, где рядами блестели пуговицы, затем перевел взгляд на лицо своего спутника. Глаза воина почти остекленели, когда он вытянул вперед руку и пальцем дотронулся до пустой петельки.

— Ты хочешь это? — спросил лейтенант, и звук его голоса вывел индейца из состояния задумчивости. Глаза воина обрели свое нормальное выражение.

Ветер В Волосах ничего не сказал. Он осматривал свой палец, чтобы убедиться, что с ним ничего не случилось.

— Если хочешь, — сказал лейтенант, — можешь получить китель. Он расстегнул пуговицы,

снял китель и передал его воину.

Индеец понял, что Данбер предлагает ему свою одежду, но сразу ее не взял. Вместо этого он начал расстегивать свое великолепное нагрудное украшение из сверкающих белизной полых костей, которое свешивалось с его шеи на грудь. Оно было вручено Данберу в тот момент, когда другая рука индейца взялась за китель.

Лейтенант помог товарищу с пуговицами, и когда китель был надет как положено, Данбер заметил, что Ветер В Волосах был возбужден, как ребенок в Рождество.

Лейтенант хотел вернуть украшение, но встретил отказ. Ветер В Волосах, затряс головой и замахал руками. Он жестом предложил белому солдату надеть это на себя.

— Я не могу взять это... — запинаясь от волнения, произнес Данбер. — Это не... Это не честная сделка... Ты понимаешь?

Но Ветер В Волосах и слышать ни о чем не хотел. Для него это было более чем справедливо. Конечно, украшение имело свою ценность и отняло определенное время, потребовавшееся на его изготовление. Но китель был намного лучше.

Индеец развернул Данбера кругом, повесил свою бывшую собственность ему на грудь и, повернув лейтенанта лицом к себе, тщательно расправил украшение.

Таким образом, обмен, в результате которого оба остались довольны, состоялся. Ветер В Волосах на прощание поклонился и направился к ближайшему костру. Его новое приобретение было немного тесновато и плотно облегало тело, но воина это не беспокоило. Он был уверен, что китель — отличное дополнение к его очаровательной внешности. Со временем могло оказаться так, что китель стал бы принадлежать сильному шаману, особенно ряды пуговиц и золотые погоны на плечах.

Это был великолепный подарок.

IV

Стремясь избегать костров, у которых люди старались бы всучить ему пищу, Данбер пошел не через деревню, а вышел в прерию. Он обходил кругом временный лагерь, надеясь на то, что сможет заметить хижину Брыкающейся Птицы и пройти прямо к ней, чтобы немедленно лечь спать.

На втором кругу лейтенант заметил вигвам, украшением которого служила шкура медведя. Зная, что жилище Брыкающейся Птицы должно находиться неподалеку, Данбер вошел в деревню.

Он прошел совсем немного, как вдруг какие-то звуки заставили его остановиться позади ничем не примечательной хижины. Свет от костра пробежал по земле, играя тенями у ног лейтенанта. Звуки раздавались как раз от этого костра. Это было пение — высокими, вторящими друг другу голосами пели женщины.

Прячась за стеной вигвама, лейтенант Данбер выглянул и украдкой посмотрел вперед, как это делает чрезмерно любопытный человек. Дюжина молодых женщин, оставив на время обычную домашнюю работу, танцевала и пела, встав в тесный круг у костра. Насколько можно было судить, в этих действиях не было ничего, похожего на обрядный или церемониальный танец. Пение женщин то и дело прерывалось легким смехом, и Данбер отметил, что танец был

импровизированный, а потому слишком простой.

Взгляд лейтенанта случайно упал на украшение, висящее у него на груди. Сейчас оно горело и переливалось оранжевыми сполохами, похожими на языки пламени, и он не смог удержаться, чтобы не провести рукой по двойному ряду трубчатых пластин, целиком покрывающих его грудь и живот. Было редкостью увидеть такую красоту и такую силу, находясь в этом месте в этот самый момент. Лейтенант испытал удивительное, особенное чувство.

— Я навсегда сохраню это в памяти, — мечтательно подумал он.

Когда Данбер снова поднял глаза на танцующих, то заметил, что некоторые оставили танец, чтобы создать маленькую группу улыбающихся, перешептывающихся между собой женщин, темой для разговора которым послужил белый человек, носящий украшение индейского воина. Они смотрели прямо на него, и хотя Данбер не видел этого, в их глазах плясали дьявольские огоньки.

Будучи постоянным предметом для обсуждений на протяжении нескольких недель, лейтенант был хорошо известен им как возможный Бог, как клоун, как герой и, наконец, как посланник чуда. Сам того не ведая, лейтенант получил редкий статус в культуре дакотов, статус, который, возможно, больше всего ценился этими женщинами.

Он был знаменитостью.

И сейчас его знаменитость, его приятная внешность, данная ему от рождения, да еще вдобавок и сияющее украшение на груди повысили и без того высокое мнение о нем, подняв его еще на одну ступень в глазах женщин.

Данбер сделал приветственный жест и осторожно ступил в круг света, отбрасываемый пламенем костра. Он попытался пройти мимо, не прерывая их веселья.

Но как только Данбер подошел к огню, одна из женщин, повинувшись необъяснимому порыву, вышла вперед и взяла лейтенанта за руку. Это прикосновение никак не отразилось на поведении Данбера. Он только уставился на женщину, которая теперь нервно хихикала, и подумал, не хотят ли с ним сыграть какую-нибудь злую шутку.

Две или три женщины начали петь и, когда танец снова начал налаживаться, несколько женщин одновременно протянули ему руки. Его просили присоединиться к веселью.

Поблизости было совсем немного народу. Данбер не хотел бы, чтобы на него смотрели искоса.

«И кроме того», — сказал сам себе лейтенант, — «немного упражнений будет полезно для переваривания пищи».

Танец был медленным и незамысловатым. Поднять одну ногу, задержать ее в таком положении, опустить. Поднять другую ногу, задержать, опустить. Данбер встал в круг и попытался повторять движения вслед за женщинами. Он быстро все усвоил, и не прошло и нескольких минут, как он синхронно с остальными участницами танца выполнял все элементы, широко улыбаясь и наслаждаясь собой от всей души.

В продолжение танца всегда появлялась возможность для легких объятий. Это было одним из самых замечательных, самых любимых Данбером движений. Когда мелодия, выводимая красивыми женскими голосами, подхватывала его, лейтенант поднимал свою ногу еще выше, задерживая ее в воздухе и опускал на землю с заново придуманным смыслом. Он начал плавно

двигать руками, будто это были крылья, все больше и больше поддаваясь ритму танца. Наконец, когда Данбер уже действительно собирался исполнить что-то выдающееся, его все еще улыбающиеся глаза закрылись. Он полностью растворился в экстазе эмоций и движений.

Он не заметил, как круг начал сжиматься. Лейтенант не понимал этого до тех пор, пока не стукнулся о бедра женщины, стоящей впереди его. Только тогда Данбер осознал, как близко к другому танцующему он оказался. Он с опаской посмотрел на женщин, составляющих круг, но они подбадривали его приветливыми улыбками — Данбер все делал правильно. Теперь он чувствовал случайные прикосновения груди, которые он безошибочно определил по их мягкости, к своей спине. Его живот периодически касался бедер впереди идущей женщины. Когда он пробовал чуть замедлять шаг, груди женщины, идущей сзади, подталкивали его снова и снова.

Никто не воспринял это как нечто вызывающее. Данбер не ощущал прикосновения женского тела так давно, что сейчас это казалось ему поразительной вещью. Слишком новы были для лейтенанта эти ощущения, чтобы он знал, что делать.

Лица женщин ничего не скрывали, когда круг начал сужаться. Улыбки оставались неизменными. Таким же неизменным оставалось прикосновение груди и ягодиц.

Данбер больше не поднимал ноги. Танцующие придвинулись так близко друг к другу, что лейтенанту пришлось отказаться от приседаний и подскакиваний.

Круг развалился на части, и женщины окружили Данбера со всех сторон. Их руки касались его, будто щекоча, играли с его спиной, животом и с его поднявшимся пенисом. Неожиданно они подобрались к самой интимной части его тела, которую скрывала ширинка его брюк.

В следующую секунду лейтенант попытался застегнуть ее, но не успел он пошевелиться, как женщины отпрянули.

Он наблюдал, как они исчезали в темноте, будто напуганные школьницы. Данбер обернулся посмотреть, что их спугнуло.

Индеец стоял в одиночестве у края костра, блестящий и зловещий, в нахлобученной на голову имитированной голове совы. Трепыхающаяся Птица что-то произнес, но лейтенант не мог определить, сердился он или нет.

Шаман отвернулся от огня и Данбер последовал за ним, как малыш, который думает, что сделал что-то нехорошее и за это ему предстоит понести наказание.

V

Как оказалось, его неожиданная встреча с танцующими женщинами не имела никаких последствий. К своему огорчению, Данбер обнаружил перед вигвамом Брыкающейся Птицы ярко пылающий костер и массу народа, все еще празднующего удачную охоту. Они стали настаивать на том, чтобы лейтенант взял первый кусок жареного мяса, едва только свет костра обнаружил его появление.

В конце концов Данбер надолго задержался у этого огня, греясь в лучах славы и теплого отношения к нему людей, сидящих вокруг. Он с трудом проталкивал все новые куски мяса в свой набитый живот.

Через час лейтенант едва был в силах держать открытыми сами собой закрывающиеся глаза.

Когда он встретился взглядом с Трепыхающейся Птицей, тот поднялся со своего места. Он отвел белого солдата в хижину и указал на тюфяк, приготовленный специально для него у дальней стены.

Лейтенант Данбер плюхнулся на подстилку и начал стаскивать с себя ботинки. Он был таким сонным, что не подумал о том, чтобы пожелать индейцу спокойной ночи, и успел заметить только спину шамана, когда тот выходил из вигвама.

Пальцы Данбера безвольно разжались, и второй ботинок упал на пол. Лейтенант вытянулся на кровати. Он провел ладонями по лицу, погружаясь в сон. В сумерках, перед тем, как провалиться в забытие окончательно, бессознательность его мыслей начала наполняться все усиливающимися потоками тепла и расплывчатыми, смутными очертаниями сексуальных видений. Вокруг него двигались женщины. Он не мог разглядеть их лиц, но слышал ласковое щебетание их мелодичных голосов. Данбер видел в своем зыбком полусне, как женские формы кружатся совсем близко от него, похожие на фалды развевающегося на ветру платья танцовщицы. Он даже чувствовал их легкие прикосновения и, засыпая, уловил лишь последнее ощущение: тяжесть обнаженного тела на себе.

VI

Кто-то хихикал ему прямо на ухо, а лейтенант никак не мог открыть глаза. Веки были слишком тяжелыми, но хихиканье вдруг прекратилось, и вслед за этим Данбер проснулся от запаха, который учуял его нос. Так пахнут одежды из шкуры бизона. Он снова услышал легкий смех и понял, что смеются не у него над ухом, а просто совсем рядом, в хижине.

Он с трудом заставил свои глаза открыться и повернул голову в том направлении. Но ничего не смог разглядеть. Тогда Данбер слегка приподнялся на локте. В вигваме было тихо, и неясные очертания всех членов семьи Брыкающейся Птицы были неподвижны. Казалось, все еще спали.

Неожиданно снова послышался смех. Кто-то хихикал высоким, приятным голосом. Голос принадлежал женщине и звуки раздавались из противоположного угла хижины. Лейтенант приподнялся чуть выше, как раз настолько, что можно было видеть затухающий очаг в центре вигвама.

Смех повторился, и голос мужчины — низкий и мягкий — прозвучал в ответ. Данбер заметил странное образование на кровати Брыкающейся Птицы. Звуки шли оттуда.

Лейтенант не мог догадаться, что там происходит, и, чтобы удовлетворить свое любопытство, привстал с кровати.

Теперь он смог различить контуры двух тел: их головы и плечи выступали за край постели, а их подвижность казалась неуместной в такой поздний час. Лейтенант напряг зрение, пытаясь рассмотреть что-либо в темноте.

Тела внезапно изменили положение. Одно поднялось над другим, и оба слились в единое целое. Наступил момент абсолютной тишины, а затем раздался протяжный, глухой стон, больше похожий на выдох. Когда Данбер услышал его, то наконец понял, что эти двое занимались любовью.

Чувствуя себя полным ослом, он быстро упал навзничь, надеясь на то, что любовники не заметили его дурацкого, неуклюжего вида, когда он полусидел на кровати, уставившись на них.

Очнувшись от того полусонного состояния, в котором он находился до этого происшествия, Данбер лежал на постели, прислушиваясь к постоянным, таким необходимым для занимающихся любовью звукам. Постепенно его глаза привыкли к темноте, и он выделил взглядом очертания еще одного спящего, который находился совсем рядом.

Ритмичные колебания одеяла говорили о том, что сон этого человека был глубоким. Это была женщина, лежащая на боку спиной к лейтенанту. Он узнал ее по спутанным каштановым волосам.

Стоящая С Кулаком спала одна, и Данбера заинтересовало это обстоятельство. Она могла принадлежать белой расе по крови, но в остальном эта женщина была одной из дакотов. Она говорила на их языке, будто это был ее родной язык. Английский же был незнакомым, чужим для нее. Она ни в коем случае не походила на пленницу, а была полнокровным членом племени. Данбер не сомневался в том, что его догадки верны: женщина попала в это племя, когда была совсем маленькой девочкой.

Размышляя таким образом, лейтенант постепенно снова начал засыпать. Все идеи, касающиеся женщины, которая состояла из двух совершенно разных людей, свелись у Данбера к одному вопросу: счастлива ли она в своей жизни?

Этот вопрос застрял у него в голове и лейтенант дал себе обещание спросить Собранную В Кулак об этом под непрекращающиеся звуки, исходящие от постели Брыкающейся Птицы и его жены. Они продолжали любить друг Друга.

Вдруг, без каких-либо усилий со стороны Данбера, вопрос этот закрутился у него в голове с тоненьким свистом, набирая скорость при каждом витке. Мысль вращалась все быстрее и быстрее до того момента, когда лейтенант просто не в состоянии был уследить за ней.

Он спал глубоким сном.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

I

Они провели во временном лагере меньше трех полных дней, и эти три дня оказались тем коротким промежутком времени, за который произошла масса изменений.

Случилось вот что.

Жизнь лейтенанта Данбера перешла теперь в другое русло.

Причиной этому послужило не какое-то одно выдающееся событие, нет. У лейтенанта не было никаких мистических видений. И Бог не явился ему в своем обличий. Не был Данбер назван и воином дакота, пусть даже в шутку.

Не было никакого доказательства, никакого очевидного последствия доказательства, на которое человек мог бы указать или сказать, было ли что-то здесь или там, сейчас или тогда.

Просто красивый, волшебный вирус пробуждения, который сам долго находился в летаргическом сне, наконец поразил Данбера и встал в основу всей его жизни.

В утро после охоты он проснулся с редким чувством чистоты, даже какой-то прозрачности. От сна не осталось никаких следов, и лейтенант подумал о том, как много времени прошло с той

поры, когда каждое его пробуждение было именно таким светлым. Так утро начиналось для него, когда он был еще мальчиком.

Ноги Данбера неприятно пахли и тогда он надел свои ботинки и стал пробираться мимо спящих к выходу, надеясь найти место, где он смог бы очистить грязь, которая застряла между пальцев. Он нашел такое место, как только выбрался наружу. Покрытая травой прерия блестела от росы на многие мили вокруг.

Оставив сапоги рядом с хижиной, лейтенант направился на восток, зная, что стадо пони находится где-то там. Он хотел посмотреть, все ли в порядке с Киско. Первый розовый луч пронзил темноту, опустившись с неба и коснувшись земли. Данбер с благоговением наблюдал, как этот тоненький посланник солнца пробежался по его ногам, которые уже вымокли от росы.

«Каждый день начинается со сказки,» — неожиданно для себя подумал Данбер.

Лучей стало больше, и они все увеличивались в размерах, меняя цвета в ту же секунду, как только касались земли.

«Если Бог существует, я благодарю Бога за этот день».

Данбер подумал так, и эти слова понравились ему настолько, что он повторил их еще раз, громко:

— Если Бог существует, я благодарю Бога за этот день.

Показались головы самых ближних лошадей, их настороженные уши стояли торчком. Среди них лейтенант заметил голову индейца. Она принадлежала мальчику, который все время улыбался.

Данбер нашел Киско без особых трудностей. Завидев лейтенанта, лошадь закивала головой в знак приветствия, и сердце Данбера радостно забило. Киско положил свою добрую морду на плечо хозяину и они оба замерли на какое-то время, позволяя утренней прохладе окутать их. Лейтенант приподнял подбородок Киско и дунул в каждую из ноздрей.

Не в силах преодолеть любопытство, другие лошади начали собираться вокруг них, но еще до того, как они начали досаждать своим присутствием, лейтенант накинул на Киско поводья и они направились обратно в деревню. Возвращаясь, Данбер чувствовал такой же необычный подъем настроения, какой сопровождал его по пути в прерию. Временный лагерь жил по солнечным часам, и сейчас, с первыми лучами зари, он оживал после ночного безмолвия так же быстро, как наступающий день.

Уже было разложено несколько костров, и через несколько минут все просунулись. По мере того, как небо на востоке светлело, все больше народу передвигалось по лагерю.

— Какая гармония, — ровным голосом сказал лейтенант, одной рукой теребя гриву Киско.

Потом он погрузился в глубокие, сложные до абстрактности размышления о том, что именно составляет гармонию, и эти мысли не оставляли Данбера до завтрака.

II

Этим утром они снова выехали на охоту, и Данбер убил еще одного бизона. На этот раз он крепко сдерживал поводья Киско, и вместо того, чтобы врезаться в стадо, наметил для себя

определенную жертву и погнался за животным. Несмотря на то, что лейтенант тщательно прицеливался, первая пуля прошла слишком высоко, и только вторая смогла закончить начатую работу.

Это была большая бизониха, и группа воинов, подъехавшая ближе, чтобы рассмотреть жертву, осыпала Данбера одобрительными замечаниями, восхваляя хороший выбор. Возбуждение во время этой охоты существенно отличалось от того, которое лейтенант испытал накануне. Этот день уже не был «первым днем охоты». Данбер не ел сегодня свежей печени, но, в любом случае, он чувствовал себя теперь более компетентным в вопросе охоты на бизонов.

И снова женщины и дети высыпали в прерию, чтобы освежевать и разделать тушу, и к позднему вечеру весь временный лагерь был переполнен мясом. Бесчисленное множество мокрых от пота и крови носильщиков, сгибающихся под тяжестью тысяч фунтов мяса, шли и шли в деревню, перенося добычу. И, подобно поганкам, вылезшим из земли после ливня, в деревне запылали костры, над каждым из которых вился дым и струился запах свежеподжаренных деликатесов.

Самые молодые воины и несколько мальчишек, не готовые еще принять участие в настоящей войне, устроили состязание по верховой езде сразу после того, как вернулись в лагерь. Частая Улыбка положил глаз на Киско и больше всего на свете желал скакать на нем. Он выразил свою просьбу с таким уважением, что лейтенант не смог отказать. Уже прошло несколько заездов, когда Данбер с ужасом понял, что в этих соревнованиях проигравший должен отдать свою лошадь победителю. Лейтенант скрестил на счастье указательные и средние пальцы на обеих руках, болея за Большую Улыбку. К счастью для лейтенанта, мальчик выиграл все три заезда, в которых принимал участие.

Позже начались азартные игры, и Ветер В Волосах вовлек в них лейтенанта. Данбер не знал ни одной, кроме игры в кости, и несколько учебных партий стоили лейтенанту всего запаса табака в его кисете. Некоторые из игроков были заинтересованы в том, чтобы выиграть его штаны с желтыми лампасами, но, уже выменяв фуражку и китель, Данбер считал, что хотя бы штаны как часть его бывшего полного обмундирования должны остаться при нем.

А кроме того, если так пойдет и дальше, ему просто нечего будет на себя надеть.

Индейцам нравилось и его нагрудное украшение, но Данбер отказался поставить его на кон. Он предложил пару своих старых ботинок, которые носил, но индейцы не видели в этом никакой выгоды для себя. В конце концов, лейтенант предложил свою винтовку, и игроки единогласно одобрили это. Поставленное на кон ружье вызвало большую суматоху, и игра немедленно стала очень рискованным предприятием, которое привлекло внимание множества наблюдателей.

Но сейчас лейтенант знал, что он делает, и пока продолжалась игра, кости приносили ему удачу. Он попал в самую выигрышную зону, и у него выпало самое большое количество очков. Когда пыль от его броска рассеялась, Данбер не только остался при своей винтовке, но и стал обладателем трех превосходных пони.

Проигравшие оставили ему свои сокровища с таким благородством и неподдельно искренним юмором, что Данберу захотелось ответить им чем-то хорошим. Он тут же сделал индейцам подарки: Ветер В Волосах получил самую высокую и сильную из трех выигранных лейтенантом лошадей. А затем, сопровождаемый толпой любопытных, Данбер провел двух оставшихся пони через весь лагерь, и, достигнув хижины Брыкающейся Птицы, вручил поводья обеих лошадей шаману.

Трепыхающаяся Птица был приятно удивлен, но в то же время и озадачен. Когда один из присутствующих объяснил ему, откуда взялись эти лошади, индеец огляделся по сторонам, поймал взгляд Стоящей С Кулаком и позвал ее, показывая, что хочет с ней поговорить.

У нее был ужасный вид, после разделки бизоньих туш: ее руки, лицо и передник были сплошь залиты кровью. Женщина стояла перед шаманом и слушала, что он говорит.

Она проявила неуважение, покачав головой в знак несогласия, но Трепыхающаяся Птица настаивал, и маленькое собрание перед хижиной затаило дыхание, ожидая от нее ответа, что она согласна говорить на английском языке — именно этого хотел от нее индеец.

Женщина уставилась вниз, на землю у своих ног, и невнятно повторила что-то несколько раз. Потом она посмотрела на лейтенанта и попыталась произнести это громче:

— Пасиба бе, — сказала женщина.

Лицо лейтенанта слегка дернулось.

— Что? — переспросил он, стараясь изобразить на лице улыбку.

— Пасиба.

Она ткнула пальцем в пони, стоящих у вигвама:

— Лошад.

— Спасибо? — догадался лейтенант. — Спасибо мне?

Стоящая С Кулаком кивнула.

— Да, — произнесла она очень чисто.

Лейтенант Данбер хотел пожать руку Трепыхающейся Птице, но женщина остановила его. Она еще не закончила и, продолжая держать руку сжатой в кулак с выставленными вперед указательным пальцем, встала между пони.

— Лошад, — сказала она, указывая на лейтенанта другой рукой. Она повторила это слово и указала на Брыкающуюся Птицу.

— Одна для меня? — уточнил лейтенант, используя тот же жест. — И одна для него?

Стоящая С Кулаком подтвердила слова лейтенанта робкой улыбкой, счастливая от того, что он ее понял.

— Да, — снова сказала она, и неожиданно еще одно выражение из ее старого языка, абсолютно точно произнесенное, сорвалось с ее губ: — Именно так.

Слова прозвучали так необычно, эти твердые, настоящие английские слова, что лейтенант Данбер разразился громким смехом, а Стоящая С Кулаком прикрыла рот рукой, как подросток, который только что сказал какую-то глупость.

Это была их шутка. Женщина знала, что слова эти вырвались помимо ее воли, и лейтенант тоже это понимал. Рефлексивно они посмотрели на Брыкающуюся Птицу и на остальных. Лица индейцев не изменили своего выражения, и тем не менее, когда взгляды офицера и женщины

снова встретились, они оба закатились смехом, причиной которого была одним им понятная вещь. Трудно было найти способ объяснить это остальным. Да и потом, это было недостаточно смешным для того, чтобы обременять соплеменников таким рассказом.

Лейтенант Данбер не захотел оставить себе второго пони. Вместо этого он отвел лошадь к вигваму старого вождя, и, сам того не зная, повысил свой статус чудака. Традиции дакотов призывают богатых распределять свое добро среди тех, кто обойден удачей. Но Данбер сделал как раз наоборот, и Десять Медведей укрепился в мысли, что этот белый человек на самом деле нечто экстраординарное.

Этим вечером, сидя у костра рядом с Трепыхающейся Птицей и слушая разговор, который он совершенно не понимал, лейтенант Данбер случайно заметил Собранную В Кулак. Она занималась хозяйством всего в нескольких футах от него и смотрела в его сторону. Ее голова была склонена набок, а глаза, казалось, излучали тепло пополам с любопытством. До того, как женщина успела отвернуться, Данбер качнул своей головой в ту сторону, где вели разговор воины, сделал официальное лицо и приложил руку ребром ладони к уголку рта:

— Именно так, — громко прошептал он.

После этих слов женщина быстро отвернулась. Но Данбер успел уловить сдавленный смех, которым сопровождалось это движение.

III

Остаться здесь еще дольше не имело смысла. У них теперь было столько мяса, сколько они едва смогут унести. Сразу же после того, как окончательные сборы были закончены, ранним утром колонна вышла в прерию. Каждая повозка была загружена доверху, и обратный путь занял вдвое больше времени, так что к тому моменту, когда люди достигли Форт Сэдрик, уже почти совсем стемнело.

Повозки, груженные несколькими сотнями фунтов вяленого мяса, подогнали к складу продовольствия и сгрузили все в земляную хижину. Затем последовало короткое прощание, и лейтенант Данбер с порога своей дерновой хижины смотрел вслед движущейся вверх по течению реки в направлении постоянного лагеря колонне.

Взгляд лейтенанта рассеянно скользнул по длинному шумному каравану, растворяющемуся в темноте, ища Собранную В Кулак.

Но он не смог найти ее.

IV

Все чувства и мысли лейтенанта после возвращения в Форт перемешались.

Он знал, что Форт — это сейчас его дом, и это успокаивающе действовало на его нервы. Как приятно было скинуть ботинки, улечься в свою постель и растянуться на ней без всякого соблюдения каких-либо правил приличия. Сквозь полузакрытые веки он наблюдал за мерцающим на конце фитиля огоньком в лампе, а потом медленно обвел ленивым взглядом стены хижины. Все было на своих местах, и он тоже.

Прошло несколько минут, прежде чем Данбер заметил, что его правая ступня непроизвольно подергивается.

— Что ты делаешь? — спросил он сам себя, когда перестал покачивать ногой. — Ты ведь не нервный.

Буквально через минуту лейтенант вдруг обнаружил, что теперь пальцы его правой руки что-то нетерпеливо выстукивают на его грудной клетке.

Он не был нервным. Он скучал. Данбера одолевало одиночество.

Раньше он мог бы достать табак, свернуть себе сигарету, закурить, а потом убивать время, пуская дым колечками и облачками, и наблюдать за результатами этой работы. Но у него больше не было табака.

Данбер подумал, что сейчас ему неплохо было бы взглянуть на реку, и тогда он взял свои ботинки и вышел наружу.

На пороге лейтенант остановился, вспомнив о нагрудном украшении, которое уже стало для него самой ценной вещью. Оно было накинута на армейское седло, которое Данбер принес из дерновой хижины. Лейтенант вернулся в дом только для того, чтобы взглянуть на украшение.

Даже при слабом свете лампы оно сверкало так, как будто было сплошь усеяно бриллиантами. Лейтенант провел пальцами по трубчатым частям. Они были похожи на стекло. Данбер надел на себя украшение из костяных трубочек, и раздался сухой, пощелкивающий звук — это один ряд косточек ударился о другой. Лейтенант отметил про себя, что ему нравится чувствовать прохладную тяжесть этого предмета на обнаженной груди.

«Пойти взглянуть на реку» для Данбера вылилось в длительную прогулку. Луна сияла в чистом небе, почти завершив свой рост. Еще ночь — и наступит полнолуние. Поэтому Данберу не нужен был фонарь, и он при лунном свете брел по высокому берегу, оглядывая реку вверх и вниз по течению.

Данбер сознательно растягивал свою прогулку, часто останавливаясь: то для того, чтобы повнимательнее посмотреть на течение, то для того, чтобы понаблюдать за веткой, которую раскачивал легкий ветерок. Время от времени он наткался на кролика, грызущего кору кустарника. Никто и ничто этой ночью не реагировал на его присутствие.

Лейтенант чувствовал себя невидимкой. Это было ощущение, которое ему нравилось.

Прошло не меньше часа, и он развернулся, направляясь к дому. Если бы кто-нибудь был сейчас здесь и видел Данбера, проходящего мимо, он мог бы сказать, что несмотря на всю легкость шагов, на все внимание и осторожность, с которыми лейтенант относился ко всему видимому на реке, его вряд ли можно было назвать невидимым.

Не один раз он останавливался, чтобы, подняв голову, посмотреть на луну. Данбер запрокидывал голову назад, подставляя лицо волшебному свету, и костяное украшение переливалось на его груди, сверкая белизной, словно далекая звезда.

V

На следующий день произошла странная вещь.

Данбер провел утро и часть дня в работах по своему немудреному хозяйству. Он перебрал то, что было оставлено на складе снаряжения, в результате чего сжег несколько пришедших в негодность вещей. Потом он постарался найти лучший способ для хранения мяса, разложив и

рассортировав его. После этого он сделал в дневнике некоторые записи.

Лейтенант не знал, чем бы ему занять свое время, а потому даже эти работы делал без настроения. Он подумал было починить кораль, но потом решил, что сейчас это никому не нужно. Он уже и так занял себя больше чем на полдня, и это заставило его чувствовать себя окончательно потеряннным. У лейтенанта не было никакого начальства, никто не мог отдавать ему приказы.

Когда солнце начало склоняться к горизонту, Данбер обнаружил, что ему хочется предпринять еще одну прогулку — на этот раз в прерию. Для него это был день неожиданных решений. Во время утренних занятий брюки лейтенанта насквозь пропитались потом, который стекал у него по спине, и теперь покалывал сотнями булавок его тело, заставляя постоянно почесываться. Данбер не видел причины для того, чтобы эти неприятные ощущение сопровождали его в прогулке. Поэтому он отправился в прерию совсем без одежды, надеясь повстречать разве что своего давнего приятеля — Два Носка.

Оставив реку позади, он ступил на восхитительную, покрытую изумительной травой землю, которая была полна жизни и простиралась насколько хватало глаз.

Трава достигла пика своего роста, и в некоторых местах касалась бедер лейтенанта. Над головой бескрайнее небо было усеяно белыми перистыми облаками, которые подчеркивали его голубизну.

Отъехав примерно на милю от форта, Данбер лег в высокую траву. С приятной ломотой в теле он лежал среди этой буйной зелени и впитывал последнее тепло, которое солнце дарило в эти дни. Лейтенант мечтательно уставился в небо, наблюдая за медленными движениями облаков.

Он перевернулся, подставив солнечным лучам спину. Когда Данбер передвинулся, внезапное чувство поразило его. Одно из тех, которые не посещали его так долго, что сначала лейтенант не понял толком, что же он чувствует.

Трава шелестела у него над головой, когда ветерок пробежал между ее стеблями. Солнце укрывало его своими лучами, как сухое теплое одеяло. Ощущение безмятежного покоя становилось все приятнее и приятнее, и Данбер сдался.

Он вытянул руку вперед, расслабился и перестал о чем-либо думать. Ничто не вызывало у него никаких движений, никаких слов, воспоминаний или раздумий. Он просто ощущал себя частью царящего в прерии спокойствия — и ничего больше.

Когда он вернулся из этого блаженного состояния и снова посмотрел на небо, то заметил, что земля вращается вместе с плывущими над головой облаками. Лейтенант передвинулся на спину, вытянул руки вдоль тела, как делал это в армии, стоя в строю, и мысленно полетел вместе с облаками на своей постели из травы и земли.

Он закрыл глаза и погрузился в дремоту.

VI

Этой ночью лейтенант беспокойно метался и крутился в постели, его мысли перебегали с одного предмета на другой, будто не знали, где можно найти место, чтобы отдохнуть. Они стучались во множество комнат, и каждая из них была либо закрыта, либо слишком негостеприимна, пока, наконец, по лабиринту мозга они не добрались до нужного места. В глубине души Данбер знал, что что-то направляет его.

Комната была полна индейцев.

Мысль, посетившая вдруг голову Данбера, была настолько очевидна, что он решил немедленно поехать в лагерь, где старейшину зовут Десять Медведей. Потом это показалось ему слишком неудобным.

— Я встану рано, — подумал Данбер. — И, может быть, на этот раз останусь в деревне на несколько дней.

В каком-то предчувствии, лейтенант проснулся еще до рассвета, но удержал себя в постели насильно, не переставая думать о посетившей его мысли. Ему не терпелось сейчас же отправиться в деревню, но тем не менее он понимал, что должен подождать хотя бы до того, как взойдет солнце.

Когда Данбер был почти одет, и оставалось только надеть рубашку, он взял ее и просунул одну руку в рукав. Потом вдруг остановился, глядя через окно хижины на улицу, чтобы узнать, какая там погода. В комнате уже было тепло, а значит, снаружи должно быть еще теплее.

— Наверняка сегодня будет обжигающая жара, — подумал Данбер, стягивая рукав. Украшение, доставшееся лейтенанту в результате обмена, висело на колышке, вбитом в дерновую стену. Данбер потянулся за ним, и в этот момент осознал, что хочет носить его все время, несмотря на погоду.

Лейтенант отбросил рубашку в сторону, и она попала точно в его вещевой мешок.

VII

Снаружи в ожидании сидел Два Носка.

Когда волк увидел человека, показавшегося в дверях хижины, он сделал два-три маленьких быстрых шажка назад, повернулся кругом, отошел в сторону на несколько футов и там замер, улегшись на землю, по щенячьи тяжело дыша.

Данбер насмешливо покачал головой.

— Что на тебя нашло?

Волк поднял голову на звук голоса. Вид животного настолько ясно выражал его намерения, что заставил Данбера хмыкнуть.

— Ты хочешь пойти со мной?

Два Носка вскочил на лапы и уставился на лейтенанта, не шевеля ни единым мускулом.

— Хорошо, тогда пошли, — позвал его лейтенант, направляясь в прерию.

VIII

Трепыхающаяся Птица проснулся с мыслями о «Джане» и о том, что он находится сейчас один в Форте белых людей.

«Джан». Что за странное имя!? Индеец попытался придумать, что оно могла значить. Может быть, Молодой Всадник? Или Быстрый Всадник? «Но наверняка оно как-то связано с верховой ездой», — заключил он.

Трепыхающаяся Птица был доволен, что первый охотничий сезон благополучно завершился. Бизоны наконец-то пришли, проблема питания была решена. А это значило, что он теперь может вернуться к своему давно задуманному проекту. Он собирался обдумать все сегодня.

Шаман сходил в вигвамы к двоим своим лучшим друзьям и спросил, не хотят ли они поехать вместе с ним в Форт. Его удивило, с какой легкостью они согласились, но он воспринял это как хороший знак. Больше никто не боялся белого человека. Казалось, люди его племени не имели ничего против белого солдата. Из разговоров, которые велись в лагере последние несколько дней, он понял, что Данбер даже нравится индейцам.

Трепыхающаяся Птица оставил лагерь, предчувствуя, что сегодняшней день принесет что-то хорошее. С самого начала их план с легкостью осуществлялся. Адаптация Данбера в племени наконец завершилась, и теперь можно было перейти к настоящему делу — изучению белой расы.

IX

Лейтенант Данбер отметил, что покрыл уже почти четыре мили. Он ожидал, что волк пройдет вместе с ним от силы мили две и остановится. Пройдя три мили, Данбер всерьез заинтересовался поведением зверя. И теперь, заканчивая четвертую, лейтенант был озадачен.

Они вошли в узкое, травянистое ущелье между двух холмов, и волк продолжал сопровождать его. Никогда раньше Два Носка не следовал за Данбером так далеко.

Лейтенант прыгнул со спины Киско и уставился на волка. Выдерживая дистанцию, зверь тоже остановился. Когда Киско наклонил голову к земле и начал пощипывать траву, Данбер пошел в направлении зверя, думая, что этим вынудит его отступить назад. Но уши и часть головы, едва заметные в траве, даже не шевельнулись, и когда Данбер наконец остановился, их разделяло не более ярда.

Два Носка выжидающе приподнял голову, наострил уши, но, тем не менее, не сдвинулся с места.

Лейтенант обратился к нему:

— Я не думаю, что тебя хорошо примут там, куда иду я, — сказал он громко, хотя тон его голоса не внушал никакого опасения.

Он поднял голову и посмотрел на солнце.

— День обещает быть жарким, — продолжал лейтенант, — почему бы тебе не пойти домой?

Волк внимательно слушал, но положение своего не изменил.

Данбер притопнул ногой.

— Давай, Два Носка, иди домой, — произнес он уже раздраженно.

Потом, не выдержав, сделал движение руками, будто стрелял из ружья, и Два Носка отпрыгнул в сторону.

Лейтенант повторил свой жест, и волк отпрыгнул еще дальше, но было очевидно, что Два Носка идти домой не собирается.

— Ладно, — сказал Данбер выразительно, — не иди домой. Но оставайся. Оставайся прямо здесь.

Он подкрепил свои слова жестом: указательный палец несколько раз ткнул землю, а потом на лице появилась утвердительная гримаса. Данбер уже почти развернулся, как вдруг услышал за спиной завывание. Оно не было ни громким, ни требовательным, ни тем более угрожающим. Это был низкий вой, заунывный и чистый.

Завывание.

Лейтенант повернул голову и посмотрел на волка. Острая морда животного была повернута к Данберу, глаза следили за каждым движением, и Два Носка поскуливал, как обиженный ребенок.

На постороннего наблюдателя это могло произвести определенное впечатление, но Данбер хорошо успел узнать повадки своего нежелательного попутчика. И этот вид оказался просто последней каплей.

— Пошел домой! — закричал Данбер на волка. С видом сына, которого отец слишком оттолкнул от себя, волк поднял уши и отступил, сорвавшись с места и подергивая хвостом.

В то же время лейтенант Данбер направился в противоположном направлении, думая о том, как он дойдет до Киско и поскачет галопом, оставив волка позади.

Он пробирался сквозь траву, обдумывая свой план, и неожиданно заметил, что волк счастливо трусит сбоку.

— Пошел домой, — зарычал Данбер и резко изменил направление, бросившись в сторону волка. Два Носка от неожиданности подпрыгнул вверх, как испуганный заяц, расставив лапы в разные стороны. Когда он опустился на землю, лейтенант находился всего в шаге позади него. Данбер не целясь пнул Два Носка под хвост. Волк подскочил и отлетел вперед, как будто под ним хрустнула объятая огнем ветка. Человек так расхохотался, что вынужден был остановиться.

Два Носка резво отбежал на двадцать ярдов, остановился и сел, глядя через плечо на лейтенанта с выражением такого замешательства, что Данбер, ничем не в силах помочь ему, чувствовал себя виноватым.

Он помахал волку рукой, прощаясь, и, все еще посмеиваясь про себя, повернулся и пошел за Киско, который медленно брел, пощипывая траву, в ту сторону, откуда они пришли.

Вскочив на спину лошади, лейтенант послал Киско легкой трусцой, будучи не в состоянии удержаться от смеха, представляя снова и снова, как Два Носка подлетел от его пинка.

Данбер дико подпрыгнул в седле, когда что-то вцепилось ему в лодыжку. Он резко обернулся, готовый встретиться лицом к лицу с невидимым противником. Два Носка снова был рядом, и всем своим видом походил на бойца между поединками.

Несколько секунд Данбер, не мигая, смотрел на волка.

Два Носка отрешенно устоял в ту сторону, где находился дом лейтенанта, словно надеясь на то, что игра еще не закончилась.

— Ну ладно, — произнес Данбер мягко, разводя руками. — Ты не можешь уйти, и ты не можешь остаться здесь. У меня больше нет времени возиться с тобой.

Возможно, это был какой-то легкий шум или что-то принес издалека ветер. Что бы это ни было, волк услышал это. Он неожиданно завертелся и разъяренно уставился на тропу, уходящую вверх.

Данбер проследил взглядом в том же направлении и заметил Брыкающуюся Птицу с еще двумя индейцами. Они были совсем близко, наблюдая за происходящим с вершины холма. Лейтенант радостно поспешил им навстречу, выкрикивая приветствия, в то время как Два Носка улизнул прочь.

Х

Трепыхающаяся Птица и его друзья смогли с самого начала наблюдать этот спектакль. Они получили хорошее развлечение. Трепыхающаяся Птица также знал, что он только что был свидетелем некоей изысканности, чего-то, что заслуживало восхищения. Это была еще одна из загадок, которыми был окружен бледнолицый... Загадка, отгадкой которой могло стать его новое имя.

— Человек должен иметь настоящее имя, — думал индеец, спускаясь к лейтенанту Данберу. — Особенно когда это белый человек, да еще действующий подобным образом.

Он вспомнил все старые имена Данбера, такие, как Человек, Который Сверкает Как Снег и несколько более поздних, которые были близки по смыслу. Одно из них — Находящий Бизонов. Но не одно не было правильным, отражающим суть. И уж конечно белого солдата никак нельзя было называть «Джан».

Интуитивно Трепыхающаяся Птица чувствовал, что подобрал лейтенанту самое верное имя. Он будто специально был создан для этого названия. Люди запомнят его под этим именем. И сам Трепыхающаяся Птица с двумя свидетелями сейчас представит Великому Духу это имя.

Индеец несколько раз произнес вновь изобретенное название про себя, спускаясь по склону холма. Звучало оно так же хорошо, как хорошо было само имя.

Танцующий С Волками.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

I

Честно признаться, это был один из самых лучших дней в жизни лейтенанта Данбера.

Семья Брыкающейся Птицы встретила его с таким теплом и гостеприимством, что он почувствовал себя больше, чем гостем. Они действительно были счастливы видеть его.

Данбер и Трепыхающаяся Птица уселись рядом, чтобы покурить. Но их постоянно прерывали в течение всего вечера.

Новое имя лейтенанта Данбера и рассказ о том, из-за чего он получил его, распространилось по лагерю, с поразительной быстротой. И теперь каждый недоверчивый осел считал своим долгом явиться к Данберу, чтобы услышать его собственное подтверждение. Потом он испарялся и разносил новость по лагерю.

Лейтенант не был Богом, но он не был похож на любого другого носящего усы белого, какими их представляли себе индейцы. Он был просто человеком, знающим то, чего не могли знать дакоты. Воины постоянно заходили в хижину. Некоторые для того, чтобы поздороваться, другие — просто для того, чтобы взглянуть на Танцующего С Волками.

Теперь Данбер узнавал в лицо большинство из них. С каждым входящим он здоровался по своему: лейтенант вставал и отвешивал свой обычный полупоклон-полукивок. Некоторые отвечали ему тем же. Несколько человек пожали ему руку, потому что видели, как это делал он сам.

Мало о чем они могли поговорить, но лейтенант объяснялся знаками и жестами достаточно хорошо для того, чтобы обменяться мнениями о недавнем успехе в охоте на бизонов. Это заложило основу для большинства последующих визитов.

Через несколько долгих часов постоянный поток посетителей сократился, и вскоре совсем иссяк. Больше заходить было некому, и тогда Данбер поинтересовался, почему он не видел Стоящую С Кулаком. Была ли она на повестке дня? В этот момент вошел Ветер В Волосах.

Перед тем, как поприветствовать друг друга, оба мужчины обратили внимание на те части одежды, которые послужили предметом обмена: китель, с которого исчезли все пуговицы, и сверкающее нагрудное украшение. На обоих наличие увиденного подействовало успокаивающе.

Пожимая индейцу руку, Данбер подумал: «Хороший парень! Он мне нравится. Приятно снова увидеться с ним».

Примерно то же самое думал и Ветер В Волосах, когда они устроились рядом для дружеской болтовни. Однако один из присутствующих не мог понять, что говорят другие.

Трепыхающаяся Птица попросил жену принести им еды, и вскоре это трио поглощало завтрак, состоящий из вареной фасоли и ягод. Они ели в полной тишине.

После завтрака было закурено еще по трубке и сигарета. Два индейца завели беседу, которую Данбер не мог разделить. По их жестам и некоторым словам он, однако, догадался, что это не было обыкновенной праздной болтовней.

Они, казалось, планировали какие-то действия, и лейтенант не удивился, когда в конце разговора оба встали и вышли из вигвама, пригласив Данбера следовать за ними.

Он прошел вместе с ними к задней части вигвама Брыкающейся Птицы, где их ждал тайник: сложенный в штабель материал. Ивовые шесты были аккуратно вкопаны в землю рядом с большой кучей сухих веток.

Прежде чем приняться за работу, двое мужчин завели еще более оживленную дискуссию. Когда Данбер увидел, что именно у индейцев стало получаться в изделие постепенно обретало некоторую форму, он попытался помочь. Но еще до того, как он успел сделать существенный вклад, заготовленный материал превратился в тенистую беседку четырех-пяти футов высотой.

Небольшая часть осталась незаконченной, и должна была служить входом. Первым пригласил войти внутрь лейтенанта. Выпрямиться во весь рост в этой беседке было невозможно, но когда Данбер опустился на пол, он обнаружил, что место было достаточно уютным и спокойным. Ветки хорошо защищали, от солнечных палящих лучей и, в то же время, не очень плотно прилегали друг к другу, позволяя свежему воздуху проникать в беседку.

Когда Данбер закончил этот беглый осмотр, он заметил, что Трепыхающаяся Птица и Ветер В Волосах исчезли. Еще неделю назад он мог бы почувствовать себя неудобно при таких обстоятельствах. Но сейчас, подобно индейцам, он уже не был подозрительным. Лейтенант был доволен тем, что спокойно сидел у поразительно крепкой задней стенки, прислушиваясь к звукам, непременно сопровождающим жизнь лагеря Десяти Медведей. Он ждал дальнейшего развития событий.

И они не замедлили произойти.

Всего через несколько минут лейтенант услышал приближающиеся шаги. Трепыхающаяся Птица стремительно вошел в беседку и сел на некотором расстоянии от Данбера, оставив между ними пустое место.

Тень, упавшая на полосу света в проходе, объяснила Данберу странный поступок индейца. Он ждал кого-то еще. Лейтенант ни секунды не сомневался, что это будет Ветер В Волосах.

Трепыхающаяся Птица что-то мягко произнес, повернувшись ко входу. Под аккомпанемент позвякивающих колокольчиков на пороге появилась Стоящая С Кулаком.

Данбер чуть сдвинулся в сторону, освобождая место женщине, которая маневрировала между ними. За эти несколько секунд, пока она усаживалась, он успел заметить в ее облике много нового.

Колокольчики висели по бокам расшитых бисером мокасин. Ее замшевое платье было похоже на вещь, которая передается по наследству из рода в род, которую очень бережно хранят и не надевают каждый день. Лиф платья был украшен маленькими тонкими костями, которые были нашиты рядами. Это были зубы лося.

На запястье красовался браслет из цельной полоски меди. Шею украшало ожерелье из таких же маленьких косточек, что и на груди. Волосы Стоящей С Кулаком, чистые и блестящие, спускались по спине, перевязанные полоской кожи, открывая высокосулое, с прямыми бровями лицо, которое Данбер целиком еще ни разу не видел. Сейчас женщина выглядела намного изящнее и грациознее. И намного сильнее была похожа на белую.

Лейтенант вдруг подумал, что беседка была построена специально для того, чтобы они могли здесь встречаться, никому не мешая. За то время, пока она садилась на отведенное ей место, Данбер понял, как сильно он ждал этой встречи.

Женщина так и не подняла на Данбера глаз, и, пока Трепыхающаяся Птица что-то говорил ей на своем языке, лейтенант решил перехватить инициативу и первым поздороваться.

Получилось так, что они одновременно повернули головы, одновременно открыли рты и сказали одно и то же слово в один и тот же момент. Два приветствия столкнулись в воздухе между ними, и оба белых неуклюже отшатнулись друг от друга при таком неожиданном начале.

Трепыхающаяся Птица увидел в этом незначительном происшествии доброе предзнаменование. «У этих двух людей похожи мысли», — подумал он. А это было именно то, на что он надеялся.

Шаман усмехнулся про себя. Потом указал на лейтенанта пальцем и что-то проворчал, будто говоря:

— Еще раз. Давай... Ты первый.

— Здравствуй, — как можно приятнее произнес Данбер.

Женщина подняла голову. На ее лице застыло выражение трудной работы мысли — и ничего из того, что Данбер видел минутой раньше, никакой гримасы враждебности.

— Здравствуй, — ответила она.

II

В этот день они сидели в беседке очень долго, большую часть времени потратив на обмен простыми словами. Это было их первое официальное заседание, больше напоминающее урок.

Близился закат. Все трое утомились от постоянных запинок и повторяющихся упражнений. Вдруг Стоящая С Кулаком неожиданно для себя поняла смысл своего имени в переводе на английский язык. Она так воодушевилась, что немедленно принялась объяснять это Данберу. Первое, через что она вынуждена была пройти — это объяснить, чего она хочет. Женщина показала на Данбера и произнесла: «Джан». Потом показала на себя и ничего не сказала. Однако задержала палец в воздухе, что должно было означать: «Постой. Я сейчас покажу тебе».

Данбер понял, что должен выполнить какое-то движение, о котором она просит, и сказать, что сделал, на своем языке. Женщина хотела, чтобы он встал, но сделать это в беседке было невозможно. Тогда женщина вытащила обоих мужчин наружу, где была полная свобода для любых движений. Лейтенант догадался по частям: сначала были «поднять», «встать», «подниматься» и «на ноги». Объединив все эти действия и слова, Данбер получил слово «Собранная». «В» было не так уж трудно понять с первого раза, а «Кулак» был так выразителен, что здесь не о чем было и думать. Когда лейтенант произнес все имя целиком по-английски, женщина научила его произносить то же на языке дакотов.

Это послужило хорошим началом. Дальше они с большим успехом и удивительной скоростью выучили на обоих языках имена «Ветер В Волосах», «Десять Медведей» и «Трепыхающаяся Птица».

Данбер был восхищен. Он попросил дать ему что-нибудь, на чем он мог бы записать выученное. Используя кусочек древесного угля, он записал четыре имени в фонетике дакотов на полоске толстой, белой изнутри коры.

Стоящая С Кулаком продолжала вести себя сдержанно. Но, безусловно, она была сильно взволнована. Английские слова возникали в ее голове неосознанно, это было похоже на тысячи дверей, закрытых очень долгое время, а теперь распахивающихся одна за другой. Женщина была в исступление от охватившего ее возбуждения. Ей нравилось заново познавать забытый язык.

Каждый раз лейтенант смотрел на слова, записанные на куске коры, и каждый раз он все лучше произносил имена. Он говорил уже почти правильно. Стоящая С Кулаком поощряла его легкой улыбкой и произносила одно единственное слова: «Да».

Со своей стороны, лейтенанту Данберу не нужно было даже видеть ее улыбку, чтобы знать — она от всего сердца радуется его успеху. Он слышал это в тоне ее голоса, произносящегося «да», а глаза женщины — бледно-карие — только подтверждали все вышесказанное. Слышать эти слова, сказанные Данбером на двух языках — английском и языке племени дакота — имело

для нее огромное значение. Ее возбуждение передавалось лейтенанту. И он чувствовал это.

Это была уже не та женщина, печальная и потерянная, которую он нашел в прерии. Этот момент был переломным, и Данбер понял, что прошлое осталось позади. Лучшим из всего был маленький кусочек коры, который он держал в руках. Лейтенант осторожно сжимал его пальцами, опасаясь, что написанное случайно может исчезнуть. Это была первая часть карты, которая сможет провести его в будущее, в его жизнь среди этих людей. Сколько возможностей открывается теперь!

Однако, один из присутствующих здесь, а именно Трепыхающаяся Птица, был больше других поражен таким оборотом событий. Для него это была сказка, самая лучшая, самая волшебная. Наравне с чем-то очень земным, как дыхание или смерть.

Его мечта становилась реальностью.

Когда индеец услышал свое имя, сказанное Данбером на языке дакотов, результат был ошеломляющий. Будто нерушимая стена вдруг рассыпалась, обратившись в пыль. А белый мужчина и женщина шли все дальше и дальше. Они достигли взаимопонимания.

Вместе с тем, мнение Брыкающейся Птицы о Стоящей С Кулаком сильно изменилось. Она больше не была дакота. Соорудив мостик между словами, принадлежащими разным языкам, она стала чем-то большим. Как лейтенант, индеец слышал новые нотки в ее голосе, в том, как она произносила английские слова. Он заметил и новое выражение ее лица, искорки, появившиеся в ее глазах. Что-то добавилось в ее характере, что-то, чего он пропустил, не замечая раньше, и теперь Трепыхающаяся Птица знал, что это было.

Ее надолго спрятанная, почти похороненная кровь белой женщины вновь заструилась в жилах.

Все это вместе взятое было больше, чем даже Трепыхающаяся Птица мог вынести. Как профессор, который лучше других знает, когда его ученикам пора отдохнуть, он сказал, что на сегодняшний день достаточно.

Выражение разочарования промелькнуло на лице Стоящей С Кулаком, она поникла головой и с отсутствующим видом кивнула, соглашаясь.

В этот момент ее посетила замечательная мысль. Она перехватила взгляд Брыкающейся Птицы и с уважением попросила его всего об одной вещи.

Она хотела научить белого солдата произносить его имя.

Это была хорошая идея. Хорошая настолько, что индеец не смог отказать своей приемной дочери. Он попросил ее продолжать.

Она сразу же вспомнила нужное слово. Она видела его, но не могла произнести. И не могла вспомнить, как она делала это, когда была маленькой девочкой. Оба мужчины ждали, пока она вспомнила.

Лейтенант неумышленно поднял руку и отвел в сторону ветку, которая щекотала ему ухо. Женщина снова увидела это слово.

Она схватила руку Данбера, когда та висела в воздухе, а потом осторожно положила свою вторую руку ему на бедро. До того, как он успел среагировать, она вела Данбера в плохом, но безошибочном вальсе.

Через несколько секунд она застенчиво отстранилась, оставив лейтенанта в состоянии шока. Он боролся с собой, пытаясь запомнить это упражнение.

Внезапно голова его просветлела, искра догадки промелькнула в его глазах, и как единственный ученик в классе, который знает правильный ответ, он улыбнулся своему учителю.

III

Теперь было совсем просто догадаться об остальном. Лейтенант Данбер опустился на одно колено и написал имя все на той же коре, которая служила им учебником. Его глаза задержались на словах, пока мозг знакомился с тем, как его новое имя выглядит по-английски. Это выглядело гораздо длиннее, чем просто имя. И чем дольше он смотрел на него, тем больше это имя ему нравилось.

Он произнес его про себя. Танцующий С Волками.

Лейтенант встал на ноги, коротко поклонился Трепыхающейся Птице, и как дворецкий, сообщающий о приходе гостей, смиренно и без излишней торжественности, произнес его еще раз.

Теперь уже на языке дакотов.

«Танцующий с Волками».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

I

В эту ночь Танцующий с Волками остался в хижине Брыкающейся Птицы. Он был слишком возбужден и, как это часто бывает, устал так сильно, что не мог уснуть. События прошедшего дня прыгали в его голове как воздушная кукуруза на большой сковороде.

Когда же лейтенант наконец начал забываться сном, его окутали сумерки, полные сновидений, которых у него не было с той поры, когда он был совсем юным. Окруженный звездами, он царил в холодном, молчаливом пространстве, испытывая удивительное чувство невесомости и одиночества в этом мире серебряного мерцания среди темноты. Но он не боялся. Ему было уютно и тепло в его кровати с пологом. И плыть по течению — пусть даже в вечность — как единственное зерно во всей Вселенной, было для него не самой трудной работой. Это была радость.

Именно таким был его сон в первую ночь в наследственном летнем лагере дакотов.

II

За весь следующий месяц лейтенант Данбер не один раз оставался на ночь в лагере Десяти Медведей.

Он возвращался в Форт Сэдрик часто, но главным образом по обязанности, а не по желанию. Даже находясь в Форте, он знал, что всего лишь создаст видимость своего пребывания там. Но Данбер чувствовал себя вынужденным делать это.

Остаться в Форте значило для него противоречить логике. Было ясно, что армия оставила

этот пост и его самого. Он даже подумывал о возвращении в форт Хейс. Лейтенант уже выполнил все свои обязанности. Фактически, его преданность месту службы и всей армии Соединенных Штатов была образцовой. Данбер имел полное право оставить Форт Сэдрик и уйти с высоко поднятой головой.

Единственное, что удерживало его в этих местах — другой мир, жизнь, которую он только начал узнавать. Данбер не знал точно, когда это произошло, но случилось так, что его мечта служить на границе, мечта, которую он придумал для того, чтобы жить в маленьких приграничных частях, с самого начала подразумевала бесконечные приключения, в одно из которых он сейчас оказался втянут. Страны, армии, даже расовые войны теряли свою значимость по сравнению с этим. Лейтенант обнаружил в себе огромную жажду жить именно сейчас именно здесь, рядом с индейцами. И он мог отказаться от этого точно так же, как умирающий от жажды человека смог бы отказаться от воды.

Данберу непременно хотелось увидеть своими глазами, что будет происходить дальше. Из-за этого он оставил идею о возвращении в армию. Но мысль о том, что армия сама может вернуться к нему, не покидала его ни на минуту. Рано или поздно это должно будет случиться.

Таким образом, его визиты в форт сводились к следующему: он чинил навес, если тот вдруг оказывался сорван ветром, выметал пыль из углов дерновой хижины и делал записи в журнале.

Данбер заставлял себя делать это, чтобы не потерять связи со своей старой жизнью. Глубоко вовлеченной в дела и быт дакотов, он не мог найти в себе силы отбросить все прошлое как ненужный хлам, и теперь этими посещениями связывал себя со своим прошлым, своей армейской жизнью.

Проезжая время от времени в Форт, он, таким образом, поддерживал дисциплину, в которой больше не было нужды. Но поступая так, Данбер одновременно подтверждал свою мысль о том, что он — лейтенант Джон Дж. Данбер, США.

Журнал записей больше не содержал в себе подробных описаний. Большинство из записанного состояло всего из нескольких строк: была проставлена дата, короткий комментарий либо погоды, либо самочувствия, и подпись. Описывать всю свою жизнь, которой он теперь жил — слишком большая и трудная работа. А кроме того, это глубоко личное.

Иногда Данбер прогуливался до реки и бродил некоторое время по вершине скалы. Часто в этих прогулках его сопровождал Два Носка. Волк был его первым знакомым в этих местах, и лейтенант всегда был рад его видеть. Время, проведенное ими вместе в молчании, было дорого для Данбера.

Он останавливался на несколько минут на краю обрыва, наблюдая за течением реки. Если была удачная погода, лейтенант видел свое отражение в воде, как в зеркале. Его волосы отросли и спускались до плеч. Кожа на лице потемнела от солнца и загорела от ветра. Данбер поворачивался то одним боком, то другим, как на приеме у портного, восхищаясь своим украшением, которое он теперь носил на груди постоянно. Раньше он так же носил армейскую форму. Исключая Киско, у него не было ничего, что он мог бы назвать своей собственностью.

Иногда изображение в воде приводило его в состояние конфуза. Он выглядел сейчас почти так же, как любой из индейцев. Когда на него накатывала волна внутреннего противоречия, лейтенант, безмолвно становясь на одну ногу, поднимал вторую достаточно высоко, чтобы вода отразила его форменные брюки с желтыми лампасами, заправленные в высокие армейские ботинки.

Издредка Данбер подумывал о том, чтобы сменить все это на гамаша и мокасины, но отражение всегда говорило лейтенанту, что хотя бы эти предметы одежды принадлежат ему. Некоторым образом брюки и ботинки были частью дисциплины. И он решил, что будет носить их, пока они не придут в полную негодность. А там будет видно.

В другие дни, когда Данбер чувствовал себя больше индейцем, чем белым, он с трудом тащился назад по склону холма, и когда Форт предстал у него перед глазами неизбежно стоящим все на том же месте, призрачные видения прошлого, ушедшего в бесконечную даль, возникали в его голове. Было трудно проверить, что когда-то он был связан с этим местом.

Шло время. Поездки в Форт Сэдрик стали очень редки. Интервалы между ними все увеличивались, а количество все уменьшалось. Но он продолжал посещать свое старое жилище.

III

Деревня Десяти Медведей стала центром жизни Данбера. Несмотря на легкость, с которой лейтенант поселился в лагере, он все-таки оставался сам по себе, один среди индейцев. Цвет кожи, произношение, армейские штаны и ботинки выделяли его из всех, делая просто гостем из другого мира. Подобно Стоящей С Кулаком, в нем теперь соединилось два разных человека.

Его превращение, переход к образу жизни дакотов постоянно смягчались следами той жизни, что осталась позади. Когда Данбер пытался думать о своем предназначении, своем месте под солнцем, его взгляд устремлялся вдаль, неожиданно становясь отсутствующим. Туман — пустой и неубедительный — наполнял его мысли, блокируя все нормальные процессы. Через несколько секунд туман рассеивался, и лейтенант шел дальше по своим делам, даже не вполне осознавая, что с ним происходит.

К счастью, эти наваждения со временем прошли.

Все события первых шести недель, которые Данбер провел в лагере Десяти Медведей, вращались вокруг одного неизменного места — маленькой беседки позади вигвама Брыкающейся Птицы.

Ежедневно, утром и вечером, здесь проводились уроки, длящиеся по несколько часов. Наконец-то Данбер впервые свободно смог поговорить с шаманом.

Стоящая С Кулаком делала успехи. Она постоянно и уверенно прогрессировала и уже бегло могла изъясняться на забытом ею когда-то, а теперь вновь выученном, языке. К концу первой недели все трое могли вести продолжительные беседы.

Лейтенант все время думал о Трепыхающейся Птице. Какой хороший человек этот индеец! И когда Стоящая С Кулаком начинала переводить на английский язык пространные мысли знахаря, Данбер обнаружил, что они не лишены ума, а это было основным критерием оценки людей для лейтенанта. Он радовался, что не ошибся в Трепыхающейся Птице.

В самом начале их разговоры состояли из вопросов и ответов. Лейтенант Данбер рассказал свою историю. Он поведал о том, как он прибыл в форт Сэдрик и обнаружил, что по необъяснимым для него причинам оказался в полной изоляции. Этот рассказ поразил Брыкающуюся Птицу и расстроил, потому что Танцующий С Волками не знал почти ничего из того, что интересовало индейца. Лейтенант не знал даже, в чем заключалась задача армии во время ее пребывания в Форте, и тем более не имел ни малейшего представления о дальнейших планах командования. Индейцу ничего не удалось выяснить о положении дел в армии. Данбер

был просто солдатом.

Но вся белая раса была большой проблемой и сильно отличалась от этого человека.

— Почему белые пришли в нашу страну? — спросил Трепыхающаяся Птица.

— Я не думаю, что они хотели придти на эту землю. Скорее всего, они желали только пересечь вашу страну, — ответил Данбер.

Трепыхающаяся Птица продолжал:

— Техасцы УЖЕ в нашей стране, и они валят деревья и заставляют землю плакать. Они убивают бизонов и оставляют их гнить в траве. Это происходит сейчас. И этих людей УЖЕ слишком много. Сколько еще придет сюда?

Лейтенант пошевелил губами и наконец произнес:

— Я не знаю.

— Я слышал, — говорил Трепыхающаяся Птица, — что белые хотят только мира в этой стране. Почему же они всегда приходят с солдатами? Почему эти усатые Техасские Спасатели преследуют нас, если единственное, чего мы хотим — это остаться одни? Я и мои собраты вели переговоры с вождями белых людей. Эти переговоры были мирными, и нам было дано обещание поддерживать мир. Но я сказал, что обещания никогда не выполняются, а договоры нарушаются. Если белые вожди снова придут к нам, как мы узнаем их настоящие мысли? Должны ли мы принимать их подарки? Подписывать их бумаги в доказательство того, что между нами и ими заключен мир? Когда я был еще ребенком, многие из нашего племени пошли в Дом Правосудия в Техасе на Большую Встречу с белыми вождями, и все сиу там были убиты.

Лейтенант изо всех сил старался найти убедительные ответы на эти вопросы, но все мысленно приводимые им доводы оказывались слишком слабы. Когда Данбер понимал, что не сможет ответить на очередной вопрос Брыкающейся Птицы, он неизбежно повторял:

— Я действительно не знаю.

Ему нужно было быть осторожным, потому что за вопросами угадывалась глубокая заинтересованность Брыкающейся Птицы, а Данбер никак не решался сказать, что же он на самом деле думает. А думал лейтенант о том, что если белые когда-нибудь придут сюда с оружием, индейцы — как бы отважно они ни боролись — будут совершенно беспомощны. Не говоря о численном превосходстве, одного оружия белых будет достаточно, чтобы уничтожить все племя.

В то же время Данбер боялся, как бы индеец не принял его молчание за игнорирование своих вопросов. Лейтенант просто не мог сказать ему правду. Но и лгать шаману он тоже не мог. Эта борьба закончилась вничью, и, полагая, что он нашел выход, Данбер спрятался за глухую стену молчания, надеясь на то, что появятся какие-то новые, более приемлемые предметы для обсуждения.

Однако каждый день, как пятно от краски, не желающее смываться, всегда звучал один и тот же вопрос:

— Сколько еще белых придет сюда?

Постепенно Стоящая С Кулаком стала с нетерпением ждать этих занятий в маленькой беседке из веток.

Теперь, когда Танцующий С Волками был принят племенем, он стал еще большей проблемой. Его связи с обществом белых людей ослабли, но пока он еще представлял опасность. Просто осталось смутное ощущение страха из-за того, что у него белый цвет кожи. О нем перестали думать как о белом солдате. Да он больше и не был похож на солдата.

Поначалу дурная слава, прокатившаяся по деревне из-за этих встреч в беседке, удручала Собранную В Кулак. Занятия с Танцующим С Волками, его присутствие в лагере, и ее ключевая роль в ведении этих уроков обсуждались всей деревней. Это заставляло женщину чувствовать себя неуютно, хотя она постоянно была на виду, и даже занятия проводились всегда в присутствии Брыкающейся Птицы. Особенно она волновалась из-за того, что не выполняет своих обычных обязанностей, возложенных на каждую женщину в лагере. У нее не проходило ощущение, что она просто уклоняется от рутинной работы. И хотя на самом деле Трепыхающаяся Птица сам освободил ее от этого на часы занятий, женщина продолжала переживать.

По прошествии двух недель, однако, она не заметила ни одного раздраженного взгляда, которые так боялась встретить. Наоборот, Стоящая С Кулаком почувствовала даже уважение со стороны соплеменников и теперь наслаждалась этим. Оно произвело большой эффект и оставило отпечаток на ее внешности. Теперь все чаще можно было заметить улыбку на лице этой женщины, а плечи ее стали гораздо прямее. Они уже не несли тяжелый груз забот и горя. Важность новой роли изменили даже ее походку. Каждый в деревне заметил эту перемену — в шагах женщины угадывался теперь присущий ей с детства сильный характер, и она радовалась сейчас обретенной власти. Жизнь ее стала гораздо полнее, и глубоко в душе она знала, что это к лучшему.

Другие тоже знали это.

Однажды вечером Стоящая С Кулаком собирала дрова для костра, когда одна из ее подруг подошла и неожиданно сказала с неким оттенком гордости:

— Люди говорят о тебе.

Стоящая С Кулаком выпрямилась, обдумывая свой ответ.

— Что говорят? — равнодушно спросила она.

— Говорят, что ты умеешь делать то, что делают шаманы. Говорят, что тебе, может быть, нужно изменить имя.

— Какое же имя я должна носить?

— О, я не знаю, — с улыбкой ответила подруга. — Язык Шамана, возможно. Или что-то вроде того. Это всего лишь разговоры...

Шагая бок о бок в сумерках, женщины думали каждая о своем. Стоящая С Кулаком в мыслях возвращалась к недавнему разговору. Женщины уже подошли к окраине деревни, когда она заговорила.

— Мне нравится мое имя, — сказала Стоящая С Кулаком, прекрасно зная, что эти слова, выражающие ее желание, быстро распространятся по лагерю. — Я оставляю его, — закончила она.

Несколько дней спустя, ночью, она шла в вигвам Брыкающейся Птицы, и вдруг неожиданно услышала, как в вигваме, мимо которого она сейчас проходила, кто-то запел. Женщина остановилась послушать и слова песни поразили ее. Голос в хижине распевал:

«У дакотов есть мост. Который перекинут в другой мир. Этот мост — Стоящая С Кулаком».

Слишком взволнованная и смущенная, чтобы слушать дальше, женщина заторопилась домой, чтобы лечь спать. Но там, натянув одеяло до подбородка, она вновь подумала об услышанном. Ничего плохого в самой песне не было. Стоящая С Кулаком повторила про себя слова и неожиданно отметила, что они, кажется, совсем не плохи, даже великолепны.

Этой ночью она спала глубоким сном. Встав на следующее утро, она увидела, что на улице уже совсем рассвело. Быстро поднявшись, чтобы не потерять целый день из-за своего позднего пробуждения, Стоящая С Кулаком вышла наружу и тут же остановилась.

Танцующий С Волками выезжал из деревни, оседлав свою маленькую «оленью шкурку». Эта картина заставила ее сердце сначала упасть, а потом забиться чуть быстрее. Она даже представить себе не могла, что такое может случиться. Женщина не думала, что его отъезд так всколыхнет ее чувства, но мысль о том, что лейтенант может не вернуться, тотчас же отразилась на ее лице. Оно вытянулось, и улыбка, играющая на губах индианки, когда она выходила из вигвама, погасла.

Стоящая С Кулаком поймала себя на том, что ее могут заметить стоящую здесь в таком виде. Она быстрым взглядом обвела лагерь и покраснела.

За ней наблюдал Трепыхающаяся Птица.

Сердце женщины бешено колотилось, пока она пыталась взять себя в руки. Шаман приближался.

— Сегодня мы не будем беседовать, — произнес он, пытливо глядя на Собранную В Кулак. От этого взгляда сердце женщины сжалось в комок.

— Я понимаю, — ответила она ровным тоном, стараясь придать своему лицу нейтральное выражение.

Но в глазах шамана она различила любопытство, к которому примешивалось ожидание. Этот взгляд будто бы просил объяснений. И женщина продолжила:

— Мне нравится разговаривать. Я счастлива, что снова могу произносить слова на языке белых.

— Он захотел навестить Форт белых людей и вернется к заходу солнца, — ломая логическую цепочку диалога, произнес Трепыхающаяся Птица.

Он еще раз взглянул на Собранную В Кулак, и, не сводя с нее глаз, добавил:

— Завтра мы будем беседовать больше.

V

Ее день тянулся, переползая с минуты на минуту. Она наблюдала за солнцем, как уставший клерк наблюдает к концу рабочего дня каждое передвижение секундной стрелки на часах. Ничто не движется так медленно, как время, за которым ты наблюдаешь. Стоящая С Кулаком не могла думать ни о чем другом, кроме этих еле тащащихся минут, и поэтому едва понимала, что делает в тот или иной момент. А руки ее в течение всего дня продолжали выполнять привычную домашнюю работу.

Иногда женщина переставала следить за солнцем, но тогда она погружалась в мечты.

Теперь, узнав Данбера поближе, она заметила в нем такие черты, которые не могли ее не восхитить. Некоторые из них Стоящая С Кулаком приписывала всей белой расе, к которой принадлежала и она сама, а некоторые были присущи только ему. Эти особенности и вызывали у женщины интерес.

Она чувствовала необыкновенную гордость, когда думала о подвигах Данбера, подвигах, о которых знали все люди племени дакота.

Вспоминая, как он вел себя в той или иной ситуации, женщина не могла удержаться от смеха. Иногда лейтенант казался очень забавным, даже смешным. Забавным, но не глупым. В любом случае, он был откровенен и открыт, уважителен и полон хорошего, доброго юмора. Стоящая С Кулаком с облегчением заключала для себя, что все эти качества настоящие, а не наигранные.

Сначала вид нагрудного знака, украшавшего Данбера, показался настолько же неуместным, насколько индейцу шла фуражка лейтенанта. Однако Данбер носил этот типично индейский предмет день за днем, не обращая на него ни малейшего внимания. И никогда не снимал свое украшение, которое красноречиво говорило о том, что он «посвящен» в индейские воины. Было очевидно, что ему нравилось так ходить.

Волосы лейтенанта заметно отросли, и теперь так же спускались ему на плечи, как и у нее самой. Хотя были не такие густые и прямые, как у остальных. Но он не пытался как-то изменить свою прическу.

Данбер не сменил свои ботинки и брюки с лампасами, но носил их так же естественно, как нагрудное украшение.

Стоящая С Кулаком утвердилась в мысли, что Танцующий С Волками — честный, бесхитростный человек. Каждый из людей находит для себя какие-то определенные критерии и качества, по которым он судит о других. Для Стоящей С Кулаком это была честность.

Эти мысли о Танцующем С Волками постоянно крутились в ее голове, не утихая и не исчезая совсем. Когда наступил вечер, она стала думать о нем все больше и больше. Женщина представляла себе, как наступает закат, и Данбер возвращается в деревню. Как они вместе сидят в беседке на следующий день...

Еще одно видение посетило ее, когда Стоящая С Кулаком спустилась к реке и, стоя на коленях у самой воды, наполняла ею кувшин: они вместе в беседке. Он рассказывает о себе, а она слушает. Но только он и она. Вдвоем.

Брыкающейся Птицы рядом нет.

VI

Ее мечты на следующий же день превратились в самую настоящую реальность.

Втроем они только-только опустились на земляной пол в беседке, как пришло известие, что группа молодых воинов просит разрешить им предпринять вылазку против пауни. Из-за того, что не было никаких предварительных разговоров об этом предприятии, а так же потому, что молодые индейцы совсем не имели опыта в этом вопросе, Десять Медведей был вынужден спешно созвать Совет.

Трепыхающаяся Птица был вызван на это заседание, и внезапно Стоящая С Кулаком и Танцующий С Волками остались в беседке одни.

Под ветвями, образующими крышу этого сооружения, повисла такая гнетущая тишина, что оба начали нервничать. Каждый из них хотел говорить, но, поразмыслив, что сказать и как сказать, оба держали рот на замке. И Танцующий С Волками, и Стоящая С Кулаком были абсолютно безмолвны.

Наконец женщина решилась произнести первое слово, но было поздно.

Данбер уже повернулся к ней, сказав робким, но не лишенным твердости голосом:

— Я хочу побольше узнать о тебе.

Стоящая С Кулаком отвернулась, приводя мысли в порядок. Все-таки английские слова давались ей пока с трудом. В попытке облечь свои мысли в конкретные фразы, она начала сначала с запинками, а потом все более ровно:

— Ты... что знать... хочешь знать?

VII

Все остальное утреннее время она рассказывала ему о себе. Рассказ о той поре, когда она была белой девочкой, вызвал у Данбера неподдельный интерес и повышенное внимание. Узнал он и о взятии ее в плен, а потом и о той жизни, которую она вела как индейская женщина, принадлежащая племени дакота.

Когда Стоящая С Кулаком закончила свою историю, лейтенант задал ей вопрос. Как бы она ни хотела, она просто не могла отказать ему.

Он хотел знать, почему она носит это имя — Стоящая С Кулаком. И тогда женщина рассказала о своем появлении в лагере, которое произошло так много лет назад. Воспоминания о первых месяцах в деревне были очень расплывчаты, но тот день, когда она получила это имя, Стоящая С Кулаком помнила хорошо.

Она не была официально никем признана в этом племени, и не была членом этого общества людей. Она всего лишь выполняла работу по дому. Со временем она привыкла к этому, и, старательно трудясь в вигваме и близ него, стала получать более сложные задания. Видя, как успешно она справляется с возложенными на нее обязанностями, ей начали доверять больше. Теперь это была не та лакейская работа, которой она занималась первое время, и она имела теперь представление об образе жизни в прерии. Однако чем дольше она трудилась, тем больше ее обижало собственное низкое положение среди этих людей. Некоторые из женщин племени беспощадно дразнили и всячески докучали ей. Однажды утром она столкнулась у вигвама с самой злой из этих женщин. Будучи молодой и неопытной, Стоящая С Кулаком не имела ни малейшего шанса выйти победителем из этой стычки. Но она выбрала подходящий

момент и сильно толкнула свою обидчицу. Удар пришелся по подбородку и сбил женщину с ног. Стоящая С Кулаком еще раз ударила свою мучительницу так, что та потеряла сознание. И теперь маленькая белая девочка стояла, повернувшись лицом к остальным женщинам, собравшимся тут же, у хижины, со сжатыми кулаками, готовая наброситься на любого, приблизившегося к ней.

Но никто не захотел быть следующим. Все только стояли и смотрели. Через секунду они разошлись каждая в свою сторону и продолжали заниматься прерванной работой, оставив главную обидчицу лежать там, где она упала.

После этого происшествия больше никто не унижал и не задевал маленькую белую девочку. Семья, которая взяла на себя заботы о ней, стала более открыто проявлять свою доброту по отношению к этому существу. Путь, на который она встала, попав в племя дакота, заметно изменился. Теперь ей было намного легче стать одной из них. И с этого дня ее стали называть Стоящая С Кулаком.

Какая-то особенная, добрая теплота наполнила беседку, когда женщина закончила свой рассказ. Лейтенанту Данберу захотелось точно узнать, в какое именно место на подбородке Стоящая С Кулаком ударила ту женщину. Не колеблясь ни секунды, женщина сжала руку в кулак и костяшками слегка дотронулась до челюсти Данбера. После этого жеста лейтенант уставился на нее.

Вдруг его глаза медленно закатились, обнажив белки, и он опрокинулся навзничь.

Это была неплохая шутка, и женщина с удовольствием приняла в ней участие. Она схватила лейтенанта за руку и потянула, помогая ему подняться.

Это прикосновение сослужило хорошую службу. Между ними установились добрые отношения, им стало легко друг с другом. Но как бы хорошо это ни было, неожиданная фамильярность смутила Собранную В Кулак и заставила заволноваться. Она не хотела, чтобы Данбер задал ей вопрос, касающийся ее лично, вопрос о ее положении в настоящее время. Женщина чувствовала, что Данбера интересует именно это, и вопрос уже готов был сорваться с его губ. Призрак слов, которые Танцующий С Волками вот-вот готов был произнести, изменил ее настроение. Неизбежное заставило ее занервничать и замкнуться.

От внимания Данбера не укрылось ее состояние. Он тоже занервничал и, в свою очередь, осекся.

До того, как оба осознали это, между ними снова повисла напряженная тишина.

И все же лейтенант сказал эти слова. Он сам не смог бы объяснить, почему именно этот вопрос крутился у него в голове и рвался наружу, но это было именно так. Он ДОЛЖЕН был спросить. Если бы он не решился на это сейчас, он не решился бы никогда.

Наигранно небрежно он вытянул вперед ногу, зевнул и спросил:

— У тебя есть муж?

Стоящая С Кулаком уронила голову на грудь, уставившись на свои колени. Потом неловко качнула головой и произнесла:

— Нет.

Следующий вопрос «Почему?» уже крутился на кончике его языка, но тут Данбер заметил, как женщина медленно опустила лицо в свои раскрытые ладони. Он замер, выжидая. «Что-то не так?» — подумал лейтенант.

Женщина не двигалась.

В тот момент, когда он решил заговорить, она внезапно вскочила на ноги и выбежала из беседки.

Стоящая С Кулаком так стремительно покинула его, что Данбер не успел даже окликнуть ее. Опустошенный, он в оцепенении сидел в беседке, проклиная себя за то, что не сдержался и задал-таки это вопрос. И все же ему хотелось верить — несмотря ни на что утраченная надежда вернется, а неверный шаг всегда можно исправить. Но сейчас он ничего не мог сделать. Он не мог попросить совета у Брыкающейся Птицы. Данбер даже не мог сейчас поговорить с ним.

Поглощенный своими невеселыми мыслями, лейтенант просидел в одиночестве около десяти минут. Потом встал и направился к стаду пони. Ему необходимо было проехаться верхом.

Стоящая С Кулаком тоже отправилась в прерию, и тоже верхом. Она переправилась через реку и медленно побрела по тропе, извивающейся между валунами на противоположном от деревни берегу. Женщина старалась привести в порядок свои мысли.

Она не считала себя очень удачливой.

То, что она чувствовала к Танцующему С Волками, не укладывалось у нее в голове. Мысли путались, наскакивали одна на другую, суматошно ища себе нужное место. Еще не так давно Стоящей С Кулаком была ненавистна сама мысль о Данбере. А в последние несколько дней она не думала ни о чем другом, кроме него. А сколько было еще противоречий!

Сначала женщина осознала, что перестала думать о своем погибшем муже. Недавно он был для нее всем, был центром всей ее жизни, а теперь оказался так быстро забыт... Она почувствовала себя очень виноватой.

Стоящая С Кулаком развернула пони и отправилась назад, пытаясь выбросить из головы Танцующего с Волками. Мысли о нем она заменила длинными молитвами по своему ушедшему навсегда мужу.

Женщина находилась еще довольно далеко от лагеря, она даже не видела его, когда пони под ней поднял голову и испуганно заржал.

Что-то большое зашевелилось в кустах позади животного и женщины. Хорошо понимая, что такие громкие звуки могло издавать только крупное животное, Стоящая С Кулаком заторопилась домой и подстегнула пони. Животное, хрустящее ветвями кустарника, ломающее их и продирающееся сквозь густые заросли, могло оказаться медведем.

Женщина уже пересекала реку, как вдруг неожиданная но бесполезная, праздная мысль пронзила ее мозг.

«Интересно, видел когда-нибудь Танцующий С Волками медведя?» — спросила она сама себя.

Стоящая С Кулаком замерла, остановившись на полуслове. Она не должна позволять этому происходить не должна постоянно думать о нем. Это было невыносимо.

К тому времени, когда она достигла деревни, женщина, в которой жило сразу два человека, решила для себя окончательно: ее роль переводчицы является всего лишь частью общего плана, общего дела. Такого, например, как торговля. И дальше этого пойти не должно, даже в мыслях.

Она должна прекратить думать о белом мужчине.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

I

Лейтенант Данбер в одиночестве, не торопясь, ехал вдоль реки. Так же, как Стоящая С Кулаком. Только она ехала к югу, а он направлялся на север.

Несмотря на жару, которая все усиливалась, он удалился от реки на милю или две. Данбер двигался по бескрайней степи, и одна мысль прочно засела в его голове. «Если я буду окружен со всех сторон только прерией, мне станет лучше», — думал он.

Настроение Данбера после инцидента в беседке резко упало, и сейчас он находился в самом унылом расположении духа.

Лейтенант снова и снова мысленно возвращался к ее бегству из беседки, пытаясь нащупать, найти что-то, за что можно было бы уцепиться. Но ничего не было. Ему становилось ясно, что их разрыв, должно быть, окончательный, и из-за этого он чувствовал себя ужасно. Это он сам, уже ухватившись было за нечто замечательное, почти достигнув желаемого, вдруг выпустил его из рук, позволил ему ускользнуть.

Данбер безжалостно ругал себя на чем свет стоит за то, что не бросился вслед за ней. Если бы он сделал это, в настоящий момент они, возможно, счастливо беседовали бы в тени ветвей, шатром поднимающихся у них над головой. Когда Данбер подумал об этом, что-то нежное всколыхнулось в его душе, какое-то приятное ощущение, ожидание счастья. Но что бы это ни было, оно посетило его лишь на мгновение, а потом испарилось.

Джон хотел рассказать Кристине о себе. Теперь это, по всей вероятности, никогда не случится.

Он хотел сейчас снова вернуться в беседку вместе с ней. Но вместо этого лейтенант бродил по степи, как потерянная душа под палящими лучами солнца.

Лейтенант никогда еще не уходил так далеко к северу от лагеря, и сейчас был удивлен тем, как разительно отличались эти места от тех, что были расположены южнее. Здесь действительно холмы были холмами, а не теми маленькими шишечками, едва выступающими из травы. Они поднимались прямо перед ним, а от холмов тянулись во все стороны глубокие, оскалившиеся острыми выступами каньоны.

Невыносимый зной, усугубленный непрекращающимся самокритицизмом, довел Данбера до того, что его мозги начали плавиться. Он неожиданно почувствовал головокружение, и слегка толкнул Киско в бока коленями. В полумиле впереди от себя Данбер заметил тенистое местечко — там начинался черный каньон, разрезающий прерию на части. Сейчас лейтенант направлялся туда.

Стены по обе стороны путников поднимались на сто футов вверх, а казались еще выше. Темнота, окутавшая лошадь и всадника, несла с собой освежающую прохладу. Они начали осторожно продвигаться по усыпанному камнями дну ущелья, и место вдруг показалось

Данберу зловещим. Впереди стены сходились, приближались друг к другу, и каньон становился все уже и уже. Лейтенант чувствовал, как мускулы Киско начали нервно подрагивать, и в абсолютной тишине наступающего вечера Данбер ясно различал гулкие удары своего сердца.

Его поразила появившаяся вдруг уверенность, что он вошел в какой-то древний мир. Может быть, это был ад?

Лейтенант начал уже подумывать о возвращении, как вдруг каньон стал расширяться. Далеко впереди, в просвете между стен, лейтенант увидел заросли высокой травы. Верхушки этого травостоя переливались в лучах солнца, играющих на их стеблях и перебегающих к вершинам.

Преодолев несколько извилистых поворотов и обойдя наиболее крупные камни, лежащие прямо на их пути, Данбер и Киско оказались на свободе. Они выбрались из ада прямо на чистое пространство первозданной, нетронутой природы. Здесь и росла та высокая трава, что он заметил из ущелья. Даже в засушливое лето, под палящими лучами солнца растительность оставалась зеленой и свежей. И хотя реки поблизости видно не было, лейтенант знал, что вода должна быть где-то недалеко.

«Оленья шкурка» изогнул шею и принялся. Воздух потоками входил в его ноздри, расширяя их при каждом вдохе. Он тоже, должно быть, испытывал жажду, и Данбер отпустил поводья. Киско исследовал траву и прошел еще сотню ярдов, приблизившись к основанию каменной стены, которая была окончанием каньона. Здесь он остановился.

У его ног бил маленький родничок. Он был не более шести футов шириной. Водоросли, пустившие свои корни в грунт на его дне, выросли, и теперь их листья покрывали поверхность водоема сплошной пеленой. Не успел лейтенант отпрыгнуть в сторону, как морда Киско с силой ткнулась в воду, раскидав водоросли и подняв тучу брызг. Лошадь жадно пила живительную влагу, делая большие глотки.

Лейтенант опустился на одно колено рядом с Киско и окунул руки в воду у самого бережка. В этот момент что-то попало в поле его зрения. Это была расселина у основания каменной стены. Она уходила вглубь утеса и была достаточно высока у своего начала, чтобы человек мог пройти не нагибаясь.

Лейтенант Данбер наклонился к источнику. Его губы коснулось воды рядом с Киско, морда которого все еще продолжала торчать в роднике. Данбер быстро напился, снял поводья с шеи лошади и опустил их на землю рядом с ключом, а сам вошел в темноту расселину.

Внутри утеса было удивительно прохладно. Расселина не имела второго входа. Это была просто пещера. Земля под ногами была мягкой и, насколько Данбер мог видеть, это место пустовало. Но скользнув взглядом по полу, лейтенант увидел следы пребывания в ней человека. Угли от тысячи костров были разбросаны по земле, похожие на выщипанные перья.

Свод пещеры начал сужаться по мере того, как Данбер продвигался все дальше и дальше вглубь. Когда лейтенант дотронулся до потолка, копоть от множества горевших здесь костров окрасила кончики его пальцев в черный цвет.

Чувствуя необычайную легкость, с просветленной головой, Данбер сел, и его ягодицы так сильно ткнулись в землю, что он вскрикнул.

Лейтенант сидел и смотрел в ту сторону, откуда только что пришел. Вход в пещеру находился в сотне ярдов от него, и сейчас напоминал скорее окно, распахнутое в вечер. Киско пощипывал в высокую сочную траву, что росла у источника. Позади лошади высокий травостой шелестел на

ветру, заходящее солнце играло бликами на листьях растений, и они превращались в зеркала, отражающие солнечные лучи. Когда вечерняя прохлада забралась в пещеру и окутала Данбера, он вдруг задрожал, почувствовав всепоглощающую усталость. Лейтенант улегся на спину, соорудил из замкнутых за голову рук подушку и усталился в потолок. Матрацем ему служила мягкая песчаная почва.

Крыша, которую образовывал свод каменной пещеры, почернела от дыма, но тем не менее на ней были отчетливо видны какие-то знаки. Глубокие насечки прорезали камень и когда Данбер внимательнее присмотрелся, он вдруг догадался, что сделаны они человеческими руками.

Данбера начал одолевать сон, но он, зачарованный, продолжал смотреть на эти следы человеческого прикосновения. Он пытался найти объяснение этим линиям. Может быть, какой-нибудь мечтатель, любящий смотреть на звездное небо, протянул нити, чтобы соединить по звездам в одно целое очертания Тельца? Не успел Данбер закончить свою мысль, как линии тотчас же встали на место. Это был бизон, нарисованный очень грубо, но, тем не менее, имеющий все необходимые детали. Даже маленький хвостик находился там, где ему и положено быть.

Рядом с бизоном был нарисован охотник. Он держал в руках копьё, и оно было направлено на животное.

Теперь дорога для сна была открыта. Ему пришла в голову мысль, что родник мог быть чем-то заражен, когда незаметно отяжелевшие веки опустились, закрыв глаза лейтенанта.

Но даже с закрытыми глазами, Данбер продолжал видеть бизона и охотника. И охотник был знаком ему. Нельзя было сказать, что Данбер знал именно этого человека, но что-то в его лице носило отпечаток черт лица Брыкающей Птицы. Что-то, что не изменилось за многие сотни прошедших лет.

Потом Данбер сам стал охотником...

Потом... потом ничего. Все ушло.

II

Деревья стояли, скрипя обнаженными ветвями. Листья они потеряли еще осенью.

Снег покрыл землю.

Было очень холодно.

Большой круг невероятно огромного количества солдат безжизненно стоял и ждал. Каждый держал винтовку сбоку от себя.

Он переходил от одного человека к другому, вглядываясь в их голубые от мороза лица, выискивая признаки жизни. Ни один не узнал его, никто не пошевелился.

Впереди них он увидел своего отца. Докторской саквояж, служивший постоянным предметом для сплетен и пересудов, свешивался из его руки как естественное продолжение тела. Он видел своего друга детства, выросшего и возмужавшего. Он видел мужчину — хозяина бойни в их старом городке. Этот человек забивал лошадей, которые сошли с круга. Он видел Генерала Гранта, все еще похожего на сфинкса. Солдатская фуражка венчала его голову. Он видел человека в одежде священника. Этот человек плакал. Он видел

проститутку. Ее ничего не выражающее лицо было похоже на маску покойника. И даже румяна и пудра на ее лице не меняли ровным счетом ничего. Разве что делали сходство еще очевиднее. Он видел свою полногрудую школьную учительницу. Он видел дорогое лицо своей матери. Слезы застыли у нее на щеках.

Бесконечная, огромная армия персонажей из его жизни проходила у него перед глазами, и, казалось, ей не будет конца.

Были здесь и орудия — громадные медные пушки на колесах.

Кто-то подошел к стоящему в ожидании кругу солдат.

Это был Десять Медведей. Он мягко двигался в ломком морозном воздухе, его одежда состояла из единственного одеяла. Оно было обмотано вокруг его обнаженных плеч. Глядя с любопытством, как турист, он подошел вплотную к одной из пушек и встал напротив дула.

Иссохшая модно-коричневая рука выпросталась из-под одеяла в желании почувствовать, ощутить холодный металл ствола орудия.

Пушка выстрелила, и Десять Медведей окутало густым облаке дыма. Верхняя половина его тела, переворачиваясь на лету, медленно поднялась в мертвое зимнее небо. Кровь полилась из того места, где еще недавно была грудь, как вода из шланга. Вместо лица зияла пустота. Косицы его волос лениво отделились от ушей и улетели прочь.

Тут выстрелили остальные пушки и, как это случилось со старым индейцем, вигвамы его деревни приняли огонь. Двигаясь по спирали, они рассекали пространство подобно тяжелым бумажным конусам, а когда опускались вниз, втыкались в затвердевшую как железо землю своими заостренными макушками.

Теперь армия стала безлична. Как стадо веселых купальщиков, толкущихся на побережье в жаркий день, она бросилась на людей, которые остались без последнего прикрытия — их вигвамы стояли вверх тормашками и не могли служить защитой.

Маленькие дети и совсем грудные младенцы были первыми отброшены в сторону. Их подкинули высоко в воздух, и голые ветви затвердевших от мороза деревьев вонзились в маленькие тельца. Дети кричали, плакали, извиваясь и корчась от боли, а их кровь стекала по веткам, по стволам деревьев, пока армия заканчивала свою работу.

Солдаты вскрывали мужчин и женщин, как будто это были пакеты с подарками, приготовленные на Рождество. Выстрелом в голову сносились верхняя часть черепа, потом штыком вспарывался живот и нетерпеливыми руками сдиралась кожа. После этого отчленились руки ноги и остальные части тела. Все это хорошенько вытрясалось.

Внутри каждого индейца были деньги. Серебро дождем сыпалось из отрезанных частей. Бумажные доллары извергались потоком из распоротых животов. Золото светилось в раскромсанных черепах, как леденцы в банке.

Великая армия погрузилась в фургоны и поехала прочь. Фургоны доверху были полны богатств. Некоторые из солдат бежали рядом с повозками, подбирая упавшее на землю добро.

Теперь в рядах самой армии завязалась воина, и долго еще после этого, как армия исчезла из вида, раздавались звуки этой битвы, эхом разносясь в разные стороны И отовсюду было

видно сияние завоеванных армией драгоценностей.

Но один солдат остался, не исчез вместе со всеми. Он печально бродил по полю, усеянному трупами.

Это был он сам — Данбер.

Сердца расчлененных людей все еще бились, стуча в унисон с ритмом шагов удаляющихся солдат.

Данбер сунул руку под китель и стал наблюдать, как та поднимается и опускается с каждым биением его собственного сердца. Он увидел, как его дыхание застывает клубком пара перед лицом. Вскоре он и сам замерзнет.

Он лег среди трупов и, распростершись, издал протяжный, полный скорби стон. Этот звук помимо воли слетел с его губ. Вместо того, чтобы угаснуть, звук наоборот набрал силу. Он раздавался, кружась над пропитанной кровью землей, торопясь и убыстряя свой бег. Полное горя послание проносилось мимо его ушей, и он никак не мог его понять.

III

Лейтенант Данбер промерз до костей.

Его окружала темнота.

Ветер свистел в закоулках пещеры.

Лейтенант вскочил, подпрыгнув вверх. Ударившись головой о каменный потолок, он тут же упал на колени. Глядя на изгибы стен в пещере, он заметил серебрянный свет, струящийся через вход. Лунный свет.

Запаниковав, Данбер на четвереньках пополз к выходу, держа одну руку над головой и нащупывая потолок. Когда он смог встать во весь рост, он со всех ног понесся к выходу и не замедлял шага до тех пор, пока не оказался на открытом месте, омываемый бриллиантовым светом луны.

Киско не было.

Лейтенант свистнул высокой трелью, подзывая его.

Ничего.

Тогда Данбер прошел немного по степи и свистнул снова. Его слух уловил какое-то движение в зарослях деревьев и травы. Потом послышалось приглушенное ржание и гнедая спина Киско сверкнула в матовой темноте подобно янтарю. Лошадь вышла из-за деревьев.

Данбер направился к роднику, возле которого он оставил днем поводья. Вдруг раздался какой-то звук. Может быть, это ветер шевельнул листья, а может, это чьи-то крылья рассекли воздух. Лейтенант оглянулся и заметил рыжевато-коричневое пятно, пронесшееся над головой Киско. Этим пятном оказалась крупная рогатая сова. Она сделала крутой вираж, взмыла вверх и наконец исчезла в ветвях самого высокого хлопкового дерева.

Полет совы был таким пугающе неожиданным и даже неестественным, что, должно быть, произвел на Киско такое же впечатление. Когда лейтенант подошел к нему, маленькая

лошадка нервно вздрагивала.

IV

Из каньона они возвращались той же тропой, что привела их сюда. Очувтившись снова на открытом пространстве степи, Данбер испытал такое же чувство, какое испытывает ныряльщик, поднявшись наконец после долгого пребывания под водой на поверхность.

Лейтенант почти лег на шею Киско, а лошадь несла его на себе по серебристой от лунного света земле, перейдя в легкий галоп.

Эта скачка приободрила Данбера, который был сильно взволнован. Он боялся очнуться, ожить и осознать расстояние, разделявшее его со странным, не поддающимся логике сном. Неважно, откуда пришли эти видения, и неважно, что они могли значить. Образы были слишком свежи и слишком глубоки, чтобы сейчас он мог истолковать их по-новому. Данбер постарался переключиться с этой галлюцинации на другие мысли, слушая, как дробно стучат копыта Киско.

Энергия наполняла его, перехлестывая через край. Она росла с каждой оставленной позади милей. Он чувствовал свою силу в легком, непринужденном шаге Киско, он чувствовал ее в единстве со своей лошадью и прерией, в ожидании и предвкушении возвращения в деревню, которая сейчас была его домом. В тайниках своего разума Данбер лелеял мысль, что там, в деревне, он сможет поговорить с Стоящей С Кулаком, и там его гротескный сон должен будет пересечься с реальностью в будущем.

Какое-то время, однако, эти вещи не казались ему столь уж значительными. В конце концов, они ничем не грозили ему. Неожиданно его поразила новая мысль: его жизнь, как жизнь человеческого существа, до сих пор была чистым листом бумаги, в котором автор не написал еще ни строчки. Вся его предыдущая история была стерта с этого листа. Будущее открывалось перед ним во всем своем великолепии, полном неожиданностей и непредсказуемых событий, словно он только сегодня родился. От этого прозрения душа Данбера воспарила высоко в поднебесье. Он был единственным человеком на земле, королем без подданных, бродящим по безграничным просторам своей жизни.

Его радовало, что племя, в котором он жил, было дакотами, а не шайеннами. Прозвище дакота, услышанное или прочитанное где-то в своем умершем прошлом, он сейчас вспомнил.

Повелители Прерий — вот как их называют. И он был одним из них.

В порыве мечтаний Данбер отпустил поводья, скрестил руки на груди, положив ладонь на ладонь и прижав обе к знаку, постоянно украшающему его грудь.

— Я — Танцующий С Волками! — громко прокричал он. **— Я — Танцующий С Волками!**

V

Трепыхающаяся Птица, Ветер В Волосах и несколько других воинов сидели у костра, когда из ночи на свет огня выехал Данбер.

Шаман был настолько обеспокоен, что выслал маленькие отряды разведчиков в четырех направлениях на поиски белого солдата. Но всеобщую тревогу он еще не объявлял. Все было сделано тихо. Разведчики вернулись без каких-либо известий, и Трепыхающаяся Птица выбросил эту мысль из головы. Когда дело касалось предметов, не попадающих в сферу его

влияния, он всегда доверялся мудрости Великого Духа.

Но еще больше, чем исчезновение Танцующего С Волками, его беспокоило то, что он заметил в лице и поведении Стоящей С Кулаком. Оправдывая свое имя, шаман уловил необъяснимый дискомфорт в душе этой женщины. У него сложилось ощущение, что она что-то скрывает.

«Но это тоже», — решил индеец, — «неподконтрольно мне». «Если что-то важное и произошло между ними, в свое время все объяснится».

Он был обрадован появлением гневной «оленьей шкурки», и его всадником, едва они ступили в полосу света от костра.

Лейтенант легко соскользнул со спины Киско и приветствовал мужчин на языке дакотов. Они, в свою очередь, тоже приветствовали его, а потом застыли в ожидании, надеясь, что Данбер расскажет им что-нибудь важное по поводу своего исчезновения.

А Данбер стоял перед ними, как незванный гость, и теребил пальцами поводья Киско, поглядывая на сидящих индейцев. Каждый из них видел, что лейтенант усиленно раздумывает над чем-то.

Через несколько секунд он устремил на Брыкающуюся Птицу прямой, открытый взгляд, и шаман вдруг поймал себя на мысли, что никогда еще не видел лейтенанта таким спокойным и уверенным в себе.

Вдруг Данбер улыбнулся. Эта слабая, едва тронувшая уголки губ улыбка была полна доверия.

На чистом языке дакотов Данбер произнес:

— *Мое имя — Танцующий С Волками.* — После этих слов он повернулся спиной к огню и повел Киско к реке на водопой.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

I

Первый Совет, собранный старым вождем, завершился безрезультатно. Но на следующий после возвращения лейтенанта Данбера день состоялось еще одно заседание, и на этот раз решение было принято, а компромисс найден.

Вместо того, чтобы отправиться немедленно, как просили молодые воины, для подготовки к военной вылазке против пауни отводилась неделя. Также было решено, что в отряд войдут опытные воины.

Ветер В Волосах выразил желание возглавить отряд, и Трепыхающаяся Птица тоже хотел бы присоединиться. Он аргументировал это тем, что его способности и связь с Великим Духом могут оказать неоценимую услугу в критических ситуациях. Да и просто неплохо иметь в отряде человека, который всегда подскажет, где лучше устроить временный лагерь, когда начать атаку и всегда предупредит о приближении темных сил, в скором появлении которых он был уверен. Это должен быть маленький отряд общей численностью около двадцати человек, и они должны будут больше искать добычу, чем мстить.

Эта группа индейцев вызвала огромный интерес, потому что в ее состав вошли несколько совсем молодых воинов, которые будут принимать участие в подобных действиях впервые.

Вдобавок к этому, их поведут за собой самые заслуженные воины старшего поколения. Короче говоря, само событие было достаточно неординарным для того, чтобы нарушить обычный рутинный образ жизни всех обитателей лагеря Десяти Медведей и внести в него оживление.

Относительное спокойствие Данбера, почти нарушенное странным днем и ночью, проведенными в каньоне, тоже претерпело изменения. Так хорошо начинавшиеся встречи в тенистой беседке сейчас были прерваны, и даже спустя два дня так и не нашли продолжения.

Трепыхающаяся Птица, целиком погруженный в приготовления к предстоящей вылазке, был счастлив переключить свое внимание на планирование этой акции. Стоящая С Кулаком была рада этому неожиданному периоду отчуждения, как и Танцующий С Волками. Ему было совершенно ясно, что женщина изо всех сил старается держаться на расстоянии. И он почувствовал облегчение от того, что увидел: окончание их уроков наступило по одной-единственной причине — на их продолжение не было приказа Брыкающейся Птицы.

В свою очередь, подготовка к военному походу настолько заинтриговала его, что Данбер тенью следовал за Трепыхающейся Птицей, стараясь ничего не упустить.

Шаман, казалось, был одним из тех колесиков, которые соединяют весь механизм в единое целое и приводят его в движение. Он объединял собой весь временный лагерь, и Танцующий С Волками был восхищен тем, что не составлял исключения, пусть даже будучи просто наблюдателем. Не совсем хорошо понимая язык, он большей частью догадывался, о чем говорили индейцы, и набирался все больше опыта в языке жестов и взглядов, которые Стоящая С Кулаком изредка позволяла себе в течение последних дней перед тем, как отряд покинул лагерь.

Это была первая ступень образования для лейтенанта Данбера. Он присутствовал на многочисленных собраниях, используя малейшую возможность, относясь к каждому участнику предстоящего похода с заботой и тактом. Читая между строк, он замечал среди множества выдающихся качеств Брыкающейся Птицы еще одно: шаман обладал удивительной способностью заставить любого человека почувствовать себя чуть ли не самой важной персоной в приближающейся экспедиции.

Танцующий С Волками много времени проводил со своим приятелем — индейцем по имени Ветер В Волосах. Из-за того, что воин сражался с пауни не один раз, его рассказы об этих вылазках пользовались спросом. Фактически, они служили примером для готовящихся к войне молодых бойцов. Незапланированные уроки по ведению боевых действий ежедневно собирали у вигвама опытного воина многочисленных слушателей. По мере того, как бежали дни, Танцующий С Волками тоже заразился общей болезнью — подготовкой к войне.

Сначала инфекция давала о себе знать не слишком сильно. Это было не более, чем просто ленивые мысли о том, на что будет похожа такая вылазка. Вдруг случайно Данбер осознал, что всерьез думает принять участие в войне против врагов дакотов. Эта мысль переросла в твердое решение.

Он терпеливо выжидал, когда наступит подходящий момент и он сможет попросить Брыкающуюся Птицу о том, чтобы пойти с ними. Не раз у Данбера появлялась возможность заговорить об этом, но он постоянно упускал момент, и с его языка не сорвалось ни одного слова. Лейтенант больше всего боялся (и сам стеснялся своего страха), что кто-нибудь скажет ему «нет».

За два дня до отъезда отряда большое стадо антилоп было замечено близ лагеря, и группа

воинов, включая и Танцующего С Волками, выехала в прерию, чтобы добыть мяса.

Пользуясь той же тактикой, что и при охоте на буйволов — окружением — мужчины смогли убить около шестидесяти животных.

Конечно, свежее мясо — это всегда радость. Но еще более важно, что появление антилоп и удачная охота на них были восприняты как предзнаменование. Маленькая военная вылазка против пауни должна будет принести хорошие результаты. Мужчины, уходящие на войну, будут более неуязвимы, зная, что их семьи остаются с большим запасом пищи. Даже если сами они будут отсутствовать несколько недель, голод людям в деревне не грозит.

Танец в знак благодарности Великому Духу состоялся в тот же вечер, и у каждого было хорошее настроение. У всех, кроме Танцующего С Волками. Когда на землю опустилась ночь, Данбер с некоторого расстояния наблюдал за танцующими, становясь все более и более угрюмым. Сейчас он мог думать только о том, что будет оставлен в лагере. Оставлен в то время, как самые храбрые воины и совсем неопытные юнцы встанут на тропу войны. Эта мысль была невыносима.

Лейтенант обходным маневром приблизился к Стоящей С Кулаком и, когда круг танцующих распался, он был как раз рядом с женщиной.

— Мне нужно поговорить с Трепыхающейся Птицей, — произнес Данбер.

«Что-то не так», — подумала Стоящая С Кулаком. — «Тут что-то не то». Она вглядывалась в его глаза, пытаясь найти ключ к разгадке. Это ей не удалось.

— Когда? — спросила она наконец.

— Сейчас.

II

Сколько Данбер ни старался, он никак не мог успокоиться. Он нервничал и дергался, что было совсем нехарактерно для него. Когда они все трое шли к хижине, и Стоящая С Кулаком, и Трепыхающаяся Птица заметили его состояние.

Возбуждение лейтенанта все еще прорывалось наружу, когда все заняли свои места в вигваме Брыкающейся Птицы. Индеец быстро покончил с обычными формальностями и сразу перешел к делу.

— Говори, что ты хотел сказать, — начал он, а Стоящая С Кулаком перевела эти слова Данберу.

— Я хочу пойти. — Данбер едва справлялся со своим волнением, и фраза получилась корявая, как обрубленное топором полено.

— Пойти куда? — спросил Трепыхающаяся Птица.

Танцующий С Волками нетерпеливо приподнялся, непроизвольно стараясь убедить индейца в своем искреннем желании.

— Против пауни.

Стоящая С Кулаком произнесла эти слова для Брыкающейся Птицы на языке дакотов. Не считая того, что глаза шамана при этом расширились, он остался неподвижен. Потом

произнес:

— Почему ты хочешь сражаться с пауни? Они ничего не сделали тебе.

Танцующий С Волками задумался всего на мгновение.

— Они враги дакотов, — ответил он.

Трепыхающейся Птице не понравился ответ. В просьбе Данбера было что-то нелогичное. Танцующий С Волками явно торопился, опережая события.

— Только воины дакоты могут принимать участие в этой войне, — ровным голосом произнес индеец.

— Я был воином в армии белых людей дольше, чем некоторые из этих молодых воинов, которые только собираются научиться воевать. Кое-кто из них увидит войну в первый раз, — прозвучал ответ Данбера, не лишенный некоторой заносчивости.

— Они учились сражаться, как дакоты, — мягко возразил шаман. — А ты — нет. Привычки и действия белых людей совсем не такие, как у нас.

Танцующий С Волками почувствовал, как самая маленькая толика решимости, ранее переполнявший его, теперь оставляет свои позиции. Он знал, что проигрывает. Упавшим голосом Данбер медленно выдавил из себя:

— Я не смогу научиться сражаться так, как дакоты, если останусь в деревне.

Трепыхающаяся Птица встретился с трудностями. Ему не хотелось, чтобы произошло то, о чем его просил лейтенант.

Он испытывал глубокую симпатию к Танцующему С Волками. Белый солдат находился под его ответственностью, и белый солдат показал, что стоит того, чтобы Трепыхающаяся Птица пошел на риск и взял его в свой отряд. Он стоит даже большего.

Но, с другой стороны, шаман думал о своем высшем предназначении, о положении, освященном высшей мудростью. Он был мудр сейчас и был способен понять, что мир достаточно хорош для того, чтобы сослужить большую службу людям его племени.

Трепыхающаяся Птица находился на какое-то время на распутье: любовь к одному человеку боролась в нем с чувством долга перед обществом, которому индеец принадлежал. Бесспорно, он знал это. Вся его мудрость подсказывала, что нельзя допустить ошибку, нельзя взять с собой Танцующего С Волками.

Пока он вел внутреннюю борьбу, стараясь найти альтернативу, он услышал, как Танцующий С Волками сказал что-то Стоящей С Кулаком.

— Он просит, чтобы ты пошел в вигвам Десяти Медведей и поговорил с вождем об этом, — перевела женщина.

Трепыхающаяся Птица посмотрел в глаза своего «протезе», полные надежды, и заколебался.

— Я сделаю это, — сказал он наконец.

III

Танцующий С Волками плохо спал в эту ночь. Он был слишком перевозбужден и не мог заставить себя успокоиться. Сон не приходил. Он знал, что никакого решения не будет принято до следующего дня, и этот день, даже и утро, казались Данберу слишком далекими. Он засыпал на десять минут, а потом просыпался и бодрствовал минут двадцать, пока снова не проваливался в сон. И так всю ночь. За полчаса до рассвета он наконец расстался с мыслью об отдыхе и спустился к реке, чтобы умыться.

Сама мысль об ожидании принятого Брыкающейя Птицы решения была невыносима, и Данбер подпрыгнул от радости, когда Ветер В Волосах предложил ему поехать вместе с ним на разведку — поискать бизонов. Они отправились на восток и ушли на такое расстояние, что смогли вернуться в лагерь только к вечеру.

Данбер позволил Большой Улыбке отвести Киско в стадо пони и с бешено бьющимся сердцем вошел в вигвам Брыкающейя Птицы.

Внутри никого не было.

Данбер жутко разочаровался. Ждать, пока кто-нибудь не вернется! Как долго тянется время! Вдруг за задней стеной хижины лейтенант услышал женские голоса. Они сливались со стуком, который должен был означать, что там, за вигвамом, спорится работа. Чем дольше Данбер прислушивался, тем меньше он себе представлял, что там может происходить. Прошло несколько минут. Любопытство взяло верх и вынесло Данбера наружу.

Прямо позади хижины Брыкающейя Птицы, в нескольких ярдах от беседки, он обнаружил Собранную В Кулак и жен шамана. Они уже почти завершили свою работу, и теперь на том месте, где раньше была голая земля, возвышался только что построенный вигвам.

Женщины заканчивали последний шов на шкурах, покрывающих жерди, которые служили основанием сооружения. Им оставалось всего несколько стежков, и пока они трудились, Данбер несколько минут наблюдал за работой, прежде чем заговорил.

— Где Трепыхающая Птица? — обратился он к Стоящей С Кулаком.

— У старого вождя, — ответила она.

— Я подожду его, — сказал Танцующий С Волками, поворачиваясь, чтобы уйти.

— Если хочешь, — не поднимая глаз от работы, робко произнесла женщина, — можешь подождать здесь.

Она на мгновение остановилась, чтобы вытереть пот, стекающий ручьями у нес по вискам, и повернулась к Данберу.

— Мы делаем эту хижину для тебя.

IV

Разговор с Десятью Медведями был недолгим, по крайней мере, его основная часть.

Старый вождь был в хорошем расположении духа. Его старческим костям нравилась жаркая погода, и хотя сам он не собирался в поход, перспектива удачной вылазки против ненавистных пауни поднимала ему настроение. Его внуки сновали вокруг, катаясь как сыр в масле в летние погожие дни, и все три его жены были особенно приветливы в последнее время.

Трепыхающаяся Птица не мог бы выбрать более подходящего момента для встречи со старым индейцем, чтобы поговорить о столь деликатном деле.

Пока шаман рассказал вождю о просьбе Танцующего С Волками, Десять Медведей внимательно слушал. Он заново набил табаком свою трубку, прежде чем сказать что-либо в ответ.

— Ты описал мне, что в его сердце, — просипел наконец старик. — А что в твоём?

Он предложил трубку Трепыхающейся Птице.

— Мое сердце подсказывает мне, что он слишком нетерпелив. Он хочет слишком многого и слишком скоро. Он воин, но не воин дакота. И он никогда не сможет стать полностью одним из нас.

Десять Медведей улыбнулся.

— Ты всегда говоришь хорошо, Трепыхающаяся Птица. И ты хорошо все понимаешь.

Старый воин раскурил свою трубку и передал ее шаману.

— А теперь скажи мне, — произнес старейшина, — зачем тебе понадобился мой совет и будешь ли ты следовать ему?

V

В первый момент это было крайнее огорчение и разочарование. Единственной вещью, с которой можно было сравнить — понижение в звании. Но случившееся сегодня расстроило лейтенанта даже больше, чем офицера могло бы расстроить разжалование. Данбер еще никогда в жизни не был так разочарован.

И еще он был потрясен тем, как быстро прошла эта обида. Это случилось почти сразу после того, как Трепыхающаяся Птица и Стоящая С Кулаком покинули хижину.

Он лежал на новой постели в своем новом доме в раздумьях о происшедшей с ним перемене. Прошло всего несколько минут с того момента, как он услышал решение индейца, а он уже успел и сильно огорчиться, и прийти в себя. Остался только легкий осадок грусти.

«Есть что-то особенное в моем пребывании здесь», — думал Данбер, — «среди этих людей. Это имеет прямое отношение к тому, что я остаюсь чистой душой, не испорченным цивилизацией белых людей».

Трепыхающаяся Птица сделал все очень продуманно. Он пришел, ведя за собой двух женщин, которые несли принадлежности для постели. Одна из них была его жена, вторая — Стоящая С Кулаком. После того, как новая кровать была заправлена, жена удалилась, а оставшиеся трое — Трепыхающаяся Птица, Стоящая С Кулаком и Танцующий С Волками — стояли повернувшись лицом друг к другу в центре хижины.

Индеец никогда не отказывался от принятого им решения, даже если оно могло причинить ему вред. И сейчас он просто начал говорить:

— Будет хорошо, если ты будешь продолжать беседы с Стоящей С Кулаком, когда я уеду. Ты должен делать это в моем вигваме, так, чтобы моя семья могла видеть это. Я хочу, чтобы мои

жены знали о тебе все, пока меня не будет. И я хочу, чтобы ты тоже знал все о них. Мне будет лучше, если я буду уверен, что ты присматриваешься за моей семьей и заботишься о ней, когда я далеко от нее. Приходи к моему очагу и ешь, если ты голоден.

Как только приглашение к ужину было сделано, шаман круто развернулся и вышел из хижины. Стоящая С Кулаком последовала за ним.

Наблюдая за их уходом, Танцующий С Волками был удивлен тем, что почувствовал, как его депрессия испаряется. Вместо нее появляется хорошее настроение. Он больше не чувствовал себя маленьким, не имеющим никакого значения человеком в этой деревне. Он вырос в собственных глазах.

Семья Брыкающейся Птицы будет находиться под его защитой, и мысль о том, что он сможет послужить шаману, исполняя эту ответственную роль, была именно тем, о чем он не смел даже мечтать. Он снова сможет быть рядом с Стоящей С Кулаком, и от этого его сердце радостно забилося.

Отряд воинов уйдет на какое-то время. Может быть, их не будет очень долго. Это даст ему возможность выучить множество новых слов из языка дакотов. И во время занятий — он знал это абсолютно точно — он будет узнавать гораздо большее, чем просто язык. Если он будет трудиться очень усердно, то сможет подняться на целую ступень выше к тому времени, когда отряд вернется. Ему нравилась эта идея.

По лагерю разнеслась барабанная дробь. Большой танец, символизирующий прощание с уходящими, уже начинался, и Данбер хотел посмотреть его. Он любил индейские танцы.

Танцующий С Волками скатился с кровати и оглядел свое жилище. Сейчас оно было пустым, но уже до этого момента уже могло бы быть отмечено маленькими, едва заметными следами его жизни. Данберу было приятно думать о вещах, которые могли бы носить отпечаток его существования.

Он вышел через дверь, которой служила откинутаая сейчас вверх шкура, и задержался снаружи, остановившись в сгущающихся сумерках. Лейтенант весь день мечтал о своей дальнейшей жизни, новый виток которой должен будет начаться после ужина. Дым от костров, где готовилось кушанье, был густым и клубами поднимался в небо. Запах горящего дерева, смешивающийся с запахом наступающей новизны, благотворно влиял на Данбера.

В голову Танцующего С Волками пришла одна мысль.

— Мне нужно остаться здесь, — сказал он себе, — это намного лучшая идея.

И он направился в ту сторону, откуда раздавался бой барабанов.

Данбер достиг главной улицы и здесь встретился с двумя воинами, которых хорошо знал. Знаками они спросили его, будет ли он танцевать сегодня ночью. Ответ Танцующего С Волками был настолько утвердителен, что заставил мужчин рассмеяться.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

I

Как только отряд покинул лагерь, вся деревня погрузилась в обычные, рутинные заботы. Их жизнь потекла своим чередом: бесконечные передвижения от восхода до заката, которые

заставляли прерию казаться единственным местом на Земле.

Танцующий С Волками быстро втянулся в ритм жизни индейцев, и теперь заново переживал все ощущения, которые испытывал, впервые столкнувшись с незнакомым для него миром. Он шел своей дорогой, приятной дорогой мечтателя. Дни, заполненные верховыми поездками в разведку и охотой, были нелегким физическим трудом, но его тело быстро привыкло к этим занятиям, а мышцы от постоянных тренировок еще больше окрепли. Установив для себя определенный распорядок, он обнаружил, что дальнейшие попытки повышения активности будут бесплодны.

Семья Брыкающейся Птицы отнимала у Данбера большую часть времени. Женщины фактически целыми днями занимались работой по лагерю, но лейтенант чувствовал себя обязанным присматривать за ними ежедневно, а также и за детьми, в результате чего он почти не имел свободного времени.

Ветер В Волосах с поклоном преподнес ему хороший колчан со стрелами во время прощального танца. Данбер был в восхищении от этого подарка. Он обратился к воину средних лет, которого звали Каменный Теленок, чтобы тот научил его, как лучше пользоваться этими предметами. Не прошло и недели, как они стали друзьями, и Танцующий С Волками регулярно заходил в вигвам Каменной Ноги.

Он научился быстро, но осторожно готовиться к стрельбе из лука, точно рассчитанными движениями доставая из колчана стрелу и кладя ее на тетиву. Каменный Теленок помог Данберу заучить слова нескольких важных песен, и показал, как надо их петь. Танцующий С Волками наблюдал, как индеец разводил огонь при помощи маленькой веточки и смотрел, как он занимается своим собственным методом знахарства.

Он был желанным учеником и так быстро усваивал все то, чему его учил Каменный Теленок, что индеец добавил к имени Танцующий С Волками некое подобие отчества: Быстрый.

Данбер выезжал в прерию на разведку ежедневно на несколько часов с остальными индейцами. Они ездили группами по три-четыре человека, а за короткое время Танцующий С Волками обрел необходимые навыки и знания. Он умел теперь читать следы, оставленные животными в прерии, и умел определять, какая будет погода.

Бизоны снова появлялись и исчезали одним им присущим, непостижимым образом. То не было ни одного из них на протяжении многих миль, а то, вдруг, группа разведчиков замечала их в таком количестве, что это становилось похоже на какую-то шутку.

По крайней мере, по двум причинам разведка оказывалась успешной: в лагере появлялось свежее мясо и в пределах досягаемости деревни не было замечено врагов.

Всего несколько дней спустя, Данбера заинтересовало, почему все люди не живут в вигвамах? Когда он подумал о тех местах, где сам жил раньше, они казались ему ничем иным, как коллекцией стерильных комнат.

Для него самого индейская хижина стала настоящим домом. Там было прохладно в самый жаркий день, и неважно, какое беспокойство висело в воздухе над лагерем — маленький кусочек пространства внутри вигвама был всегда полон мира и спокойствия.

Данбер полюбил то время, которое он проводил один в этой хижине.

Самым любимым временем суток для него был поздний вечер, и чаще всего в эти часы он

сидел у входа в хижину и занимался мелкой работой по хозяйству. Он чистил свои ботинки, приводил в порядок одежду и оружие, и в то же время наблюдал за облаками, которые непрерывно меняли свое очертание. Иногда он с удовольствием вслушивался в легкий посвист ветра.

Без всяких дополнительных усилий эти поздние вечера, проведенные наедине с собой, успокаивали и приводили в порядок его мысли, накопившиеся за день. Голова Данбера становилась легкой, а мысли — свежими, будто рожденными заново.

II

Мало-помалу, незаметно для него самого, в жизни Данбера появилось новое обстоятельство, которое доминировало над остальными.

Это была Стоящая С Кулаком.

Их беседы продолжились снова, на этот раз под не слишком внимательным, но всегда настроженным оком семьи Брыкающейся Птицы.

Шаман оставил инструкции относительно времени и продолжительности уроков, но без самого индейца, который направлял их беседы, ничего не получалось. Танцующий С Волками и Стоящая С Кулаком с трудом находили тему для разговора.

Первые несколько дней уроки главным образом состояли из обмена ничего не значащими фразами.

Впрочем, они лишь следовали той тактике, которая была принята при Трепыхающейся Птице. Женщина все еще была смущена и нерешительна.

Холодность и сухость их первых встреч один на один облегчала ее положение. Она позволяла не напоминать о пробежавшей между ними «черной кошке», и понемногу соединить разорванную нить тех теплых отношений, которые установились между ними в недалеком прошлом. Атмосфера некоторой натянутости позволяла женщине, соблюдая дистанцию, понемногу снова привыкать к Танцующему С Волками.

А Данбер был, в свою очередь, удовлетворен даже этим. Он был готов даже смириться с утомительной скукой этих занятий, лишь бы не разрушить то, что только-только начало связывать их. Чтобы не порвать эту тоненькую ниточку, он пребывал в терпеливом ожидании первые несколько дней, надеясь на лучшее.

Он продолжал узнавать все новое и новое в жизни дакотов, но вскоре для Данбера стало очевидно, что сидя в хижине все утро, он ограничивает время, которое мог бы потратить с большей пользой. Ему хотелось как можно скорее узнать о дакотах все. Как много из того, о чем ему необходимо было знать, оставалось снаружи, вне стен его хижины! А препятствия, создаваемые семьей индейца, были нескончаемы.

Но Данбер продолжал ждать, ни на что не жалуясь, позволяя Стоящей С Кулаком перескакивать через те слова, которые она не могла объяснить.

Однажды вечером, сразу после трапезы, когда женщина не смогла найти слово, чтобы сказать «трава», Стоящая С Кулаком наконец вывела Данбера из вигвама. Одно слово дало начало остальным, и в этот день они прошли через всю деревню, настолько увлеченные учебой, что время пролетело совершенно незаметно. Лишь маленькая мысль об их отсутствии

промелькнула на миг и исчезла.

Этот способ повторился и набрал силу в последующие дни. Они стали всеобщим зрелищем — пара собеседников, слоняющихся по деревне, равнодушных ко всему окружающему, кроме тех понятий и предметов, которые касались их непосредственной работы: кость, полог на двери вигвама, солнце, копыта, скребок, собака, шест, небо, ребенок, волосы, одеяло, лицо, далеко, близко, здесь, там, яркий, тусклый... и так далее, и так далее...

С каждым днем язык дакотов все больше укоренялся в Данбере, и совсем скоро Танцующий С Волками уже мог произнести гораздо больше, чем просто слова. В его голове начали складываться предложения, и он ставил слово к слову с усердием, которое все же избавляло его от ошибок.

«Огонь распространяется по прерии».

«Съедобная вода очень полезна для меня».

«Этот человек — кость?»

Данбер был похож на хорошего бегуна, который проигрывает каждый третий забег. Но он удерживался на поверхности трясины, которой для него был новый язык, и благодаря удивительной силе воли делал заметные успехи.

Ни один из промахов не мог поколебать его настрой, и он настойчиво карабкался на твердую почву, выбирался из болота к правильному слову и правильному предложению. В этом ему неизменно помогало чувство юмора и решимость, которая временами делала его смешным.

Они все меньше и меньше оставались в хижине. Снаружи их ждала свобода. Какая-то особенная тишина, необъяснимое спокойствие поселилось в деревне. Это место стало необычайно миролюбивым.

Каждый житель думал о тех воинах, которые отправились в страну пауни, чтобы встретиться с врагами лицом к лицу. Каждый день родственники и друзья мужчин, из которых состоял военный отряд, возносили горячие молитвы в надежде, что они защитят соплеменников на тропе войны. Проходила ночь, и казалось, молитвы стали единственной вещью, в которой заключается будущее всего лагеря, вся его жизнь. Люди молились даже во время еды, при встрече друг с другом и во время работы. Пусть молитвы были коротки, но они значили для индейцев очень много.

Святость, опустившаяся на лагерь и окутавшая его тонкой пеленой, давала возможность Танцующему С Волками и Стоящей С Кулаком уделять еще больше времени их урокам. Погруженные в себя во время ожидания возвращения воинов и вознесения молитв, жители деревни мало внимания обращали на двух белых людей. А белые двигались по деревне с безмятежным, им одним понятным бормотанием, не замечая ничего вокруг себя.

Мужчина и женщина проводили вместе три-четыре часа ежедневно, не дотрагиваясь друг до друга и не говоря о себе. На первый взгляд, соблюдались обычные формальности. Они вместе смеялись над некоторыми вещами и вместе комментировали такой обычный феномен, как погода. Но чувства, их взаимная симпатия — это всегда оставалось в тайниках их сердец. Стоящая С Кулаком была существом, очень осторожно относящимся к своим чувствам, и Танцующий С Волками уважал в ней это качество.

III

Через две недели после ухода отряда произошли глубокие изменения.

В один из поздних вечеров, после долгой поездки под палящим солнцем, Танцующий С Волками вернулся в вигвам Брыкающейся Птицы, но никого в нем не нашел. Решив, что вся семья отправилась к реке, он тоже собрался спуститься к воде.

Жены Брыкающейся Птицы оказались там. Они купали детей. Но Стоящей С Кулаком Данбер на берегу не заметил. Он пробыл на берегу реки достаточно долго для того, чтобы дети успели обрызгать его с головы до ног, а потом поднялся по крутому берегу и направился к деревне.

Солнце все еще палило нещадно, и когда он увидел беседку, мысль о ее тенистой прохладе целиком захватила его.

Лейтенант уже переступил порог и дошел почти до центра, когда вдруг осознал, что в беседке уже кто-то есть. Это была Стоящая С Кулаком. Их обычные ежедневные занятия уже закончились сегодня, и теперь, столкнувшись здесь случайно, оба были смущены.

Танцующий С Волками сел на почтительном расстоянии от женщины и поздоровался с ней.

— Я... там... сегодня очень жарко, — ответила она, будто извиняясь за свое присутствие.

— Да, — согласился Данбер, — очень жарко.

И хотя последовавший за этими словами жест был совсем необязателен, Данбер провел рукой по лбу, будто вытирая пот. Это был глупый способ доказать женщине, что и она — из-за жары.

Но, сделав это фальшивое движение, Танцующий С Волками взял себя в руки. Внезапно он почувствовал крайнюю необходимость сказать Стоящей С Кулаком, что творится в его душе.

И он начал говорить. Он рассказал ей, как он смущен. Рассказал, как хорошо ему здесь, у дакотов. Рассказал о хижине, и о том, как хорошо, что она у него есть. Он взял свое нагрудное украшение в обе руки и сказал, что думает о нем — для Данбера это костяное украшение было чем-то особенным, в какой-то степени даже великим. Он приложил трубочки, постукивающие друг о друга, к своей щеке, и произнес:

— Я люблю его.

Потом он сказал:

— Но я белый... И я солдат. Хорошо это для меня или плохо — быть здесь? Может быть, я просто глупец? Я глупец?

Данбер заметил напряженное внимание в ее взгляде.

— Это нет... Я не знаю, — ответила женщина.

В беседке воцарилась тишина. Лейтенант заметил, что женщина ждет, ждет продолжения его горячей речи.

— Я не знаю, куда идти, — тихо произнес он. — Я не знаю, где мне нужно быть.

Стоящая С Кулаком медленно повернула голову и, уставясь в дверной проем, так же тихо сказала:

— Я знаю.

Она собиралась с мыслями, а может, думала о чем-то своем, все так же глядя на улицу, где уже наступал вечер.

Неожиданно Данбер выговорил:

— Я хочу быть здесь.

Женщина резко обернулась и посмотрела на него. Ее лицо казалось огромным. Заходящее солнце окрасило ее щеки легким румянцем. Ее глаза, широко раскрытые и переполненные чувствами, казалось, отражали солнечный мягкий свет и пылали таким же заревом, как закат.

— Да, — сказала она, хорошо понимая то, что чувствовал Данбер.

Женщина уронила голову на грудь. Когда она подняла глаза, Танцующий С Волками почувствовал комок в горле. Подобное ощущение он уже испытывал однажды, когда остался с Тиммонсом в прерии. Ее глаза были великодушны и полны такой красоты, которую лишь немногие могли видеть. Они были вечны.

Танцующий С Волками влюбился в них, едва только увидел свет, который они излучали.

Стоящая С Кулаком тоже уже любила. Это произошло в тот момент, когда он начал говорить. Конечно, не сразу, но постепенно, маленькими шажками, она приближалась к этому, пока наконец не стало глупо отрицать очевидное. Она видела себя в нем. Женщина поняла, что они могут быть одним целым.

Они еще немного поговорили, а потом вдруг затихли. Мужчина и женщина смотрели на заходящее солнце, палящие лучи которого неожиданно помогли им объясниться, и каждый из них знал, что чувствует другой. Им уже не нужны были слова.

Очарование этого вечера было нарушено маленьким мальчиком, сыном Брыкающейся Птицы. Он возник в дверном проеме, заглянул внутрь и поинтересовался, что они здесь делают.

Стоящая С Кулаком улыбнулась этому наивному вторжению и сказала на языке дакотов:

— На улице очень жарко. Мы сидим в тени.

Эта фраза имела такой всеобъясняющий смысл, что мальчуган вошел и плюхнулся на колени Танцующего С Волками. Несколько минут они поиграли, изображая борьбу, но это хулиганство продолжалось недолго.

Малыш неожиданно сел и сообщил Стоящей С Кулаком, что он хочет есть.

— Хорошо, пойдем, — произнесла женщина и взяла мальчика за руку.

Она посмотрела на Танцующего С Волками.

— Поешь?

— Да, я голоден, — ответил он.

Они, толкаясь, вышли из беседки и направились в вигвам Брыкающейся Птицы разводить огонь.

Первым в списке дел сегодня у Данбера стояло посещение Каменной Ноги. Рано утром он уже входил в хижину индейца, и был немедленно приглашен сесть и разделить с ним завтрак.

После того, как с едой было покончено, мужчины вышли наружу поговорить, в то время как Каменный Теленок будет вытачивать новые стрелы. Исключая Собранную В Кулак, это был самый искусный разговор, который Данбер когда-либо с кем-то вел.

Каменный Теленок был поражен, что этот человек — Танцующий С Волками — такой новый среди них, уже говорит на их языке, языке дакотов, и говорит хорошо.

Старый воин заметил также, что Танцующему С Волками что-то нужно. Когда дискуссия вдруг перешла на Собранную В Кулак, индеец понял, что это именно то, о чем Данбер пришел поговорить.

Танцующий С Волками пытался придать своим фразам так мало значения, насколько это вообще было возможно. Но Каменный Теленок был слишком старой и хитрой лисой, чтобы не догадаться, ответы на задаваемые вопросы очень важны для его визитера.

— Стоящая С Кулаком замужем? — небрежно поинтересовался Данбер.

— Да, — ответил Каменный Теленок.

Эта новость ошарашила Данбера. Его будто обухом ударили по голове. Он молчал.

— Где ее муж? — наконец смог он выдать из себя относительно равнодушно. — Я никогда не вижу его.

— Он мертв.

Это была одна из тех простых вещей, о которой Данбер не затруднился подумать.

— Когда он умер? — спросил лейтенант.

Каменный Теленок оторвался от работы.

— Не пристало индейцу говорить о мертвых, — ответил он, — но ты новичок, и я расскажу тебе. Это случилось в то время, когда был вишневый месяц, летом. Она горевала о нем в тот день, когда ты нашел ее в прерии и принес сюда.

Танцующий С Волками больше не задавал вопросов, но Каменный Теленок уже не хотел останавливаться и выложил еще несколько фактов. Он не забыл упомянуть о том, что мертвый мужчина принадлежал знатному роду их племени, и рассказал Данберу, почему у него и Стоящей С Кулаком не осталось детей.

Чувствуя необходимость переварить услышанное, Танцующий С Волками поблагодарил своего информатора и ушел.

Каменный Теленок подумал было, может ли что-либо произойти между этими людьми, но, решив, что это не его дело, спокойно вернулся к своей работе.

Танцующий С Волками знал неплохое средство, которое он уже не раз использовал. Оно всегда помогало ему освежить мысли. Он отправился в стадо пони, нашел там Киско и покинул деревню. Лейтенант знал, что женщина будет ждать его в вигваме Брыкающейся Птицы, но мысли так плясали у него в голове, что он не мог себе представить, что он ей скажет, не мог даже подумать о том, чтобы встретиться с ней сейчас.

Данбер отправился вниз по реке и, проскакав милю или две, решил поехать в Форт Сэдрик. Он не был там почти две недели и чувствовал смутное, импульсивное желание съездить туда, будто каким-нибудь странным образом это место сможет подсказать ему что-либо.

Даже находясь на приличном расстоянии, Данбер смог заметить, что поздние летние грозы окончательно разрушили навес. Он был сорван почти со всех жердей. Сама ткань — грубый брезент — была порвана во многих местах, а то, что от нес осталось, хлопало на ветру как оборванные паруса призрачного «Летучего Голландца».

Два Носка сидел в ожидании у края скалы, и лейтенант бросил старому приятелю кусок вяленого мяса, который он принес с собой, чтобы было чем подкрепиться. Но сейчас он не был голоден.

Полевые мыши проскочили у него под ногами, когда Данбер переступил порог склада продовольствия. Они прогрызли ту единственную вещь, которую он оставил — холщовый мешочек с заплесневевшими сухарями.

В дерновой хижине, которая была его домом, он улегся на маленькую постель и провел на ней несколько минут, глядя на обшарпанные, полуобвалившиеся стены.

Лейтенант снял с колышка в стене отцовские карманные часы, намереваясь забрать их с собой. Но, посмотрев на них несколько секунд, повесил обратно.

Его отец умер шесть лет назад. Или семь? А мать умерла еще раньше. Данбер сейчас не мог восстановить в памяти детали их жизни, их общей жизни втроем. Но люди... Родители казались похожими на людей, ушедших сотни лет назад.

Лейтенант заметил свой журнал, лежащий на одном из походных стульев, и взял его в руки. Он был давно заброшен, записи были разрознены, и иногда встречались просто чистые пропущенные листы. Эта вещь тоже казалась теперь старой и давно ушедшей в небытие, как пустое напоминание о прошлой жизни.

Листая страницы, Данбер иногда не мог удержаться от смеха над тем, что он сам же и писал. Но теперь он смотрел на прошедшее с другой точки зрения. Его жизнь изменилась, он принял обновление как нечто очень естественное, и кусочки записей оставались единственным, что запечатлело эту трансформацию. Сейчас Данбер испытывал всего лишь любопытство и не задумывался о будущем. Ему было забавно следить, как далеко он ушел от того Данбера, которым был до встречи с индейцами.

Когда он добрался до окончания, осталось еще несколько чистых листов, и у него появилась причудливая идея. В этом месте, после всего написанного, обязательно должен быть постскриптум. Возможно, какой-нибудь необычный, даже таинственный, и в то же время понятный.

Данбер поднял глаза и задумался. Напротив, на стене дерновой хижины, он увидел ее, ее одну. Он ясно различал мускулистые икры, показывающиеся при ходьбе из-под ее замшевого платья. Видел длинные, красивые кисти, которые плавно и грациозно скользили в рукавах. Видел

ложбинку между се грудей, теряющуюся в вырезе платья. Видел высокие скулы и густые, выразительные брови, копна стянутых на затылке темно-каштановых волос венчала ее облик.

Он подумал о ее внезапных вспышках гнева и об ореоле света, обрамляющем ее лицо в беседке. Он думал о ее скромности и застенчивости, о благородстве и боли.

Все, о чем он думал и что видел, восхищало его.

Когда взгляд Данбера опустился на раскрытый перед ним на чистой странице дневник, он уже знал, что написать. Его переполняла радость, когда то, что он видел, ожило в словах.

Позднее лето, 1863.

Я люблю Собранную В Кулак.

Танцующий С Волками.

Он закрыл журнал и осторожно положил его на середину кровати, допуская самонадеянную мысль, что оставит его для потомков как неразрешимую загадку.

Выйдя наружу, Танцующий С Волками был рад обнаружить, что Два Носка исчез. Зная, что уже никогда не увидит его снова, Данбер вознес молитву к его прародителю Волку, желая своему приятелю хорошей жизни на все оставшиеся ему годы.

Потом он вскочил на спину Киско, выкрикнул прощальные слова по дакотски и уехал прочь, сразу дав Киско поводья и перейдя в самый быстрый галоп.

Когда Танцующий С Волками взглянул через плечо в сторону Форта Сэдрик, он увидел только уходящую за горизонт прерию.

VI

Она ждала не меньше часа, пока, наконец, одна из жен Брыкающейся Птицы спросила:

— Где Танцующий С Волками?

Ожидание казалось ей ужасно тяжелым. По ее мнению, прошла уже целая вечность с тех пор, как он уехал. Каждая минута была заполнена мыслями о нем. Когда был задан этот вопрос, она попыталась так составить ответ, чтобы ее чувства были скрыты тоном и словами. Но она только смогла выговорить:

— О, да... Танцующий С Волками. Нет, я не знаю, где он.

И тогда она вышла наружу, чтобы спросить кого-нибудь из жителей. Ей сказали, что видели его выезжающим из деревни ранним утром. Он направлялся к югу. И женщина сразу догадалась, что Танцующий С Волками поехал в Форт белых людей.

Не желая знать, зачем он отправился туда, она заставила себя приняться за неоконченную работу. Женщина сидела и расшивала бисером седельные сумки, стараясь не обращать внимания на звуки, которыми был полон лагерь. Сейчас ее мысли сосредоточились только на нем одном.

Но этого было уже недостаточно для нее.

Стоящая С Кулаком хотела оказаться с ним наедине хотя бы в мыслях, и после обеда, по широкой, главной тропе она спустилась к реке.

Обычно здесь было спокойно в послеобеденное время. Сейчас женщина была рада убедиться, что на берегу никого нет. Она сняла свои мокасины и ступила на толстое бревно, которое служило чем-то вроде мостика. Усевшись на него, Стоящая С Кулаком опустила ступни в прохладные речные струи.

Ветерок едва обдувал ее, но и этого было достаточно, чтобы умерить дневную жару. Женщина сложила руки вместе, расслабила плечи и сидела так, уставившись на медленно текущую реку сквозь полуприкрытые веки.

Если бы он пришел сейчас к ней. Если бы только посмотрел на нее своими честными, не умеющими лгать глазами и рассмеялся бы своим веселым смехом, а потом позвал бы ее за собой... Она бы тотчас же, не колеблясь, пошла бы за ним — неважно куда.

Вдруг ей вспомнилась их первая встреча. Она всплыла в памяти так ярко, будто это было вчера. Возвращение в деревню, полубессознательное состояние, ее кровь, которой Данбер был перепачкан с головы до ног. Стоящая С Кулаком вспомнила безопасность, которую почувствовала тогда, его руки, обвивающие ее стан, и свое лицо, плотно прижатое к сильно пахнущему фабричному сукну его кителя.

Теперь она начала осознавать, что это значило. Стоящая С Кулаком поняла, что ее настоящие чувства и то, что она почувствовала тогда, идентичны. В ту их встречу они были лишь семенами, спрятанными до поры до времени, и тогда она еще не знала, что это значит. Но Великий Дух знал. Он заставил эти семена прорасти. Великий Дух при помощи своей великой тайны поощрял их, питал соками каждый шаг жизненного пути двух белых людей.

Да, именно это она сейчас чувствовала. Безопасность и спокойствие. И женщина знала, что это — не чувство безопасности перед лицом врага или перед стихией, и не чувство безопасности во время грозы или ранения. И тем более это не имело отношения к ее физическому состоянию. Это была безопасность, которая поселилась в ее сердце. И она была там все время.

«В этой жизни случаются редчайшие вещи, — думала женщина. — Великий Дух привел нас друг к другу.»

Она с увлечением нанизывала одну мысль на другую, представляя, как бы все происходило у нее с Танцующим С Волками. Неожиданно женщина услышала слабые всплески воды в нескольких футах от себя.

Он сидел на корточках на маленькой полоске земли, вдающейся в реку, и плескал себе на лицо воду медленными, размеренными движениями. Он посмотрел на Собранную В Кулак и, не обращая внимания на струйки, стекающие с его лица, улыбнулся, совсем как ребенок.

— Привет, — сказал он. — Я был в Форте.

Танцующий С Волками сказал это так, будто они прожили вместе всю свою жизнь. И Стоящая С Кулаком ответила таким же тоном:

— Я знаю.

— Мы можем поговорить? — задал Данбер вопрос.

— Да, — произнесла она, — я ждала тебя, чтобы сделать это.

Наверху, в начале тропы, слышались чьи-то голоса.

— Куда мы пойдём? — спросил Данбер.

— Я знаю место, — уверенно сказала женщина.

Она быстро вскочила на ноги и, увлекая за собой Танцующего С Волками, повела его по старой тропке, которую она уже выбрала однажды. Это было в тот день, когда Трепыхающаяся Птица попросил ее вспомнить язык белых.

Они шли в тишине. Единственными звуками, которые ее нарушали, были отзвуки их собственных шагов, шелест листьев да пенис птиц, которые кишели в камнях.

Их сердца учащенно бились в предчувствии того, что должно будет произойти и в ожидании ответа на вопрос: где и когда это случится?

Уединённое, хотя и открытое место, где Стоящая С Кулаком взывала к прошлому, наконец появилось перед ними.

Все так же молча они сели на землю, покрытую травой, перед зарослями высокого травостоя, обращенного к реке.

Они не могли говорить. Казалось, все звуки куда-то исчезли и над этими двумя повисла звенящая тишина. Все замерло.

Стоящая С Кулаком наклонила голову и вдруг увидела на левой штанине брюк Танцующего С Волками расползшийся шов. Рука Данбера уперлась в бедро на полпути от дыры.

— Они порвались, — прошептала женщина, слегка прикоснувшись пальцами к тому месту, где была видна прореха. И как только ее рука легла на бедро мужчины, она уже не могла сдвинуть ее. Маленькая ладонь неподвижно замерла на месте.

Как будто под воздействием невидимой силы их головы мягко коснулись друг друга. Пальцы переплелись. Эти прикосновения вызвали у обоих такое ощущение, будто это был сам секс. Вряд ли возможно мысленно вернуться к последовательности того, что произошло потом, но в следующую секунду они обменивались поцелуем.

Это был не тот длинный, страстный поцелуй, которым обмениваются любовники. Губы двух белых из лагеря дакотов только слегка соприкоснулись.

Но это едва ощутимое прикосновение еще больше разожгло любовь в их сердцах и укрепило ее.

Они прижались друг к другу щеками, и когда каждый из них почувствовал запах другого, оба окунулись в свои грезы. В мечтах они уже занимались любовью, и теперь сон стал явью. Когда все закончилось, и они лежали рядом под большим хлопковым деревом, Танцующий С Волками заглянул в глаза своей любимой и увидел в них слезы.

Он ждал очень долго, но женщина не хотела говорить ничего.

— Скажи мне, — прошептал он.

— Я счастлива, — ответила Стоящая С Кулаком. — Я счастлива, что Великий Дух позволил мне жить так долго.

— Я испытываю те же чувства, что и ты, — произнес Данбер, и его глаза наполнились влагой.

Тут женщина плотно прижалась к нему и заплакала, а он крепко прижимал ее к себе, пока она всхлипывала, не стесняясь радости, которая сбегала сейчас по ее щекам.

VII

Они любили друг друга весь вечер, подолгу разговаривая в перерыва. Тени наконец опустились на землю и упали на травостой, среди которого лежали влюбленные. Танцующий с Волками и Стоящая С Кулаком сели, одновременно подумав о том, что их отсутствие будет замечено, если они останутся здесь еще, пусть даже совсем ненадолго.

Они наблюдали за сверканием водяных струй в закатном свете, когда Данбер произнес:

— Я говорил с Каменной Ногой... Я знаю, почему ты убежала в тот день... тогда... я спросил тебя, замужем ты или нет.

Женщина поднялась и развела руками. Данбер тоже хотел встать, но женщина жестом остановила его.

— Я хорошо жила с ним. Он ушел, потому что должен был придти ты. Вот как я думаю сейчас.

Стоящая С Кулаком пошла чуть впереди Данбера, покидая поляну, а потом они поравнялись и возвращались в деревню, то и дело поглядывая друг на друга. Дойдя почти до главной тропы, они услышали голоса, доносящиеся из деревни, и остановились, прислушиваясь. Широкая, основная дорога находилась прямо перед ними.

Взявшись за руки, влюбленные чисто интуитивно спрятались в зарослях кустарника и, как если бы это могло помочь им преодолеть ночную разлуку, слились в единое целое, крепко прижавшись друг к другу. Они были вместе всего мгновение, успев лишь быстро обменяться прощальными поцелуями.

В двух шагах от главной дороги, ведущей в деревню, они снова остановились. Оба вдруг смутились, и женщина прошептала на ухо своему спутнику:

— Я сейчас ношу траур, и наши люди не одобряют такие отношения, если узнают о том, что мы любим друг друга. Мы должны бережно охранять наши чувства и быть осторожными, пока не придет время всем узнать об этом.

Данбер понимающе кивнул в ответ, каждый тяжело вздохнул, и женщина скользнула между ветвей.

Танцующий С Волками постоял еще минут десять, скрытый густой листвой, а потом последовал за ней. Он был рад обнаружить, что вокруг никого нет, и что он поднимается по склону холма, направляясь в деревню, в полном одиночестве.

Данбер прошел прямо в свой вигвам и сел на постель. Он смотрел сквозь дверной проем на то, что еще задержало солнечные лучи и было заметно в наступающих сумерках. Он грезил снова и снова об их вечере среди высоких трав, у хлопкового дерева.

Когда совсем стемнело, лейтенант откинулся на спину, вытянувшись на толстом одеяле, и осознал наконец, что до сих пор сильно возбужден. Поворачиваясь на бок, он уловил запах нижнего белья любимой им женщины, исходящий от одной из его рук. Надеясь, что аромат продержится всю ночь, он провалился в глубокий сон.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

I

Следующие несколько дней Танцующий С Волками и Стоящая С Кулаком пребывали в эйфории. На их губах постоянно играли улыбки, их щеки покраснелись от удовольствия и романтических приключений, выпавших на их долю. Куда бы они ни шли, их ноги, казалось, не касаются земли.

В присутствии посторонних они были сдержанны и заботились о том, чтобы случайным взглядом или словом не обнаружить охватившую их страсть. Они так приспособились скрывать свою тайну, что лингвистические уроки стали даже больше похожи на деловые встречи, чем раньше. Если они оставались в хижине наедине, они использовали этот шанс. Их руки сплетались, а пальцы нежно рассказывали о любви. Но чем чаще им удавалось одарить друг друга лаской, тем большего им хотелось.

Они пытались встречаться по крайней мере раз в день, обычно у реки. Но так не могло продолжаться долго, потому что для того, чтобы найти уединённое место, требовалось время. И Стоящая С Кулаком всегда беспокоилась, что их в конце концов обнаружат.

С самого начала их не покидала мысль о женитьбе. Это было то, чего они оба желали от всей души. «И чем скорее это произойдет, тем лучше», — считали они. Но вдовство Стоящей С Кулаком служило главным и единственным препятствием. По обычаям дакотов период, когда женщина носит траур по погибшему мужу, неограничен. Отменить траур может только отец женщины. Но так как у Стоящей С Кулаком не было отца, то воин, который дал ей начальное воспитание в племени, мог заменить его и взять на себя эту ответственность. В случае Стоящей С Кулаком она могла ожидать освобождения от соблюдения траура только от Брыкающейся Птицы. Он один мог сказать, когда она перестанет быть вдовой. И это могло занять слишком много времени.

Танцующий С Волками старался успокоить свою любимую. Он убеждал ее, что все устроится и не о чем волноваться. Но она все же беспокоилась. Во время одного из приступов такой депрессии Стоящая С Кулаком предложила убежать вместе из лагеря. Но Данбер только рассмеялся над этой идеей и больше они об этом не заговаривали.

Влюбленные использовали любую возможность, чтобы побыть вдвоем. Дважды за четыре дня после их прогулок на реку женщина в предутренней темноте покидала вигвам Брыкающейся Птицы и не заметно проскальзывала в хижину Танцующего С Волками. Там они лежали рядом, ожидая первого луча солнца, и шептались. Им о многом нужно было поговорить. Обнаженные тела сливались в одно под тяжелым одеялом.

В конце концов, они вели себя так, как и следовало ожидать от двух людей, полностью захваченных в плен страстным чувством, всепоглощающей любовью. Они были полны достоинства, осторожны и дисциплинированы.

В лагере каждый, кто достаточно долго прожил на земле, чтобы понимать, на что похожа любовь между мужчиной и женщиной, видел ее признаки на лицах Стоящей С Кулаком и Танцующего С Волками.

Большинство индейцев не находили в своем сердце осуждения, несмотря на обстоятельства. Те немногие, которые могли бы осудить этих двоих за их поступок, держали рот на замке. Самое важное, что взаимное притяжение Танцующего С Волками и Стоящей С Кулаком не представляло угрозы для жителей деревни. Даже старейшины, самые мудрые люди из племени дакота, отмечали про себя, что в отношениях этих двоих явно виден потенциальный союз.

А кроме того, они оба были белые.

II

На пятую ночь, после встречи у реки, Стоящая С Кулаком должна была снова непременно увидеть Данбера. Она выжидала, пока в вигваме Брыкающейся Птицы все уснут. После того, как хижина наполнилась звуками легкого посапывания, женщина еще подождала некоторое время, чтобы убедиться, что ее уход останется незамеченным.

Неожиданно она уловила в воздухе запах дождя, очень явный и густой. В этот момент возбужденные вскрики разорвали тишину и спокойствие. Голоса были настолько громкими, что разбудили всех в хижине. Через несколько секунд жены Брыкающейся Птицы, а вместе с ними и Стоящая С Кулаком поспешили выскочить наружу.

Что-то произошло. Вся деревня была на ногах. Женщина быстро спустилась по главной улице в толпе других жителей. Головы людей были обращены в сторону огромного костра, который, казалось, и был центром внимания. В неразберихе она напрасно искала взглядом Танцующего С Волками. Она смогла его увидеть только тогда, когда приблизилась к огню.

Пробираясь сквозь скопление народа друг к другу, женщина заметила новых индейцев, беспорядочной кучкой теснившихся у костра. Их было около полудюжины. Еще несколько человек растянулись у огня, и некоторые из них были мертвы, а некоторые ужасно ранены. Это были индейцы племени манданы, давние друзья дакотов и их партнеры по охоте.

Шестеро мужчин, оставшихся невредимыми, обезумели от страха. Они беспокойно жестикулировали, знаками беседуя с Десятью Медведями и двумя-тремя его ближайшими советниками. Присутствующие здесь остальные жители деревни стояли в безмолвии и ожидании, наблюдая за рассказом индейцев манданов.

Стоящая С Кулаком и Танцующий С Волками почти добрались друг до друга, прокладывая себе путь в толпе, когда женщины пронзительно закричали. В следующий момент собрание распалось, разделившись на группки. Женщины побежали к своим хижинам, таща за собой детей, в панике не забывая позаботиться о других. Воины обступили Десять Медведей, и только одно слово срывалось с губ каждого. Оно катилось по деревне, нарастая и превращаясь в оглушительный рев одновременно с раскатами грома, которые раздались из темноты небес у них над головами.

Это было слово, которое Танцующий С Волками знал очень хорошо. Он слышал его много раз в разговорах и рассказах индейцев.

«Пауни».

Стоящая С Кулаком находилась сбоку от него, когда Данбер придвинулся вплотную к воинам, окружившим старого вождя. Женщина пересказала ему на ухо то, что они оба увидели и рассказывала о том, что случилось с манданами.

Они выехали в прерию маленьким отрядом. Их насчитывалось не более двадцати человек, и

они искали бизонов в десяти милях к северу от лагеря дакотов. Их атаковал огромный военный отряд пауни. Тех было, по крайней мере, восемьдесят человек, а может быть, и больше. Пауни напали на закате солнца, когда только-только занялась вечерняя заря. Ни один из манданов не смог бы спастись, если бы не наступающая темнота и не хорошее знание местности.

Они прикрывали свое отступление, насколько это было возможно, но в борьбе с такой армией это было только делом времени. Пауни окружили их лагерь. Вполне возможно, что в настоящий момент их воины уже выходят на новые позиции. Манданы считали, что у дакотов есть несколько часов на подготовку, а потом будет атака. «Скорее всего, на восходе», — пришли после обсуждения к единому мнению воины обоих племен.

Десять Медведей начал отдавать приказы, которые ни Стоящая С Кулаком, ни Танцующий С Волками не смогли расслышать.

По выражению лица старейшины легко было догадаться, что он обеспокоен. Десять самых искусных и отважных воинов сопровождали Брыкающуюся Птицу и Ветра В Волосах, и их не было в лагере в нужный момент. Те мужчины, которые остались, были хорошими бойцами, но если придет восемьдесят воинов пауни, количество сражающихся на стороне дакотов окажется ничтожно мало.

Собравшиеся у костра разделились на любопытные анархические отряды: небольшие кучки воинов в различных направлениях вышагивали позади мужчин, которые, как казалось бойцам, будут лучшими лидерами для них.

Танцующий С Волками испытывал тяжелое чувство. Все казалось ему таким дезорганизованным. Интервалы между раскатами грома над головой сокращались и дождь неминуемо собирался пролиться сплошным потоком. Это помогло бы пауни незаметно подойти вплотную к лагерю дакотов.

Но теперь это был и его лагерь тоже. И Данбер бросился за Каменным Теленком с одной-единственной мыслью в голове.

— Я последую за тобой, — сказал Данбер, когда наконец настиг индеец и схватил за руку.

Каменный Теленок взглянул на него с сожалением и некоторой долей иронии.

— Это будет трудная битва, — произнес он в ответ на пылкую просьбу Танцующего С Волками. — Пауни никогда не приходят за лошадьми. Они приходят за кровью.

Данбер кивнул, полностью подтверждая свою готовность.

— Собери все свое оружие и приходи в мой вигвам, — приказал старый индеец.

— Я все принесу, — сорвалось с губ Стоящей С Кулаком, и женщина побежала к хижине Данбера, предоставив Танцующему С Волками возможность последовать за Каменной Ногой прямо сейчас. Подол платья бился и закручивался вокруг ее коленей, пока она бежала.

Танцующий С Волками пытался в это время подсчитать, сколько зарядов для ружья имеется в его распоряжении и сколько осталось патронов к тяжелому револьверу военно-морских сил. Вдруг он вспомнил нечто такое, что заставило его остановиться.

— Каменный Теленок! — закричал он. — Каменный Теленок!

Воин обернулся и посмотрел на Данбера.

— У меня есть винтовки, — выдохнул Танцующий С Волками. — В земле, недалеко от Форта белых людей есть много винтовок.

Оба немедленно развернулись и поспешили обратно к костру.

Десять Медведей все еще расспрашивал охотников племени манданов.

Бедные, несчастные люди, уже находившиеся на полпути к помешательству от мысли, что скоро им предстоит расстаться с жизнью, вздрогнули при появлении Танцующего С Волками и начали быстро переговариваться друг с другом. Понадобилось некоторое время, чтобы их успокоить.

На лице старейшины при словах Каменной Ноги о том, что есть винтовки, появилась гримаса.

— Какие винтовки? — спросил он беспокойно.

— Оружие белых солдат... винтовки, — пояснил Танцующий С Волками.

Для Десяти Медведей это решение было не из легких. Хотя он и доверял Танцующему С Волками, было что-то в его старой крови дакота, что предостерегало его. Индейцы не должны слепо доверять белым людям. Винтовки находились в земле, и их нужно было выкопать оттуда. На это требовалось время. А пауни могли быть уже совсем близко, и каждый человек, способный защитить жителей деревни, был на счету. До Форта белых людей неблизкий путь. К тому же в любую минуту мог начаться дождь.

Но, с другой стороны, бой приближался и был неминуем. Старый индеец знал, что оружие такого рода может оказать неоценимую им услугу. Вполне возможно, что у пауни не так много огнестрельного оружия, и тогда шансы дакотов вырастут. До рассвета еще далеко и времени достаточно, чтобы съездить в Форт белых и вернуться обратно до восхода солнца.

— Винтовки в ящиках... и они укрыты ветками, — сказал Танцующий С Волками, прерывая течение мыслей Десяти Медведей. — Нам нужно всего несколько человек и вьючных пони, чтобы доставить оружие в деревню.

Старый индеец должен был решиться на это рискованное предприятие. Он велел Каменного Теленка взять Танцующего С Волками, еще двух человек и шесть пони: четырех — для всадников, двух — для того, чтобы привезти винтовки. Они приказал им отправиться и, следовательно, вернуться как можно быстрее.

III

Когда Танцующий С Волками добрался до своей хижины, Киско уже стоял у входа в нее, полностью напряженный. Внутри был разведен огонь, и Стоящая С Кулаком хлопотала у очага, смешивая что-то в маленьком горшочке.

Его оружие — ружье, большой револьвер, лук и колчан, полный стрел, а также нож с длинным лезвием — было аккуратно разложено на полу.

Данбер засовывал за пояс револьвер, когда женщина подошла к нему, держа в руках горшочек.

— Повернись ко мне лицом, — скомандовала она.

Он замер и стоял так, а Стоящая С Кулаком опустила палец в посудину с каким-то красным веществом.

— Это должен делать ты, но сейчас нет времени, и к тому же, ты не знаешь, как это делается. Я сама сделаю это, — проговорила женщина торопливо.

Быстрыми, уверенными движениями она провела единственную горизонтальную линию вдоль его лба и две вертикальных на каждой щеке. Используя палец вместо кисти, она, помимо этого, точками обозначила волчью лапу на одной из щек, завершив этим отпечатком проведенную вертикальную линию. Потом она отступила на шаг, чтобы взглянуть на свою работу.

Удовлетворенная, она утвердительно кивнула, видя, что Танцующий С Волками перекидывает через плечо лук и колчан со стрелами.

— Ты умеешь стрелять? — спросил он.

— Да, — ответила женщина.

— Тогда возьми это, — он протянул ей ружье.

Не было никаких объятий и слов прощания.

Он просто вышел из вигвама, вскочил на Киско и уехал.

IV

Они удалялись от реки, выбирая по возможности кратчайший и прямой путь через царство трав.

Небо было угрожающим. Казалось, целых четыре грозы собрались вместе и решили разразиться одновременно. Вспышки молний сверкали вокруг, словно залпы артиллерийских орудий.

Маленькая группа людей вынуждена была остановиться, обнаружив, что один из вьючных пони отстал. Когда он был найден и возвращен, Танцующему С Волками пришла в голову обжигающая мысль. Что если он не сможет найти винтовки? Он очень долго не видел бизонового ребра, которым сам обозначил тайник. Даже если он и остался стоять воткнутым в том месте, где Данбер его оставил, его будет нелегко найти. Лейтенант глухо застонал от реальности такой перспективы.

Дождь начался с крупных, тяжелых капель. Люди к этому моменту уже достигли Форта. Танцующий С Волками повел своих спутников в ту сторону, где, как он думал, находится тайник. Но в темноте он ничего не мог разглядеть. Тогда Данбер объяснил индейцам, что именно нужно искать, и квартет воинов разъехался на пони в разные стороны, выискивая поблизости высокую траву с торчащим из нее белым куском кости.

Дождь усилился, прошло десять минут с начала поисков, но ребро так и не было найдено. Поднялся ветер, и сполохи молний разрывали небо каждые несколько секунд. Эти вспышки достигали земли и, отражаясь от мокрой травы, ослепляли людей.

После двадцати минут бесплодных поисков сердце Танцующего С Волками ушло в пятки. Они сейчас ползли по той же самой земле, и все еще ничего...

За ревом стихии, в котором слились завывания ветра, шум дождя и раскаты грома, ему послышалось, что под копытами Киско что-то хрустнуло.

Танцующий С Волками позвал остальных и соскользнул со спины лошади. Вскоре все четверо стояли на четвереньках, упираясь коленями в мокрую землю и ощупывая ее руками сквозь траву.

Внезапно Каменный Теленок вскочил с колен. Он размахивал длинной белой костью, которая раньше принадлежала бизону.

Танцующий С Волками стоял на том месте, где было обнаружено ребро, и ждал следующей молнии. Когда небо озарилось, он быстро взглянул на старые строения Форта Сэдрик и, используя их как ориентир, направился медленно к северу, ступая шаг за шагом в высокой траве.

Через несколько футов земля вдруг промялась под одним из его сапог, и он выкрикнул в темноту, подзывая товарищей. Мужчины опустились рядом с ним, помогая копать. Земля легко поддавалась и, благодаря общим усилиям, минуту спустя два длинных деревянных ящика с винтовками были извлечены из своей грязной могилы.

V

Всего полчаса они находились в пути, направляясь обратно в лагерь. В этот момент дождь обрушился на людей со всей силой, проливая потоки воды на головы всадников и на их лошадей. В этом сплошном водопаде ничего невозможно было разглядеть, и четверо мужчин, присматривающих за двумя животными, которые тащили на своих спинах через равнину тяжелый груз, вынуждены были буквально нащупывать дорогу.

Осознавая всю важность возложенной на них миссии, они ни разу не остановились. Каждый думал только о том, как бы скорее добраться до деревни, и возвращение заняло удивительно мало времени.

Когда наконец деревня появилась в поле их зрения, гроза начала стихать. Над низкими тучами возникло несколько просветов пусть еще не голубого, но уже светло-серого цвета. В первых лучах зари, на границе штормовой ночи и зарождающегося дня, маленький, промокший насквозь отряд с облегчением заметил, что деревня все еще в неприкосновенности.

Люди начали спускаться к реке по тропе, ведущей к лагерю и продолжающейся на другом берегу. Вдруг вспышка молнии ударила в реку выше по течению, на две или три секунды осветив ландшафт. В эти секунды стало светло, как днем.

Танцующий С Волками успел заметить, и остальные тоже заметили это: длинная вереница всадников пересекала реку на расстоянии не более полумили от деревни.

Снова вспыхнула зарница, как отголосок прошедшей грозы, и три воина дакота заметили, как враги скрываются в камнях на берегу. Их план был очевиден. Они собирались напасть с севера, используя заросли кустарника вдоль реки как прикрытие. Так они смогли бы подобраться к деревне совсем близко. Им оставалось бы преодолеть какую-то сотню ярдов, и тогда они смогли бы атаковать.

Пройдет каких-нибудь двадцать минут, и пауни выйдут на выбранную ими позицию.

VI

В каждом ящике находилось по двадцать четыре винтовки. Танцующий С Волками лично раздавал их воинам, которые будут сражаться. Сейчас все собрались у хижины Десяти Медведей и, получив оружие, индейцы подходили к старейшине, чтобы получить последние краткие инструкции.

Хотя Десять Медведей знал, что главные силы врагов следует ожидать со стороны реки, было возможным и то, что они пошлют диверсионную группу со стороны открытой прерии для того, чтобы дать шанс основному атакующему отряду окружить деревню сзади. Старый вождь выбрал двух влиятельных воинов и дал несколько человек в их распоряжение, чтобы они в случае нападения из прерии могли принять бой.

Потом он слегка ударил Танцующего с Волками по плечу, и воины слушали, что говорит старейшина.

— Если бы ты был белым солдатом, — начал старик с искаженным гримасой лицом, — и у тебя в распоряжении были бы все эти люди с винтовками — чтобы ты сделал?

Танцующий С Волками быстро обдумал свой ответ.

— Я бы спрятался в деревне...

Насмешливые крики раздались из группы воинов, которые стояли близко и могли слышать эти слова. Десять Медведей поднял обе руки вверх, утихомиривая соплеменников.

— Танцующий С Волками не закончил отвечать на вопрос, — суровый тон оборвал последние смешки.

Тогда Данбер продолжал:

— Я бы спрятался в деревне, позади хижин. Я бы следил только за камнями у реки, а не за теми, кто может появиться из прерии. Я бы позволил врагу первым обнаружить себя. Пусть бы он думал, что мы сражаемся на Другом краю лагеря, и что захватить лагерь будет легко. А потом те люди, что прятались бы за вигвамами, выскочили бы оттуда и начали стрелять. А после этого воины дакоты прикончили бы врагов ножами и сняли бы с них скальпеля. Я бы загнал врагов в реку и убил бы их столько, что они никогда не пришли бы сюда снова.

Старый вождь слушал очень внимательно пространную речь Данбера. Потом он оглядел своих воинов и повысил голос:

— Танцующий С Волками и я мыслим одинаково. Мы должны убить так много врагов, чтобы они никогда не пришли сюда снова. Оставьте нас и тихо разойдитесь по своим местам, — закончил Десять Медведей, сообщив таким образом о принятом решении.

Мужчины, крадучись, пробрались через деревню со своими новыми винтовками и заняли позиции позади тех вигвамов, что были обращены к реке.

Перед тем, как присоединиться к ним, Танцующий С Волками проскользнул в хижину Брыкающейся Птицы. Дети сбились в кучу под одеялами. Вместе с детьми находились и женщины. Они тихо сидели рядом. Жены Брыкающейся Птицы держали на коленях дубинки. Стоящая С Кулаком держала в руках ружье. Они ничего не сказали, и Танцующий С Волками тоже промолчал. Он только хотел убедиться, что они готовы.

Данбер прошел мимо беседки и остановился позади своей хижины. Она была одной из самых

близких к реке. Каменный Теленок расположился по другую сторону. Они кивнули друг другу, и их внимание переключилось на открытое пространство впереди. Оно тянулось около сотни ярдов, а дальше начинались камни.

Дождь стал намного тише, но все еще мешал ясно различать предметы. Облака висели огромными дымными клубами прямо над головой, и предрассветные сполохи почти совсем не давали света. Дакоты видели очень немногое, но были уверены, что враг там, в ста ярдах впереди.

Танцующий с Волками бросил взгляд вверх и вниз по склону холма, на котором в ряд выстроились вигвамы справа и слева от него. Воины дакоты находились в засаде за каждым из них, томясь в ожидании с винтовками в руках. Даже Десять Медведей был там.

Небо на востоке заметно посветлело. Грозовые облака уползали прочь, увлекая за собой дождь. Неожиданно лучи солнца пробились сквозь тучи и минуту спустя от земли уже поднимался пар, похожий на туман.

Танцующий с Волками, пытаясь сквозь туман разглядеть камни, заметил темные силуэты людей, просачивающихся как привидения сквозь ветви кустарника и высокую траву.

У Данбера возникло чувство, которого он не испытывал долгое время. Это было именно то, что делало его глаза черными и превращало его в механизм, который нельзя уничтожить.

Неважно, каким сильным, в каком количестве или какими могущественными были люди,двигающиеся там, в тумане. Они были не теми, кого надо бояться. Это были враги, и они стояли на пороге его хижины. Он хотел драться с ними. Он не мог дождаться этого сражения.

Выстрелы из винтовки раздались у Данбера за спиной. Маленькая группа диверсантов столкнулась с небольшим отрядом защитников на другом фронте.

Когда до сидящих в засаде донесся шум сражения на другом конце деревни, Данбер снова оглядел линию вигвамов. Несколько горячих голов готовы были вскочить со своих мест и побежать туда, где уже шел бой. Но старшие воины хорошо знали свое дело. Ни один из молодых и нетерпеливых индейцев не сдвинулся с места.

Танцующий с Волками снова взгляделся в камни и тени, скользящие между кустов.

Они медленно приближались — некоторые пешком, некоторые сидя на лошадях. Они осторожно продвигались по склону, призрачные, с собранными в хвосты волосами, мечтающие о кровопролитии.

Кавалерия пауни двигалась позади пеших воинов, а Танцующий с Волками хотел, чтобы было наоборот. Он хотел, чтобы всадники, возвышавшиеся над своими соплеменниками, приняли первые выстрелы.

— Выведите вперед лошадей, — безмолвно взывал он к пауни. — Выведите же их вперед.

Он снова взглянул на своих товарищей по оружию, надеясь, что они выждут еще несколько секунд, и был удивлен тем, что увидел. Множество глаз было устремлено на него. Они просто наблюдали за ним, как будто ожидая, когда он подаст им знак открыть огонь.

Танцующий с Волками поднял руку над головой.

Возбужденные гортанные крики раздались со склона холма. Они становились все громче и мощней, сливаясь в гул, который разорвал тишину этого неприветливого дождливого утра как порыв горячего ветра.

Эти звуки означали, что пауни начали атаку.

Как только сигнал к атаке прозвучал, конные пауни выступили вперед, оставив пешех позад себя.

Танцующий С Волками резко опустил поднятую руку и вылетел из-за вигвама с поднятым для стрельбы ружьем. Дакоты последовали его примеру.

Огонь из их винтовок сразил всадников на расстоянии примерно в двадцать ярдов. Так же чисто, как острый нож срезает шкуру с убитого животного, этот первый залп разделил армию пауни. Мужчины падали со своих лошадей как игрушки с покосившейся полки. А те, кто на самом деле не был ранен, были ошеломлены появлением и контужены грохотом сорока ружей.

Чтобы отразить контратаку дакотов, пауни пробрались сквозь голубой пороховой дым и набросились на изумленных их появлением врагов.

Новая атака была настолько яростна, что Танцующий С Волками решительно бросился на первого же пауни, которого успел заметить. Когда они катались по земле, не произнося ни слова, Данбер приставил дуло своего военно-морского револьвера прямо к лицу противника и выстрелил.

После этого он убивал людей племени пауни везде, где только наткнулся на них в этой суматохе. Так, он успешно застрелил еще двоих.

Что-то тяжелое ткнулось Данберу в спину, почти сбив его с ног. Это оказался один из выживших военных пони, принадлежавших пауни. Лейтенант подобрал поводья и вскочил ему на спину.

Пауни были похожи на цыплят, пойманных волком, и уже отступали назад в надежде найти убежище среди камней. Танцующий С Волками нагнал высокого воина, бегством спасающего свою жизнь, и копыта лошади сбили того с ног. Данбер нажал на курок, целясь индейцу в затылок, но выстрела не последовало. Повернув револьвер дулом к себе, он рукояткой ударил успевшего подняться противника по голове. Пауни упал снова прямо к ногам Танцующего С Волками, и Данбер почувствовал, как копыта пони вмялись в распростертое тело.

Танцующий С Волками ударил пони пятками в бока и, когда они почти поравнялись с беглецом, он бросился на воина с тюрбаном на голове, ухватив его за руки и заломив их за спину, соскальзывая в то же время со спины лошади.

От толчка оба покатались по последнему оставшемуся до укрытия чистому пространству и оба сильно ударились о большое хлопковое дерево, в одиночестве растущее здесь. Танцующий С Волками обеими руками держал индейца и бил его головой о дерево до тех пор, пока не убедился, что глаза противника уже мертвы. Сломанная ветка склонилась к стволу и касалась разможенного черепа пауни, делая его похожим на насаженный на вертел кусок мяса.

Отступив назад от этого нервирующего зрелища, Данбер увидел, как мертвец резко завалился вперед, а его руки жалобно вытянулись на земле, как будто он хотел обнять своего убийцу. Танцующий С Волками отполз еще дальше назад, и тело убитого вытянулось, а лицо уткнулось в землю.

В этот момент лейтенант вдруг осознал, что вибрирующее гортанное вскрикивание прекратилось.

Бой закончился.

Внезапно ослабев, он поплелся вдоль края каменных глыб, выбираясь на главную тропу, а потом побрел к реке, обходя тела пауни, которые попадались ему на пути.

Дюжина дакотов верхом на лошадях, и Каменным Теленком среди них, преследовали остатки отряда пауни, которые удирали, переправляясь на противоположный берег реки.

Танцующий С Волками наблюдал за сражением до тех пор, пока группы воинов обоих племен не скрылись из вида. Тогда он медленно пошел назад.

Подойдя к склону, он услышал восторженные крики.

Когда Танцующий С Волками достиг вершины холма, поле битвы широко раскинулось перед его взором.

Оно было похоже на поспешно оставленное после пикника место. Отбросы были раскиданы тут и там. Огромное количество трупов пауни покрывало землю. Воины дакоты возбужденно ходили вокруг них.

— Я убил этого, — слышалось иногда из уст победителя.

— А этот еще дышит, — сообщал другой, подзывая того, кто был ближе к недобитому врагу помочь прикончить его.

Женщины и дети вышли из вигвамов и сновали теперь по полю боя. Некоторые из тел были жутко обезображены.

Танцующий С Волками остановился как вкопанный, слишком утомленный, чтобы вернуться к камням и слишком сильно чувствующий себя лишним сейчас, чтобы идти вперед.

Один из воинов заметил его и громко выкрикнул:

— Танцующий С Волками!

Не успел Данбер понять, что происходит, как воины-дакоты собрались вокруг него. Как муравьи, вкатывающие свою ношу на вершину муравейника, индейцы подталкивали его непосредственно на место сражения. С каждым шагом, пройденным Танцующим С Волками, дакоты выкрикивали его имя.

Охваченный изумлением, он позволил вести себя, неспособный разделить их пылкую радость. Они были переполнены ликованием от смерти и разрушения, признаки которого лежали сейчас у их ног, и Танцующий С Волками не мог понять этого.

Но, стоя посреди поля в окружении товарищей по оружию и слыша, как они приветствуют его, Данбер вдруг понял. Он еще никогда не участвовал в такого рода битве, но постепенно начал смотреть на одержанную победу другими глазами.

Это сражение, где пролилось столько крови, велось не во имя каких-то темных политических интриг. Это была не война за территорию или какие-то богатства. И даже не за свободу людей. Этот бой не имел этого, и в нем не было корысти.

Война велась только для того, чтобы защитить дома, которые стояли всего в нескольких футах от поля боя. И чтобы защитить жен, детей и любимых, спрятавшихся внутри. Люди сражались, охраняя запасы пищи, которая была заготовлена на зиму. Те запасы, для добычи и переработки которых затрачено столько труда всех жителей деревни.

Для каждого члена племени это была великая, личная победа.

Неожиданно для себя Данбер вдруг почувствовал гордость, слыша, что выкрикивается его имя и, когда его взгляд снова обрел осмысленное выражение, он посмотрел вниз и узнал одного из тех пауни, что был убит им самим.

— Я застрелил этого! — словно очнувшись, завопил он.

Кто-то прокричал ему на ухо:

— Да! Я видел, как ты стрелял в него!

После этих восклицаний Танцующий С Волками зашагал вместе с индейцами, выкрикивая имена тех воинов из племени дакотов, которых знал.

Деревня была залита солнечным светом, и бойцы, повинувшись внутреннему побуждению, спонтанно затанцевали свой победный танец, хлопая друг друга по спине и плача от триумфа, скача по полю среди мертвых пауни.

VII

Два врага были убиты тем небольшим отрядом, который защищал подступы к деревне впереди. На основном поле боя осталось лежать двадцать два тела, еще четыре были обнаружены среди камней, а отряду преследователей под предводительством Каменной Ноги удалось убить еще троих. Сколько раненых было унесено беглецами, никто не знал.

У дакотов было ранено семь человек, и только двое из них серьезно. Но настоящее чудо заключалось в количестве убитых. Ни один индеец из дакотов не был потерян в этом бою. Даже самые старые из жителей не помнили такой полной и односторонней победы.

Еще два дня деревня переживал свой триумф, во время которого чествовались все мужчины племени. Но один воин был заметно выделен среди других. Это был Танцующий С Волками.

В течение всех этих месяцев, прожитых в прерии, мысль о восприятии окружающего мира не раз возникала у него в мозгу. Сейчас круг замкнулся. Теперь он смотрел на вещи так, что был ближе чем когда бы то ни было к тому ощущению, той закономерности, какую встретил у дакотов. Ни один из индейцев не осмеливался назвать его богом, но в жизни этих людей он был чем-то сродни ему. Таким же могущественным, таким же благородным.

На протяжении целого дня у его хижины крутились подростки. Хозяйки открыто заигрывали с ним. Его имя не выходило из головы каждого, прочно засев в мыслях. И ни один разговор, в котором не упоминалось бы имя Танцующего С Волками, не мог состояться.

Последний и самый значительный вклад в возвеличивание Данбера внес Десять Медведей. Он сделал невиданный доселе жест: подарил герою трубку из своего собственного вигвама.

Танцующему С Волками нравилось всеобщее внимание, но он не делал ничего, чтобы поощрять его. Длющиеся без конца празднества оказали влияние на его ежедневные заботы. Казалось,

кто-то всегда путается под ногами. Хуже всего то, что, окруженный всякими почестями, он совсем мало времени уделял Стоящей С Кулаком. Стало почти невозможно остаться наедине.

Из всех находящихся в лагере людей он, возможно, с самым большим нетерпением ожидал возвращения Брыкающейся Птицы и Волос, Трепещущих На Ветру.

После нескольких недель, проведенных в экспедиции, разведчики так и не встретили врага, как вдруг на перевале их застиг неожиданно выпавший снег. Для такого снега, в который ноги погружались по щиколотки, было еще слишком тепло. Сейчас был не его сезон.

Расценив это как признак ранней и суровой зимы, Трепыхающаяся Птица отозвал экспедицию, и они устремились обратно, к дому, чтобы начать приготовления к большому переходу на юг.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

I

Вернувшись из похода не солоно хлебавши, индейцы были буквально ошеломлены невероятными новостями о нападении пауни.

Прибытие в лагерь отряда лучших воинов, так долго находившихся в отлучке, сразу же переключило внимание жителей с одного праздника, предметом которого был Данбер, на другой. Немедленно по возвращении начались новые пиршества. Танцующего С Волками не стали меньше ценить. Просто по обычаю дакотов требовалось как следует встретить Брыкающуюся Птицу и Ветра В Волосах. Наконец закончилось веселье и по этому поводу, и жизнь деревни вошла в обычную колею.

Хотя Танцующий С Волками не демонстрировал публично свои успехи, Трепыхающаяся Птица был восхищен столь заметным прогрессом. Не обойдя вниманием его отважность и великолепное отражение атаки пауни, индеец особо отметил его перерождение в одного из дакотов, в основном из-за знания языка. Это потрясло шамана.

Имея начальную цель узнать кое-что о белой расе, даже человеку с таким жизненным опытом, как Трепыхающаяся Птица, было трудно принять тот факт, что одинокий белый солдат, всего несколько месяцев назад впервые в своей жизни увидевший индейца, был теперь дакота.

Еще труднее было поверить в то, что он стал лидером дакотов. Но доказательства были налицо: молодые ребята, которые буквально ходили за ним по пятам, и те разговоры, что вели люди постарше.

У Брыкающейся Птицы не укладывалось в голове, как такое могло случиться. Наконец он пришел к выводу, что это всего лишь еще одна часть Великого Чуда, которое окружает Великий Дух.

К счастью, он смог принять такое развитие событий. И это помогло ему найти в себе силы услышать еще об одном сюрпризе. Его жена рассказала ему обо всем, когда они лежали рядом в своей постели в первую же ночь после возвращения.

— Ты уверена в том, что рассказала? — спросил Трепыхающаяся Птица, поставленный в тупик этой историей. — Трудно в это поверить!

— Когда ты увидишь их вместе, ты поверишь, — доверительно прошептала женщина. — Все это заметили.

— Как ты думаешь, это хорошо?

Жена ответила на его вопрос с коротким смешком.

— А разве это было когда-нибудь нехорошо? — произнесла она, немного поддразнивая мужа и придвигаясь еще ближе к нему.

II

Когда на следующее утро откинулся полог, закрывающий вход в знаменитую хижину, и в проеме появилось нахмуренное лицо Брыкающейся Птицы, Танцующий С Волками невольно отпрянул.

Они обменялись приветствиями и сели.

Танцующий С Волками начал было набивать свою новую трубку, как Трепыхающаяся Птица в несвойственной ему манере грубо прервал хозяина.

— Ты хорошо говоришь, — заметил индеец.

Танцующий С Волками замер, перестав засовывать табак в трубку.

— Спасибо, — ответил он. — Мне нравится говорить на языке дакотов.

— Тогда скажи мне... что между тобой и Стоящей С Кулаком?

Танцующий С Волками чуть не выронил трубку из рук. Из его горла вырвалось несколько нечленораздельных звуков перед тем, как он, наконец, снова обрел дар речи.

— Что ты имеешь в виду? — поинтересовался он.

— Есть что-нибудь между тобой и ею? — лицо Брыкающейся Птицы исказил гнев, когда он повторил вопрос.

Танцующий С Волками не понравился этот тон. Он не смог сдержаться и ответил так же:

— Я люблю се.

— Ты хочешь на ней жениться?

— Да.

Трепыхающаяся Птица задумался. Он бы хотел возразить против этой любви ради ее же спасения, но не мог найти ни одного разумного довода так долго, будто все дело было только в супружестве.

Он поднялся на ноги.

— Жди здесь, в хижине, — сказал он сурово.

Танцующий С Волками ничего не успел произнести в ответ, потому что шаман стремительно вышел из вигвама.

Он бы в любом случае сказал «да». Резкое поведение Брыкающейся Птицы поселило страх в

его сердце. Танцующий С Волками остался сидеть, где сидел.

III

Трепыхающаяся Птица по пути через деревню сделал остановки в хижинах Каменной Ноги и Волос, Трепещущих На Ветру, задержавшись в каждой не больше пяти минут.

Возвращаясь в свой вигвам, он обнаружил, что снова начал покачивать головой. Впрочем, этого он ожидал, он все еще находился в тупике.

«О, Великое Чудо, — разговаривал индеец сам с собой. — Я всегда пытался увидеть твое приближение, но так и не увидел».

Когда он вошел в хижину, женщина сидела внутри.

— Стоящая С Кулаком, — окликнул он ее, привлекая к себе внимание. — Ты больше не вдова.

С этими словами он круто развернулся и вышел наружу, отправившись к стаду на поиски своего любимого пони. Он нуждался в долгой прогулке в полном одиночестве.

IV

Прошло совсем немного времени с того момента, как ушел Трепыхающаяся Птица. Танцующий С Волками сидел в ожидании, когда на пороге появились Ветер В Волосах и Каменный Теленок. Они заглянули внутрь.

— Что ты делаешь здесь, в вигваме, в такой день? — спросил Ветер В Волосах.

— Трепыхающаяся Птица приказал мне ждать.

Каменный Теленок всезнающе улыбнулся:

— Ты можешь ждать сколько угодно, — индеец хихикнул. — Трепыхающаяся Птица уехал в прерию несколько минут назад. Было похоже, что он собирался надолго.

Танцующий С Волками не знал, что делать или говорить. Он заметил на лице своего приятеля натянутую улыбку.

— Мы можем войти? — лукаво спросил крупный воин — Ветер В Волосах.

— Да, пожалуйста... пожалуйста, садитесь... — растерянно пробормотал Данбер.

Оба визитера уселись прямо напротив Танцующего С Волками. Они были самодовольны, как школьники.

— Я жду Брыкающуюся Птицу, — резко произнес Танцующий С Волками. — Что вам нужно?

Ветер В Волосах слегка наклонился вперед. Он все еще глупо улыбался.

— Ходят слухи, что ты собираешься жениться.

Лицо Танцующего С Волками начало менять цвет. В течение нескольких секунд из светло-розового оно стало глубочайше, богачейше красным.

Оба гостя громко рассмеялись.

— На ком? — слабо промямлил Данбер.

На лицах воинов отразилось сомнение.

— На Стоящей С Кулаком, — ответил Ветер В Волосах. — Мы слышали именно это. Разве не на ней?

— Она носит траур, — начал было оправдываться Данбер. — Она...

— Уже нет, — прервал его Каменный Теленок. — Сегодня с нее снят траур. Она больше не вдова. Трепыхающаяся Птица сделал это.

Танцующий С Волками проглотил вставший вдруг в горле ком.

— Он сделал это? — не веря своим ушам, переспросил Данбер.

Оба мужчины, теперь уже более серьезно, кивнули и подтверждение. Танцующий С Волками осознал наконец, что это законное решение продвинуло его на шаг вперед к женитьбе. К его женитьбе.

— Что я должен делать? — он в растерянности переводил взгляд с одного индейца на другого.

С печальным выражением визитеры осмотрели его почти пустое жилище. Они закончили беглую проверку парой печальных покачиваний головами.

— Ты замечательно беден, мой друг, — сказал Ветер В Волосах. — Я даже не знаю, сможешь ли ты жениться. Ты должен иметь некоторые вещи, которые нужно будет отдать жене... а у тебя здесь ничего нет.

Танцующий С Волками, в свою очередь, тоже осмотрелся кругом, и выражение его лица становилось все мрачнее с каждой секундой.

— Да, я действительно небогат, — заметил он.

В вигваме наступила тишина.

— Вы можете помочь мне? — спросил он своих гостей.

Мужчины доиграли свою роль до конца, ибо она того стоила. Рот Каменной Ноги уклончиво скривился. Ветер В Волосах опустил голову и нахмурил брови.

После длительного молчания, во время которого Танцующий С Волками был близок к агонии, Каменный Теленок глубоко вздохнул и посмотрел ему прямо в глаза.

— Это, может быть, возможно, — произнес индеец.

V

У этих двух приятелей — Каменной Ноги и Волос, Трепещущих На Ветру — сегодня выдался хороший денек. Они вволю подшучивали над Танцующим С Волками. Особенно смешным было выражение его лица, когда они все вместе шли через деревню заключать сделки насчет лошадей.

Свадьбы обычно были заурядным явлением, но уникальность жениха и невесты, имеющая такое близкое отношение к великой победе над пауни, вызвала бурное оживление в предвкушении дальнейших приятных событий.

Люди стремились принять участие в сборе необходимых вещей для бракосочетания Танцующего С Волками. Фактически, вся деревня желала быть частью его «приданного».

Все, кто имел много лошадей, были счастливы внести свой вклад. Даже самые бедные семьи хотели расстаться с животными, хотя не могли себе этого позволить. Было очень трудно отговорить этих людей от такого бесценного подарка, но, однако, удавалось.

Как часть заранее подготовленного плана, жертвователи со всей деревни начали приводить лошадей с наступлением сумерек. К тому времени, как на небе появилась первая вечерняя звезда, более двадцати отличных пони стояли перед хижиной Танцующего С Волками.

Вместе с Каменной Ногой и Волосами, Трепещущими На Ветру, которые вели себя как домашние учителя, будущий жених подвел пони к вигваму Брыкающейся Птицы и привязал их снаружи.

Рекомендации его приятелей были сильно преувеличены. Но желая отдать что-то действительно дорогое для себя, Танцующий С Волками вытащил из-за пояса тяжелый револьвер и оставил его у входа в хижину.

Потом он вернулся к себе, отослал советчиков по домам и провел всю ночь в ожидании.

На рассвете он выскользнул на улицу, чтобы взглянуть на хижину Брыкающейся Птицы. Ветер В Волосах объяснил ему вчера, что если предложение будет принято, лошадей не окажется на том месте, где Данбер их оставил. Если же ему откажут, пони будут стоять там, где стояли.

Лошадей не было.

Весь следующий час Танцующий С Волками потратил на то, чтобы придать себе презентабельный вид. Он тщательно побрился, начистил свои ботинки, как следует, до блеска натер свое нагрудное украшение и смазал маслом волосы.

Он только-только закончил последние приготовления, как услышал голос Брыкающейся Птицы, который звал его:

— Танцующий С Волками!

Желая поскорее расстаться с холостяцкой жизнью, жених склонился, проходя через проем с откинутым пологом, и шагнул на улицу.

Там его ждал Трепыхающаяся Птица, выглядевший экстраординарно в своем наряде. В нескольких шагах позади него стояла Стоящая С Кулаком. А еще дальше, за спиной невесты, собралась вся деревня и торжественно наблюдала.

Танцующий С Волками обменялся формальными приветствиями с шаманом и стал внимательно слушать пространную речь Брыкающейся Птицы о том, что индейцы ожидают увидеть в настоящем, хорошем муже племени дакотов.

Данбер не мог отвести взгляда от хрупкой фигурки своей невесты. Она стояла неподвижно, а ее голова была слегка наклонена. На женщине было надето нарядное замшевое платье, лиф

которого украшало ожерелье из острых зубов лося. На ее ногах снова позвякивали колокольчиками специальные мокасины, а шею украшал плотный ряд маленьких трубчатых костей.

Всего один раз за все время, пока говорил Трепыхающаяся Птица, она подняла голову, и когда Танцующий С Волками увидел целиком ее удивительное лицо, он наконец-то успокоился и почувствовал себя увереннее. Он никогда не устанет смотреть на нее.

Казалось, Трепыхающаяся Птица никогда не закончит говорить. Наконец он остановился.

— Вы слышали все, что я сказал? — задал вопрос шаман.

— Да.

— Хорошо, — пробормотал Трепыхающаяся Птица. Он повернулся к Стоящей С Кулаком и подозвал ее поближе.

Она так и подошла, не подняв головы, и индеец взял ее за руку. Он вложил тоненькую ладошку в руку Танцующего С Волками и велел ему отвести свою невесту в вигвам.

Обряд бракосочетания закончился в тот момент, когда они переступили порог хижины. После того, как молодожены исчезли за пологом, жители деревни начали медленно расходиться по своим домам.

Весь вечер люди из лагеря Десяти Медведей подходили маленькими группками к порогу, чтобы положить свои подарки у входа в вигвам. Индейцы оставались у дверей ровно столько, сколько требовалось. К закату массивная гора подношений возвышалась снаружи у хижины молодоженов.

Это было похоже на Рождество — праздник бледнолицых.

Но время шло, а этот красивый жест целой деревни остался незамеченным новой семьей. В день своей свадьбы они не видели людей, ни их подарков. В день своей свадьбы Танцующий С Волками и Стоящая С Кулаком оставались дома. И полог на двери оставался закрытым.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

I

Через два дня после свадьбы в лагере состоялся Совет. Прошедшие недавно ливневые дожди, начавшиеся в этом сезоне довольно поздно, оживили пожухлую траву, и она снова зазеленела, налилась соками. На Совете было решено задержаться с зимним переходом из-за стада пони. Оставшись еще ненадолго в этих местах; лошади наберут еще несколько фунтов веса, который поможет им легче перенести зиму. Все племя остается в летнем лагере еще на две недели.

Никто в деревне не был так доволен этим поворотом событий, как Танцующий С Волками и Стоящая С Кулаком. Они беззаботно наслаждались своими первыми Днями семейной жизни и не хотели прерывать этот особенный период. Для них было достаточно трудно покинуть постель. Они не представляли себе, как можно сейчас начать упаковывать и складывать вещи, а потом идти сотни миль в длинной шумной колонне.

У двоих белых была определенная цель — они хотели иметь ребенка. А потому проходящие мимо их хижины индейцы редко могли видеть на двери откинутый полог.

Когда Танцующий С Волками появлялся на людях, он бывал безжалостно атакован своими друзьями. Ветер В Волосах не знал меры в упражнениях по поддразниванию. Если Танцующий С Волками заходил к нему, чтобы выкурить трубку, то бывал неизменно встречен приветствиями с добавлением нескольких фраз. Индеец не уставал восхвалять его мужские достоинства или изображал неподдельный шок, видя Данбера не в постели. Ветер В Волосах даже пытался прибавить к его имени еще одно — Человек-Пчела, намекая на его никогда не заканчивающееся опыление единственного цветка. К счастью для новоиспеченного мужа, эта кличка не приклеилась к нему.

Танцующий С Волками пропускал все насмешки мимо ушей. Обладание той женщиной, которую он хотел, делало его неуязвимым, и ничто не могло задеть его.

А жизнь и за пределами вигвама была великолепна. Данбер отправлялся на охоту каждый день, почти всегда вместе с Каменной Ногой и Волосами, Трепещущими На Ветру. Эти трое стали действительно неразлучными друзьями, и редко можно было увидеть одного из них выезжающим из деревни без сопровождения остальных.

Между тем, продолжались и беседы с Трепыхающейся Птицей. Теперь они были более беглыми и количество тем было неограниченным. Appetit Танцующего С Волками на учебу был гораздо сильнее, чем у Брыкающейся Птицы, и шаман расширил тематику лекций, рассказывая обо всем, начиная от истории племени и рода до лечения травами. Знахаря сильно воодушевлял страстно желающий знаний ученик, который к тому же интересовался спиритизмом. Appetиты Данбера росли, и Трепыхающаяся Птица охотно удовлетворял их.

Религия дакотов была проста. Она базировалась на естественной, окружающей их жизни: животных и понятиях, которые были неотъемлемой частью существования в прерии. Однако, способы применения религии были многообразны. Религия изобиловала различными ритуалами и табу, и только обсуждение одних этих предметов отнимало у мужчин много времени.

Новая жизнь сделала Танцующего С Волками богаче, чем он когда-либо был. Это проявлялось прежде всего в том, как он относился теперь к себе, как он менялся. Без особого драматизма он утратил свою наивность, но не присущее ему обаяние. Данбер становился более мужественным, но тем не менее его юмор, даже смешливость, остались при нем. Он мягко вошел в свою роль, как зубец на шестеренке хорошо отлаженного механизма. Но он не потерял своей индивидуальности.

Трепыхающаяся Птица всегда был настроен понять душу любого, сущность любой вещи. Индеец чрезвычайно гордился своим протезе, и однажды вечером, в конце прогулки после ужина, он положил руку на плечо Танцующего С Волками и сказал:

— В этой жизни много путей, но тот, который важно пройти, могут выбрать и преодолеть только немногие... даже не все мужчины дакота. Это путь честного человеческого существа. Я думаю, ты сейчас на этом пути. И мне приятно это видеть. Это радует мое сердце.

Танцующий С Волками запомнил его слова, и всегда мысленно повторял их. Но он никому не рассказал об этом, даже Стоящей С Кулаком. Он сделал эту фразу частью своей личной науки.

II

До большого перехода оставалось всего несколько дней. Однажды утром Трепыхающаяся Птица подошел к Данберу и сказал, что он собирается поехать в особое место. Эта поездка

туда и обратно может занять весь день и, возможно, часть ночи, но если Танцующий С Волками хочет поехать с ним, он будет только рад.

Двое мужчин отправились прямо через сердце прерии, придерживаясь юго-восточного направления несколько часов. Безграничность степи, которая окружала их, была настолько впечатляюще, что они почти не разговаривали. Каждый думал о своем.

Ближе к полудню они повернули точно на юг, и через час их пони остановились на вершине длинного гребня, который вытянулся примерно на милю и краем касался реки.

Индеец и белый могли видеть цвет и игру течения воды далеко на западе и на востоке. Но прямо перед ними Река исчезла.

Ее скрывал вековой лес.

Танцующий С Волками несколько раз моргнул, как будто пытаясь рассеять мираж. С такого расстояния было трудно судить о высоте деревьев, но он знал наверняка, что они очень высоки. Некоторые из них, должно быть, достигают шестидесяти, или даже семидесяти футов.

Роща тянулась вдоль реки на добрую милю, и ее громадность дико контрастировала с огромными пустыми пространствами, среди которых затерялся этот оазис. Это было похоже на фантастическое творение какого-то сверхъестественного духа.

— Это место на самом деле существует? — спросил полусутя Танцующий С Волками.

Трепыхающаяся Птица улыбнулся.

— Возможно, нет. Это священное место для нас... и даже для некоторых из наших врагов. Оно напоминает о том, что здесь возрождается дичь. Деревья служат убежищем для всего живого, что создал Великий Дух. Они появляются здесь на свет и постоянно возвращаются на то место, где родились. Я не был здесь очень давно. Мы дадим лошадям напиться, а потом посмотрим.

Когда они подъехали ближе, лес показался еще огромнее, он был сама энергия. Войдя в лес, Танцующий С Волками почувствовал себя ничтожно маленьким. Он подумал о Райских Куцах.

Деревья сомкнулись у них за спиной, и вдруг оба мужчины почувствовали смутное беспокойство. Что-то было не так.

Среди деревьев, в чаще леса, не раздавалось ни единого звука.

— Как тихо, — произнес Танцующий С Волками, озираясь кругом.

Трепыхающаяся Птица ничего не ответил. Он слушал и наблюдал с настороженностью кота, что-то почуявшего.

Тишина буквально душила мужчин, пока они пробирались вглубь леса, и Танцующий С Волками вдруг ясно осознал, что только одна вещь может создать такой беззвучный вакуум. Он ощущал ее аромат. Ее вкус оседал на кончике его языка.

В воздухе витала смерть.

Трепыхающаяся Птица неожиданно остановился. Тропа расширилась, и когда Танцующий С Волками взглянул через плечо своего проводника, он был поражен красотой представшего его глазам вида.

Впереди расстилалась чистая ровная лужайка. Деревья здесь росли так редко, что между ними было достаточно места для всех хижин, людей и лошадей лагеря Десяти Медведей. Солнечные лучи разлились на земляном полу широкими теплыми лужами.

Данбер представил себе фантастическую утопию: люди счастливого племени проводят спокойную жизнь в гармонии со всем живущим на Земле.

Человеческие руки не могли бы создать ничего, подобного этому. Им не под силу было соперничать с красотой этого храма под открытым небом.

Однако руки людей могли разрушить его. Доказательства тому были налицо.

Этот божественный уголок был осквернен.

Деревья всех размеров лежали там, где они были повалены, некоторые даже одно на другом, похожие на рассыпанные по столу зубочистки. Большинство из них не было очищено от веток, и Танцующий с Волками не мог себе представить, для чего тогда они были срублены.

Мужчины пустили своих пони вперед и, понемногу продвигаясь среди этого варварства, Танцующий с Волками вдруг различил жуткое жужжание.

Сначала, думая, что это пчелы или осы, он начал изучать ветви над головой, стараясь разглядеть гнездо этих насекомых.

Но по мере того, как они продвигались все дальше, к центру храма, он понял, что шум идет не сверху. Он шел снизу. И производили его хлопающие крылья многих тысяч пирующих мух.

Везде, куда ни кинь взгляд, земля была усыпана телами или частями тел. Тут были тушки маленьких животных — барсуков, скунсов и белок. Большая их часть была нетронута. У некоторых отсутствовали только хвосты. Тушки разлагались, оставленные лежать там, где их сразил меткий выстрел. И не было другой объяснимой причины их смерти — кто-то просто тренировался в стрельбе из винтовки.

Основными жертвами геноцида были олени, чьи тела были раскиданы вокруг Данбера. Некоторые лежали целиком, не считая только главного разреза. Большинство же были изуродованы.

Мертвые, остекленевшие глаза уставились на Данбера с сильных, точеных голов, которые были грубо отрублены. Глаза некоторых животных одиноко лежали на земле. Другие были сложены вместе в беспорядочные кучки по полдюжины в каждой.

В одном месте на глаза Танцующему с Волками попала странная картина: отделенные от тел головы были положены нос к носу, как будто они разговаривали о чем-то. Должно быть, предполагалось, что это будет смешно.

Ноги были еще более гротескны. Они тоже были аккуратно отделены от тел, которые когда-то носили. Плохо поддающиеся гниению, они выглядели яркими и красивыми, будто все еще сохраняли отличную форму для своей обычной работы.

Но это было печально: изящные, раздвоенный копыта и грациозные, покрытые блестящим мехом ноги... вели в никуда. Конечности были составлены в маленькие конусообразные кучки, как составляют ветки для разведения костра. Если бы Данбер захотел узнать их количество, он насчитал бы не меньше сотни таких шалашиков.

Мужчины устали от долгой прогулки, но ни один из них не сделал движения, чтобы остановить свою лошадь. Они продолжали путь.

Низкий участок на этой большой поляне открыл четыре дряхлых лачуги, стоящие друг подле друга, четыре ужасных болячки на теле зеленого лесного покрывала.

Люди, которые срубили так много деревьев, по-видимому, имели большие амбиции, считая себя строителями. Но даже если они и занимались этим, результат оказался бы таким же. Дома, которые были построены, выглядели убого даже с точки зрения того, кто их строил.

В любом случае, это было неподходящее место для жилья.

Бутылки из-под виски, брошенные там, где были опустошены, валялись в изобилии вокруг ужасных хижин. Было тут и еще множество бесполезных предметов — разбитые чашки, непочиненные пояса, разбитые стволы ружей... Все было оставлено там, где было выброшено.

Пара диких индюшек, связанных за лапы вместе, а в остальном абсолютно нетронутых, была обнаружена на земле между двумя лачугами.

Позади строений Танцующий С Волками и Трепыхающаяся Птица нашли широкий котел, переплетенный вонючими туловищами забитых оленей. Туши были безголовыми, безногими и с них была содрана шкура.

Жужжание мух было таким громким, что Данберу пришлось кричать, чтобы быть услышанным.

— Мы ждем этих людей?

Трепыхающейся Птице кричать не хотелось. Он подогнал своего пони вплотную к пони Танцующего С Волками.

— Они ушли неделю назад, может быть, больше. Мы дадим лошадям напиться, а потом поедem домой.

III

В течение целого часа на обратном пути с губ мужчин не сорвалось ни единого слова. Трепыхающаяся Птица был полон уныния и ехал чуть впереди, а Танцующий С Волками в это время смотрел в землю, стыдя белую расу, к которой он принадлежал, и думал о той грозе, которая посетила его тогда, в первобытной пещере.

Он никому не рассказывал об этом, но сейчас вдруг почувствовал необходимость сделать это. После всего увиденного это перестало казаться ему сном, как раньше. Это могло быть видением.

Когда они остановились, чтобы дать лошадям остыть, он рассказал Трепыхающейся Птице о том сне, который видел в пещере и который был еще свеж в его памяти. Он не упустил ни одной детали.

Шаман слушал длинные перечисления Танцующего С Волками не перебивая. Когда рассказ был закончен, индеец угрюмо устался в землю у своих ног.

— Все из нас были мертвы?

— Все, кого я видел, — сказал Танцующий С Волками. — Но я не видел абсолютно всех. Я не

видел тебя.

— Десять Медведей должен услышать этот сон, — произнес Трепыхающаяся Птица.

Они вскочили на лошадей и быстро поскакали по степи. Когда они прибыли в лагерь, солнце едва зашло за горизонт.

IV

Двое мужчин сделали свой отчет об осквернении священной рощи, о поступках, которые мог совершить только большой отряд белых охотников. Мертвые животные в лесу были несомненно побочной работой. Охотники искали, конечно, бизонов и могли бы уничтожить гораздо больше.

Десять Медведей кивнул несколько раз в течение этого рассказа. Но он не задал ни одного вопроса.

Тогда Танцующий С Волками еще раз пересказал свой сон.

Старый индеец так ничего и не произнес, его лицо осталось непроницаемым. Когда Танцующий С Волками закончил, старейшина не сделал никаких комментариев. Вместо этого он набил свою трубку табаком и сказал:

— Давайте покурим по этому поводу.

Танцующий С Волками отметил про себя, что Десять Медведей обдумывает все услышанное. Когда же они передавали трубку по кругу, он вдруг потерял терпение, беспокойство разрывало ему грудь.

Наконец он выдохнул:

— Я хочу сказать кое-что еще.

Старейшина кивнул.

— Когда Трепыхающаяся Птица и я впервые начали разговаривать, — начал Танцующий С Волками, — мне был задан вопрос, на который у меня не было ответа. Трепыхающаяся Птица спросил: «Сколько белых людей придет сюда?» И я ответил: «Не знаю». Это правда, я не знаю, сколько их придет. Но я могу сказать тебе: я уверен, что их будет много. Белых людей много больше, чем любой из нас может сосчитать. Если они захотят воевать с тобой, они сделают это с помощью тысяч усатых солдат. У белых солдат есть большие военные винтовки, которые могут выстрелить в такой лагерь, как наш, и разрушить его весь. Это заставляет меня бояться. Я даже боюсь своего сна, потому что знаю, что он может сбыться. Я не могу сказать, что нужно делать, но я бледнолицый, и я знаю белых людей. Я знаю их теперь такими, какими не знал раньше. Я боюсь за всех дакотов.

Десять Медведей кивал головой, пока Данбер говорил. Но Танцующий С Волками не мог решить, как старый индеец воспримет все сказанное.

Вождь поднялся на ноги и, сделав несколько шагов через хижину, остановился у постели. Он потянулся за снаряжением, висевшим над ней, снял узел, напоминающий по форме дыню, и вернулся к огню.

С ворчанием он опустился на свое место.

— Я думаю, ты прав, — сказал он, обращаясь к Танцующему С Волками. — Трудно решить, что нужно делать. Я старый и прожил много зим, но даже я не уверен в том, что делать, когда речь заходит о белых людях и их усатых солдатах. Но позволь мне показать тебе что-то.

Его крючковатые старческие пальцы потянули веревку, завязанную узлом на верхушке мешка из сыромятной кожи. Через секунду узел был развязан. Индеец опустил края мешка, постепенно открывая толстый кусок заржавевшего металла размером примерно с человеческую голову.

Трепыхающаяся Птица никогда раньше не видел этого предмета и не представлял себе сейчас, что бы это могло быть.

Танцующий С Волками тоже видел такую вещь первый раз в жизни. Но он знал, что это такое. Он видел нечто подобное на рисунке из учебника по военной истории. Это был шлем испанского конквистадора.

— Эти люди были первыми, пришедшими в нашу страну. Они пришли на лошадях... у нас тогда не было лошадей... и стреляли в нас из больших грохочущих ружей, которых мы до этого никогда не видели. Они искали блестящий металл, и мы боялись их. Это случилось во времена дедушки моего дедушки.

Мы окончательно изгнали этих людей с нашей земли.

Старый индеец длинно и глубоко затянулся дымом своей трубки, а потом выдохнул несколько клубов сизовато-голубого цвета.

— Потом начали приходить мексиканцы. Мы воевали с ними, и в этой войне нам сопутствовал успех. Они сильно испугались нас и больше не приходили сюда.

В мое время начали приходить белые люди. Техасцы. Они были похожи на всех остальных, которые находят причины, чтобы хотеть чего-либо в нашей стране. И они берут это, не спрашивая. Они приходят в ярость, когда видят нас живущими на нашей земле. Когда мы не делаем того, чего они хотят, они стараются убить нас. Они убивают женщин и детей, как будто это войны.

Когда я был совсем молодым воином, я сражался с техасцами. Мы убили многих из них и украли некоторых из их женщин и детей. Одна из этих детей — жена Танцующего С Волками.

Прошло какое-то время, и начались переговоры о мире. Мы встретились с техасцами и заключили с ними соглашение. Но этот договор всегда нарушался, как только белые люди желали от нас чего-то нового, весь договор становился не больше, чем просто слова на бумаге. Всегда было так.

Я устал от этого, и много лет назад я привел людей нашего племени сюда, подальше от белых. Мы, мирно жили здесь очень долгое время.

Но это место — последнее в нашей стране. Нам больше некуда идти. Когда я подумал о белых людях, идущих на наши земли сейчас, я сказал то, что сказал. Трудно решить, что нам делать теперь.

Я всегда был миролюбивым человеком. Я счастлив был жить в своей стране и ничего не хотеть от белых людей. Совсем ничего. Но я думаю, ты прав. Я думаю, они уже идут сюда.

Когда я думаю об этом, я смотрю на этот мешок, зная, что в нем хранится. И я уверен, что мы будем бороться, чтобы сохранить свою страну и все, что мы имеем. Это все, чего мы хотим.

Мы будем сражаться, чтобы отстоять ее.

Но я не думаю, что битва произойдет этой зимой. И после всего того, что ты рассказал мне, я думаю, пора отправиться в путь прямо сейчас.

Завтра утром мы свернемся и пойдем в зимний лагерь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

I

Засыпая этой ночью, Танцующий С Волками поймал себя на том, что что-то мучает его. Какая-то мысль прочно засела у него в мозгу. Проснувшись на следующее утро, он обнаружил, что она все еще там. Хотя Данбер понимал, что эта мысль каким-то образом имеет отношение к присутствию белых охотников всего в полудне езды от лагеря, к его вещему сну и разговору с Десятью Медведями, он никак не мог ухватиться за нес.

Через час после рассвета, когда лагерь уже разбирался, он начал думать о том, какое облегчение несет в себе их уход. Зимний лагерь будет даже в более уединенном месте, чем этот. Стоящая С Кулаком думала, что она беременна, и Танцующий С Волками заглядывал вперед, думая о безопасности отдаленного лагеря, которому он может доверить свою семью.

Никто не в силах будет настичь их там. Они станут неизвестны и недостижимы. Он сам больше не существовал на этой земле. Исключение составляли индейцы дакоты, которые приняли его и среди которых он был потерян для белых людей.

Вдруг эта мысль ударила, забила молотком в его мозгу. Она была так внезапна и так пугающа, что сердце Танцующего С Волками бешено застучало.

Он существовал.

И он безрассудно, глупо оставил этому подтверждение. Полная история лейтенанта Джона Дж. Данбера была записана в блокнот для каждого, желающего узнать ее. Записи лежали на кровати в дерновой хижине, в полной безопасности.

С того момента, как Танцующий С Волками и его жена закончили упаковывать свой нехитрый скарб, Стоящая С Кулаком отправилась помочь собираться другим семьям. Чтобы найти ее, могло потребоваться много времени, а потом, Данбер не хотел терять время на объяснения. Каждая минута дальнейшего существования журнала представляла из себя угрозу.

Он побежал в стадо пони, не способный думать ни о чем, кроме возвращения обратно себе этих записей.

Едва он и Киско вошли в лагерь, Танцующий С Волками вбежал в хижину Брыкающейся Птицы.

Шаман засомневался в необходимости того, о чем Данбер просил его. Они собирались быть в пути уже к этому вечеру и не смогут дожидаться его, если неблизкая поездка в Форт белых солдат окажется дольше, чем можно ожидать.

Но Танцующий С Волками был тверд в своем решении, и Трепыхающаяся Птица неохотно разрешил ему поехать туда. Колонна будет двигаться медленно, и для Танцующего С Волками не составит большого труда нагнать ее, даже если он вдруг будет задерживаться. Но шаман убеждал его поторопиться. Он не любил подобные, случающиеся в последнюю минуту, неожиданности.

II

Маленькая «оленья шкурка» был счастлив галопом нестись по прерии. В течение последних нескольких дней дул живительный, свежий ветер. В это утро воздух был напоен ароматами трав, и ветер снова продолжал свой неутомимый бег. Киско любил, когда тугие струи воздуха наталкивались на его морду, и несся как на крыльях, преодолевая милю за милей, которые отделяли их от Форта.

Последний знакомый подъем опустился пологим склоном прямо перед всадником, и Танцующий С Волками выпрямился на спине лошади. Он попросил Киско перейти на самый быстрый галоп, чтобы покрыть последние полмили как можно скорее.

Они преодолели вершину этого небольшого возвышения и ринулись вниз к старому посту.

Увиденное мгновенно поразило Танцующего С Волками подобно удару грома.

Форт Сэдрик буквально кипел солдатами.

Всадник и лошадь пронеслись еще добрую сотню ярдов, прежде чем мужчина смог остановить животное. Гнедой бросался вперед, рвал поводья и бешено кружился на месте, а Танцующему с Волками едва удавалось сдерживать его. Он боролся с собой, пытаясь охватить взглядом нереальное зрелище — полный суматохи армейский лагерь.

Несколько брезентовых палаток было раскинуто вокруг старого склада снаряжения и дерновой хижины. Два орудия, взгроможденные на зарядные ящики, были установлены рядом с его, Данбера, старым жилищем. Кораль был набит лошадьми. И все пространство внутри Форта бурлило людьми в армейской униформе. Они ходили, разговаривали и работали.

Фургон стоял в пятидесяти ярдах от Танцующего С Волками, а внутри на сиденьях, расположились четверо рядовых солдат, уставившихся на него. На их лицах застыл испуг. Черты были недостаточно ясны, и с такого расстояния Танцующему С Волками было невозможно заметить, что это всего лишь мальчишки.

Подростки, которые уже стали солдатами, никогда не видели дикого индейцев, но в течение нескольких недель подготовки, проводившейся после их набора, им без конца напоминали о том, что скоро они будут сражаться с лживыми, ловкими и жаждущими крови врагами.

Солдаты-подростки запаниковали.

Танцующий С Волками увидел, как они поднимают свои винтовки как раз в тот момент, когда Киско разворачивался. И Данбер ничего не мог сделать. Солдаты выстрелили не целясь. Танцующий С Волками при этом залпе бросился на землю и лежал сейчас не шевелясь, его даже не задело.

Но одна из пуль настигла Киско, попав ему точно к грудь. Кусок металла засел в самом центре сердца животного. «Оленья шкурка» умер до того, как его тела коснулась земли.

Увидев стрелявших юнцов, бежавших сейчас к нему, Танцующий С Волками подполз к упавшей лошади. Он обхватил голову Киско и поднял его морду вверх. Но она безжизненно повисла в его руках.

Гнев охватил Данбера. В его голове запульсировала тупая боль, насилие родило всего одну фразу. «Посмотрите, что вы сделали». Он повернулся на топот бегущих ног, уже готовый выкрикнуть эти слова, и в этот момент приклад винтовки обрушился на его голову, попав прямо в лицо. Все потухло.

III

Он почуял запах пыли. Его лицо было вжато в землю. Слово издали доносились приглушенные голоса, но смысл он уловил отчетливо.

— Сержант Мэрфи... Он пришел.

Танцующий С Волками повернул голову и лицо его исказила гримаса боли. Его раздробленная скула коснулась хорошо утоптанной поверхности земли.

Он дотронулся до своего пострадавшего лица пальцами и снова скорчился, когда боль отдалась по всей стороне головы.

Он попытался открыть глаза, но ему удалось только слегка приоткрыть один из них. Веки второго были плотно сжаты. Когда открытый глаз смог различить предметы, он узнал, где сейчас находится. Это был старый склад продовольствия и снаряжения. Кто-то толкнул его в бок.

— Эй, ты, сядь!

Носок ботинка перевернул его на спину и Танцующий С Волками сорвался с места, чтобы избежать удара. Задняя стенка склада встала перед ним преградой.

Там он и сел, уставясь здоровым глазом сначала на бородатого сержанта, стоящего прямо перед ним, а потом на любопытные лица белых солдат, толпящихся в дверях.

Чей-то голос за их спинами неожиданно проревел:

— Дайте дорогу майору Хэтчу, эй, вы! — и лица стоявших в проходе исчезли.

В складскую хижину вошли два офицера — молодой, чисто выбритый лейтенант и намного более старшего возраста мужчина, носящий длинные седые бакенбарды и плохо сидящую на нем форму. Глаза старшего были очень маленькие. Золотые полосы на его плечах поддерживались дубовыми листьями, которые служили знаком отличия майора.

Оба офицера смотрели на него с выражением отвращения.

— Кто он, сержант? — спросил майор, и его тон был холоден и подозрителен.

— Еще не знаю, сэр.

— Он говорит по-английски?

— Тоже пока не знаю, сэр... Эй, ты... — это уже адресовалось Данберу, — ты говоришь по-английски?

Танцующий С Волками закрыл и снова открыл свой здоровый глаз.

— Говоришь? — снова спросил сержант, прикладывая свои пальцы к своим же губам. — Говоришь?

Он ударил слегка по одному из черных ботинок пленного, и Танцующий С Волками сел ровнее. Эти движения совсем не походили на угрозу, но когда он сделал его, заметил, как оба офицера отступили назад.

Они боялись его.

— Ты говоришь? — еще раз переспросил сержант.

— Я говорю по-английски, — устало произнес Танцующий С Волками. — Мне трудно говорить... Один из ваших мальчиков сломал мне челюсть.

Солдаты были в шоке. Они не ожидали услышать английскую речь вообще, а уж тем более с таким чистым произношением. С минуту они стояли в немом изумлении, повернув к нему свои головы.

Танцующий С Волками выглядел одновременно и белым и индейцем. И невозможно было сказать, какая половина преваляровала. Теперь, по крайней мере, они знали, что он принадлежал к белой расе.

Пока тишина висела над головами присутствующих, солдаты снова начали собираться в толпу в дверном проеме, и Танцующий С Волками произнес:

— Один из этих дурацких идиотов застрелил мою лошадь.

Майор проигнорировал этот комментарий.

— Кто ты? — задал он вместо этого вопрос.

— Я — лейтенант Джон Дж. Данбер, Армия Соединенных Штатов.

— Почему ты одет, как индеец?

Даже если бы он хотел, то все равно не мог бы ответить на этот вопрос, но Танцующий С Волками и не хотел отвечать. Вместо этого он сказал:

— Это мой пост. Я прибыл из Форта Хэйс в апреле, но здесь никого не оказалось.

Майор и лейтенант немного посоветовались, шепча что-то друг другу на ухо.

— У тебя есть доказательства? — спросили они Данбера.

— Под кроватью, в другой хижине, вы найдете блокнот. В него вложен листок, который содержит приказ о моем назначении. Сверху, на самой кровати, лежит мой журнал. Он расскажет вам обо всем, что вы хотите знать.

Это было выше сил Танцующего С Волками. Он опустил неповрежденную сторону лица на руку. Его сердце разрывалось. Дакоты могут оставить его здесь, чтобы чувствовать себя в большей безопасности. Он осознал наконец случившуюся с ним беду. Если даже он и поедет вслед за колонной, может быть уже слишком поздно и он не найдет ее. Киско лежал мертвый

снаружи, всего в нескольких ярдах от Форта. Данберу хотелось плакать. Но он не позволил себе этого. Он просто опустил голову.

Люди вышли из комнаты, но Танцующий С Волками так и не поднял головы, чтобы посмотреть, кто именно вышел. Прошло несколько секунд, и он услышал грубый голос сержанта:

— Ты стал индейцем, не так ли?

Данбер поднял голову. Сержант нависал над ним всей своей тушей и злобно щурился.

— Не так ли? — повторил он.

Танцующий С Волками ничего не ответил. Он снова беззвучно уронил голову на руки, отказываясь смотреть куда бы то ни было до тех пор, пока не вернутся майор с лейтенантом.

В этот момент заговорил младший офицер, тот самый безбородый лейтенант.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Данбер... Д-а-н-б-е-р... Джон, Дж.

— Это твой приказ? — лейтенант держал в руках пожелтевший листок бумаги. Танцующий С Волками вынужден был скосить глаз, чтобы убедиться в том, что это именно тот приказ.

— Да, — наконец подтвердил он.

— В этом приказе стоит имя Ранбер, — мрачно сообщил лейтенант. — Дата проставлена карандашом, а все остальное написано чернилами. Подпись ответственного офицера смазана. Она абсолютно неразборчива. Что ты можешь сказать на это?

Танцующий С Волками слышал подозрение в голосе лейтенанта. Становилось ясно, что эти люди не верили ему.

— Эти приказы были даны мне в форте Хэйс, — ровно сказал он.

Лицо лейтенанта сморщилось. На нем проступила гримаса неудовлетворенности.

— Прочтите журнал, — произнес Танцующий С Волками.

— Мы не нашли журнала, — ответил молодой офицер.

Танцующий С Волками внимательно наблюдал за ним, уверенный, что тот лжет.

Но лейтенант говорил правду.

Один из первой партии, которая раньше всех достигла Форта Сэдрик, нашел журнал. Он был неграмотный и назвал его для себя просто листочками. Солдат разодрал книжицу на части и спрятал ее под кителем, думая, что эти листочки могут сослужить хорошую службу в качестве туалетной бумаги. Этот боец имел кличку — за его полное отсутствие интереса к грамоте он был прозван Шитсом. Шитс узнал, что потерял некий журнал. Тот, о котором говорил дикий белый человек. Наверное, он должен был вернуть его. Он мог бы получить вознаграждение. Но, немного поразмыслив, Шитс решил, что ему могут сделать и выговор. Или еще хуже. Он однажды сидел на гауптвахте и за более незначительную повинность. В общем, журнал так и остался лежать спрятанным под его кителем.

— Мы хотим услышать от тебя настоящую причину твоего появления, — закончил лейтенант. Сейчас это становилось похоже на допрос. — Если ты тот, за кого себя выдаешь, почему тогда ты не в форме?

Танцующий с Волками уперся спиной в стену складской хижины.

— Что армия делала в то время, когда должна была находиться здесь? — поинтересовался он.

Майор снова пошептался с лейтенантом, и тот снова обратился к Данберу:

— У нас есть предписание вернуть захваченную собственность, включая белых военнопленных, появившихся в результате вражеского набега.

— Здесь не было набега и не было пленников, — солгал Танцующий С Волками.

— Мы убедимся в этом сами, — возразил лейтенант.

Офицеры снова начали шептаться, и на этот раз их беседа затянулась.

Наконец лейтенант прочистил горло:

— Мы дадим тебе шанс доказать свою преданность стране. Если ты поведешь нас в лагерь врагов и выступишь переводчиком, твой проступок будет забыт.

— Какой проступок?

— Твое предательство.

Танцующий С Волками улыбнулся:

— Вы думаете, я изменник?

Голос лейтенанта сердито повысился:

— Ты хочешь сотрудничать или нет?

— Вам нечего делать за пределами Форта и вообще на этой земле. Это все, что я могу сказать, — спокойно произнес Танцующий С Волками.

— Тогда у нас нет выбора. Ты будешь арестован. Ты можешь сидеть здесь и обдумывать ту ситуацию, в которую попал. Если ты решишь помочь нам, скажи сержанту Мэрфи, и тогда мы поговорим.

С этими словами майор и лейтенант покинули склад снаряжения. Сержант Уилсокс поручил двум солдатам встать у двери, и Танцующий С Волками был оставлен один.

IV

Трепыхающаяся Птица оттягивал выход колонны так долго, как только мог, но к раннему вечеру лагерь Десяти Медведей все-таки снялся и начал длинный переход, выбрав юго-западное направление.

Стоящая С Кулаком настаивала на том, что нужно подождать еще, что ее муж должен вот-вот появиться. Когда ее все же заставили идти вместе со всеми, с ней едва не случилась истерика.

Жены Брыкающей Птицы вынуждены были держать ее, пока она не взяла себя в руки.

Но не только Стоящая С Кулаком беспокоилась о Танцующем С Волками. Волновался весь лагерь. Совет, собранный в последнюю минуту, принял решение перед тем, как отправиться в путь: три молодых воина на лучших пони будут посланы на разведку в форт белых людей, чтобы выяснить, почему задерживается Танцующий С Волками.

V

Он сидел уже три часа, прогоняя боль со своего разбитого лица. Потом Танцующий С Волками сказал охранявшим его часовым, что ему надо облегчиться.

Когда он шел к скале, зажатым с двух сторон солдатами, он обнаружил, что отвергает в душе этих солдат и этот лагерь. Ему не нравилось, как они пахли. Звуки их голосов казались грубыми и резали его слух. Даже их походки и то, как они двигались, казалось грубым и неуклюжим.

Он помочился с края скалы, и два конвоира повели его назад. Он думал о побеге, когда фургон, груженный дровами, и трос солдат на нем, встретились на их пути. Фургон громыхал, направляясь в лагерь, но солдаты остановили его, немного не доехав.

Один из мужчин, сидящих в фургоне, приветливо обратился к своему другу, который оставался в лагере. Танцующий С Волками увидел высокого солдата, подходящего ближе к фургону. Тот, который сидел внутри, заулыбался своему товарищу.

Танцующий С Волками расслышал, как один из них сказал: «Посмотри, что мы привезли, а, Барни?»

Мужчина в фургоне подержал что-то в руке, а потом перевернул это на бок. Высокий, стоящий у колеса и заглядывающий внутрь, испуганно отшатнулся, когда тело волка со шлепком упало на землю у его ног. Это был Два Носка.

Люди выскочили из фургона. Они посмеивались над высоким солдатом, который попятился от мертвого волка.

Один из дровосеков осклабился:

— Большой... Да, Барни?

Двое других подняли Два Носка с земли. Один взял его за голову, а второй за задние лапы. Потом, сопровождаемые смехом остальных солдат, они начали гонять долговязого по двору, пугая его волком.

Танцующий С Волками упал на землю так быстро, что никто не шевельнулся, пока он не подобрался к солдатам, таскающим Два Носка. Коротким ударом он сбил одного из них, и тот отключился.

Он прыгнул за вторым и повалил его на землю, когда солдат пытался убежать. Данбер все-таки поймал его и сомкнул руки на горле противника. Лицо мужчины побагровело, и Танцующий С Волками увидел, как начали закатываться глаза солдата, как вдруг что-то ударило его в затылок и темная завеса снова опустилась над ним.

Когда он пришел в сознание, на улице уже наступили сумерки. Его голова так сильно ныла, а

кровь пульсировала в висках, что он сначала ничего не заметил. Он только слышал легкий шум, когда шевелился. Потом он почувствовал холодный металл. Его руки были связаны вместе. Он пошевелил ногами. Они тоже оказались связаны.

Когда майор и лейтенант вернулись с новыми вопросами, он отвечал им с убийственным великолепием, свирепо глядя на их лица и посылая в них длинные плевки. Так делают дакоты, когда им наносят оскорбления. На любой их вопрос он отвечал на языке дакотов. В конце концов офицеры устали и оставили его в покое.

Поздно вечером, внушительных размеров сержант принес и поставил перед ним миску с жидкой кашей.

Танцующий С Волками отбросил ее связанными ногами далеко в сторону.

VI

Посланники Брыкающейся Птицы принесли ужасную весть ближе к полуночи.

Они насчитали более шестидесяти хорошо вооруженных солдат в Форте белых людей. Они видели убитую «оленью шкурку», лежащую на склоне холма. И перед самым наступлением темноты они видели, как Танцующего С Волками тащили на скалу у реки, а его руки и ноги были связаны.

Колонна немедленно изменила тактику. Они поделили вещи между собой и отправились в ночь — маленькими группами по дюжине человек и даже меньше. Группы разошлись в разных направлениях и должны были встретиться позже в зимнем лагере.

Десять Медведей знал, что все равно не сможет удержать их, а потому даже и не пытался. Отряд из двадцати воинов, в числе которых были Трепыхающаяся Птица, Каменный Теленок и Ветер В Волосах, покинул племя в течение часа, обещая не вступать в бой с врагом до тех пор, пока все участники не будут уверены в успехе.

VII

Майор Хэтч тоже принял решение этой ночью. Он не хотел быть обременен никакими трудностями, тем более этим белым полуиндейским человеком, сидящим у него под носом. Майор не был мечтателем и с первого мгновения он был поставлен в тупик и боялся непредсказуемого поведения своего узника.

Недальновидному офицеру не приходила в голову мысль о том, что он мог бы использовать Танцующего С Волками с большой выгодой как предмет сделки. Он хотел только одного — поскорее избавиться от заключенного. Присутствие такого рода проблем всегда раздражает командиров.

Отправка Данбера обратно в Форт Хэйс показалась майору Хэтчу блестящей идеей. Как заключенный, он мог бы стоять гораздо больше для майора возвращенный туда, а не содержащийся под стражей здесь. Захват ренегата поставит его в выгодное положение перед высшими чинами. Если они будут говорить об узнике, имя человека, взявшего его под арест будет непременно упоминаться при этом.

Майор задул лампу и с удовлетворенным вздохом накрылся одеялом. Он зевнул. «Все еще обернется самым лучшим способом», — подумал он. — Кампания не могла бы начаться лучше.

Они пришли к заключенному рано на следующее утро.

Сержант Мэрфи приказал двум солдатам поднять на ноги Танцующего С Волками и спросил майора:

— Нам надеть на него форму, сэр? Так сказать, немножко принарядить...

— Конечно, нет! — грубо оборвал его майор. — Давайте, живо тащите его в фургон.

Для этой поездки было выделено шесть человек: двое верхом впереди, двое верхом позади, один возничий и один охранник, который будет неотлучно находиться при узнике.

Они сразу взяли курс на восток, пересекая ровное пространство, так горячо любимое Танцующим С Волками. Но в это яркое октябрьское утро в его сердце не было любви. Он ничего не говорил своему сторожу, предпочитая просто лежать, вытянувшись на задней скамейке фургона. Цепи на его руках позвякивали, и он внимательно прислушивался к этому звуку, пока его острый, изобретательный ум перебирал оставшиеся возможности.

У него не было шанса одолеть весь эскорт. Он может убить одного, ну, возможно, двоих. А после этого остальные убьют его. И все же он пытался найти выход. Умереть в бою для него было не так уж плохо. Это будет лучше, чем поселиться в какой-нибудь мрачной тюрьме.

Каждый раз, когда мыслями он возвращался к ней, его сердце разрывалось на части. Как только се лицо начинало складываться в картинку в его голове, он заставлял себя думать о чем-нибудь другом. Так ему приходилось бороться с самим собой каждую минуту. Это была самая настоящая агония в последней своей стадии.

Он сомневался, что кто-нибудь сможет придти ему на выручку. Он знал, что они наверняка захотели бы это сделать, но не мог себе представить, как Десять Медведей поставит на карту безопасность всех своих соплеменников ради спасения единственного человека.

Танцующий С Волками и сам не сделал бы этого.

Но, с другой стороны, он чувствовал, ощущал уверенность, что они выслали разведчиков и что они сейчас знают о его чрезвычайно сложном положении. Если бы они оказались поблизости достаточно долгое время, чтобы заметить, как его увозят в фургоне, и что всего шесть человек охраняют его... Тогда, возможно, у него был бы шанс.

Утро набирало силу, постепенно переходя в полдень, и Танцующий С Волками думал и думал об этой идее. Это была его единственная надежда. Каждый раз, когда фургон замедлял ход, чтобы преодолеть подъем или накренился вниз, он задерживал дыхание, надеясь услышать свист стрелы.

К полудню он ничего подобного не услышал.

Они удалялись от реки уже очень долго, а она снова возникла впереди. В поисках брода они прошли с четверть мили, пока, наконец, солдаты, идущие первыми, не обнаружили хорошо заметную бизонью тропу. Животные здесь пересекали реку не один раз.

В этом месте течение было не быстрым, но камни на берегу были исключительно велики. Достаточно велики для того, чтобы устроить за ними засаду. Когда фургон накренился,

приближаясь к воде, Танцующий с Волками раскрыл глаза и насторожился.

Сержант, возглавлявший всю группу, крикнул возничему, чтобы тот не трогал фургон с места до тех пор, пока они не войдут в реку. И он стоял, ожидая, когда сержант и остальные переправятся. Целую минуту, а то и две, они исследовали камни. Потом сержант поднял руку вверх и велел фургону трогаться.

Танцующий с Волками сжал руки в кулаки и весь подобрался. Он не мог ничего видеть и слышать.

Но он знал, что они здесь.

Он сорвался с места при звуке первой стрелы. Намного быстрее, чем охранник в фургоне, который все еще сжимал в руках ружье. Танцующий с Волками обвил цепью, сковывающей его руки, шею мужчины.

Винтовочный выстрел грохнул за его спиной, и он рывком дернул цепь, чувствуя пустоту под ней, как будто горло солдата провалилось внутрь.

Уголком глаза он заметил сержанта, падающего со своей лошади. Из его спины торчало оперение стрелы. Возничий отпрыгнул в сторону. Он стоял по колено в воде, стреляя из пистолета. Пули шли вразлет.

Танцующий с Волками прыгнул на него сверху, и они покатались в воде, барахтаясь и поднимая тучи брызг. Данбер постарался избавиться от своего врага, используя цепь, как двуручный кнут. Он бил ею по голове возничего, а солдат уворачивался, избегая ударов, но не выпуская жертву из своих объятий. Наконец он обессилел от борьбы не только с человеком, но и с течением. Движения его замедлились, а Танцующий с Волками бил и бил его до тех пор, пока не заметил, что вода окрасилась кровью.

Ниже по течению послышалось гортанное ликующее завывание. Танцующий с Волками на секунду поднял голову, чтобы увидеть последнего бойца армии Соединенных Штатов, пытающегося сбежать. Он, должно быть, был ранен, потому что слишком нетвердо держался в седле.

Ветер в Волосах был как раз позади беглеца. Когда их лошади поравнялись, Танцующий с Волками услышал глухой звук от удара томагавком. Это Ветер в Волосах проломил солдату голову.

А за спиной Данбера стояла тишина. И когда он обернулся, то увидел мужчин, раньше замыкавших шествие, а сейчас мертвых, распластанных в воде. Несколько воинов тыкали пиками в мертвые тела, и сердце Танцующего с Волками переполнило радость, когда в одном из индейцев он узнал Каменного Теленка.

Чьи-то руки сгребли его за плечи, и он столкнулся лицом к лицу с Трепыхающейся Птицей.

— Какой великолепный бой! — пропел шаман. — Мы так легко разделались с ними со всеми, а у нас нет даже раненых.

— Я убил двоих, — выкрикнул в ответ Танцующий с Волками. Он поднял свои скованные руки над головой и добавил: — Этим вот!

Спасательный отряд не терял больше времени. После беглого поиска они нашли ключи от

наручников на теле мертвого сержанта.

А затем они вскочили на своих пони и умчались прочь, выбрав такой путь, который огибал на много миль к югу и западу Форт Сэдрик.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

I

Обстоятельства сложились очень удачно, и тонкий слой — всего с дюйм толщиной — раннего, неожиданного снега скрыл все следы спасающихся бегством людей из лагеря Десяти Медведей.

Каждый из дакотов замечательно справился с долгой дорогой, и спустя шесть дней разрозненные группы соединились у основания гигантского каньона, который должен был стать их зимним домом на несколько месяцев.

Это место было связано с историей дакотов и носило подходящее имя: Поступь Великого Духа. Каньон тянулся на многие мили и был во многих местах в милю шириной. Некоторые из его отвесных стен поднимались на полмили вверх от подножия. Они проводили здесь зимние месяцы столько раз, сколько большинство жителей могли припомнить. Это было хорошее место, снабжающее пищей и водой людей и пони и служащее защитой от метелей, которые кружили над вершинами каньона всю зиму. И это место было также вне пределов досягаемости и врагов.

Другие племена тоже проводили здесь зиму, и они искренне радовались, встречаясь друг с другом как старые друзья и родственники в первый раз после длинного лета.

Несмотря на то, что лагерь Десяти Медведей снова воссоединился, они продолжали находиться в тревожном ожидании. Люди были не способны расслабиться и отдохнуть, пока не станет известна судьба спасательного отряда. Ближе к полудню — на следующий после возвращения день — группа разведчиков ворвалась с новостями в лагерь. Отряд спасателей появился в поле зрения на тропе, и Танцующий С Волками был среди них.

Стоящая С Кулаком выскочила на тропу, опередив всех остальных. Она бежала и плакала, а когда наконец увидела всадников, цепочкой растянувшихся по тропе на вершине каньона, она закричала, зовя Танцующего С Волками.

Она не переставала произносить его имя, пока не упала в его объятия.

II

Ранний снег был прелюдией к ужасной пурге, которая разыгралась этим вечером.

Люди не отходили далеко от своих вигвамов следующие два дня.

Танцующий С Волками и Стоящая С Кулаком почти никого не видели.

Трепыхающаяся Птица сделал все возможное, чтобы лицо Танцующего С Волками пришло в норму. Он снял опухоль и старался теперь ускорить выздоровление при помощи целебных трав. С хрупкой, раздробленной костью скулы ничего нельзя было сделать, и она была оставлена заживать сама по себе.

Танцующего С Волками совсем не интересовала его травма. Труднее было другое, и он как мог боролся с этим. Ему не хотелось никого видеть.

Он разговаривал только с Стоящей С Кулаком, но и их беседы были немногословны. Большую часть времени он проводил лежа в хижине как больной человек. Она ложилась рядом, спрашивая, что с ним происходит, и ожидая, что он скажет ей об этом, когда захочет.

Метель продолжалась уже третий день, когда Танцующий с Волками отправился в одиночестве на прогулку. Она была долгой. По возвращении, он усадил жену рядом с собой и рассказал ей о своем непреклонном решении.

Женщина отвернулась от него и сидела почти час, молча глядя в одну точку.

Наконец она произнесла:

— Это должно было случиться?

Ее глаза наполнились слезами и блестели в полумраке. Она была печальна.

Танцующий С Волками тоже был расстроен.

— Да, — ответил он тихо.

Она горестно вздохнула, загоня слезы обратно, вглубь своих необыкновенных глаз.

— Тогда это случится.

III

Танцующий С Волками попросил собрать Совет. Он хотел говорить со старым вождем. Он также просил, чтобы присутствовали Трепыхающаяся Птица, Ветер в Волосах, Каменный Теленок и любой другой, кого Десять Медведей пожелает вызвать.

Они встретились следующей ночью. Пурга почти улеглась, и все находились в хорошем расположении духа. Они ели, курили и воодушевленно рассказывали историю о сражении на реке и о спасении Танцующего С Волками. Этим они занимались всегда перед Советом.

Танцующий С Волками переживал этот ритуал с добрым юмором. Он был счастлив находиться среди друзей.

Когда разговор наконец начал заполняться все большими паузами, он решился начать:

— Я хочу сказать вам, что я думаю, — произнес он, и Совет официально был открыт.

Мужчины знали: что-то важное произойдет сейчас, а потому все обратились вслух и усилили внимание. Десять Медведей повернул к говорящему свое лучше слышащее ухо в желании не пропустить ни одного слова.

— Я прожил среди вас не очень долго, но я чувствую всем сердцем, что это вся моя жизнь. Я горд тем, что я один из дакотов. Мне нравится образ жизни дакотов и я люблю каждого из вас, как если бы мы были одной крови. В моем сердце и душе я всегда буду с вами. Вы должны знать, как мне трудно произнести эти слова. Я говорю: — Я должен покинуть вас.

Вигвам наполнился бурными восклицаниями, каждый из присутствующих не мог поверить в

услышанное и злился. Ветер в Волосах вскочил на ноги и носился взад и вперед, размахивая руками в знак того, что это — дурацкая идея.

Танцующий С Волками терпеливо ждал, когда шум стихнет.

Он смотрел на огонь, и его руки спокойно лежали на коленях.

Десять Медведей поднял руку вверх и попросил мужчин замолчать. Хижину снова окутала тишина.

Ветер В Волосах все еще беспокойно вышагивал посреди вигвама, и Десять Медведей рявкнул на него:

— Иди и сядь сюда, Ветер В Волосах! Наш брат еще не закончил свою речь.

Нехотя индеец повиновался, и когда он сел, Танцующий С Волками продолжал:

— Убить тех белых солдат на реке было необходимо. Это сделало меня свободным и мое сердце было исполнено радости, когда я увидел моих братьев, спешащих мне на помощь.

Я совсем не был против того, чтобы те солдаты были убиты. Я был рад сделать это.

Но вы не знаете мысли белых людей так, как знаю их я. Солдаты считают, что я один из них, который оказался плохим. Они думают, что я предал их. В их глазах я изменник, потому что я выбрал жизнь среди вас. Мне все равно, правы они или нет, но я с уверенностью могу сказать, что они верят в то, что думают.

Белые люди пожелают убить предателя задолго до того, как начнут войну с другими. По их мнению, предателей нужно расстреливать в первую очередь, потому что для них предатель — самый худший солдат, какой только может быть. Они мысленно уже убили меня. Еще до того, как смогли найти. И они так легко не откажутся от своих намерений.

Когда они найдут меня, они найдут и вас. Они захотят повесить меня и пожелают сделать то же самое и с вами. Может быть, они накажут вас даже после того, как я уйду. Я не знаю.

Если бы здесь были только мы, я мог бы остаться. Но здесь не только мы — мужчины. Здесь ваши жены и ваши дети, здесь ваши друзья. Все эти люди могут быть уничтожены.

Они не могут искать меня среди вас. Это так. Поэтому я должен уйти. Я сказал об этом Стоящей С Кулаком, и мы уйдем вместе.

Долгое молчание воцарилось после слов Танцующего С Волками. Все знали, что он прав, но никто не знал, что на это ответить.

— Куда вы пойдете? — спросил, наконец, Трепыхающаяся Птица.

— Я не знаю. Далеко. Далеко от этой земли.

И снова тишина. Она становилась невыносимой, и в этот момент Десять Медведей слегка кашлянул.

— Ты хорошо говорил. Танцующий С Волками. Твое имя будет жить в сердцах наших людей столько, сколько будут жить дакоты. Мы будем следить, чтобы было так. Когда ты отправишься в путь?

— Когда кончится метель, — тихо произнес Танцующий С Волками.

— Метель кончится завтра, — сказал Десять Медведей. — Я сейчас мы должны идти спать.

IV

Десять Медведей был экстраординарным человеком.

Он подмечал странности в долговечности равнин, и с каждым следующим периодом своей жизни старик откладывал в тайник своей памяти полученные знания. Эти знания росли и копились, пока наконец не начали повторять сами себя. На закате своего жизненного пути Десять Медведей достиг вершины... Он стал человеком мудрости.

Старческие глаза ослабли, но и сквозь туман они видели с ясностью, какой не мог похвалиться никто иной, даже Трепыхающаяся Птица. Слух вождя притупился, но каким-то образом звуки, которые нельзя было пропустить, достигали его ушей. Позднее начали случаться самые необыкновенные вещи. Не доверяя тому, что начинало сейчас происходить, Десять Медведей действительно начал чувствовать жизнь своих людей. С детства он был наделен особой проницательностью, но новое ощущение было гораздо большим. Он заметил это за собой, и вместо того, чтобы чувствовать себя старым и ненужным, вождь был ободрен силой и необыкновенной энергией, которые вдруг наполнили все его существо.

Но сила, копившаяся в нем так долго и казавшаяся такой нерушимой, вдруг куда-то исчезла. Целых два дня после Совета, на котором говорил Танцующий С Волками, вождь сидел в своем вигваме и курил, думая, что это происходило не так.

«Метель завтра кончится».

Эти слова не были продуманы. Они возникли в его голове даже без подсказки, сорвались с кончика языка, будто помещенные туда самим Великим Духом.

Но метель не прекращалась. Пурга набирала силу. К концу второго дня сугробы поднялись на несколько футов, почти скрыв стены вигвамов. И они росли с каждым часом. Десять Медведей ощущал их, растущих дюйм за дюймом за стенами его собственной хижины.

У него пропал аппетит, и старик игнорировал все, кроме трубки и огня. Он тратил каждую минуту бодрствования на созерцание языков пламени, непрерывно ведущих свою игру в центре его дома. Он умолял Великого Духа проявить жалость к старику и дать ему еще одну, последнюю крупицу понимания, но тут Великий Дух ничем не мог ему помочь.

В конце концов Десять Медведей начал думать о своей ошибке и расчетах. Он начал думать о том, что это был признак окончания его жизни. Это стало явным только тогда, когда он целиком отдался этой идее и начал репетировать песню смерти. В этот момент произошло нечто фантастическое.

Старая женщина, жена Десяти Медведей, прожившая с вождем все эти годы, увидела, как муж поднялся от очага, накинул на плечи одеяло и направился к дверям хижины. Она спросила, куда он собирается, но Десять Медведей не удостоил ее ответом.

На самом деле он даже не слышал ее. Он прислушался к голосу, который звучал в его голове. Голос произносил единственное предложение, и Десять Медведей слушал его команду.

Голос твердил: «Иди в вигвам Танцующего С Волками».

Не обращая внимания на прилагаемые усилия, Десять Медведей пробирался сквозь сугробы. Когда он достиг наконец вигвама на краю лагеря, он заколебался, прежде чем постучаться.

Вокруг никого не было. Снег падал большими хлопьями, мокрыми и тяжелыми. Пока Десять Медведей стоял в раздумьях, ему в голову пришла мысль, что он слышит снег, слышит, как каждая крупинка касается земли. Звук был небесный, и, стоя в небесном воздухе, Десять Медведей почувствовал головокружение. Несколько секунд он думал, что уплывает в никуда.

Прокричал ястреб, и когда индеец взглянул на птицу, он увидел наверху клубящуюся струйку дыма, поднимающуюся из дыры на верхушке вигвама Танцующего С Волками. Вождь стряхнул снег с ресниц, моргнув несколько раз, и поскреб полог на двери.

Когда полог откинулся, плотная стена тепла встала навстречу гостю. Тепло окутало старика, увлекло его мимо Танцующего С Волками и ввело в хижину, похожее на живое существо. Старый индеец стоял в центре вигвама и чувствовал, как его голова снова начинает кружиться. Теперь это происходило от смены ощущений, и старику понадобилось время, чтобы пройти путь от наружного холода к внутреннему теплу. В этом Десять Медведей нашел причину своей ошибки. Но это была не его ошибка. Ее сделал кто-то другой и исчез, оставшись незамеченным. Десять Медведей просто был озадачен ошибкой, когда сказал: «Метель кончится завтра».

Снег был прав. Старик должен был бы послушаться снега. Десять Медведей улыбнулся и вскинул голову. Как это было просто! Как он мог пропустить это? «Мне еще есть чему поучиться», — думал он.

Человек, который наводил ужас, сейчас стоял с ним рядом, но Десять Медведей не чувствовал злости на Танцующего С Волками. Он только улыбнулся, глядя на недоумение, отразившееся на лице молодого человека.

Танцующий С Волками обнаружил, что его язык способен выговорить:

— Пожалуйста... Садись к моему очагу.

Когда Десять Медведей сел, он осмотрел внутреннее убранство хижины и убедился в том, о чем ему говорило его головокружение.

Это был счастливый, хорошо устроенный, уютный дом. Он расправил свое одеяло, подпуская тепло от огня поближе к своим старым костям.

— Хороший огонь, — сказал старик дружелюбно. — В мои годы хороший огонь лучше, чем что-либо еще.

Стоящая С Кулаком поставила горшочки с едой рядом с мужчинами, а потом вернулась на свою половину в дальнем углу вигвама. Там она принялась за шитье. Но женщина настороженно прислушивалась к разговору, который вот-вот должен был начаться.

Мужчины некоторое время ели молча. Десять Медведей тщательно пережевывал пищу. Наконец он отодвинул горшочек в сторону и легко кашлянул.

— Я думал с того времени, когда ты говорил в моем вигваме. Мне было интересно, как бьется твое жестокое сердце и я захотел увидеть это.

Вождь еще раз обежал взглядом хижину. Потом он сердито посмотрел на Танцующего С

Волками.

— Это место не кажется бессердечным.

— Уфф, нет... — выдохнул Танцующий С Волками. — Да, мы счастливы здесь.

Десять Медведей улыбнулся и кивнул головой.

— Именно так я и думал.

Над мужчинами повисла тишина. Десять Медведей смотрел на пламя, и его глаза постепенно закрывались. Танцующий С Волками вежливо ждал, не зная, что делать. Может, ему нужно спросить, не хочет ли старик прилечь? Он пробирался сюда по глубокому снегу. Но в следующий момент Танцующий С Волками решил, что уже поздно говорить об этом. Его важный гость, кажется, уже задремал.

Десять Медведей неожиданно очнулся и заговорил, но речь его была так неестественна, что, казалось, он говорит во сне.

— Я думал о том, что ты сказал... что ты сказал о причине, по которой хочешь уйти от нас, — пробормотал старый индеец.

Внезапно его глаза раскрылись, и Танцующий С Волками поразился, какими ясными и блестящими они были. Они мерцали, как звезды.

— Ты можешь оставить нас, когда захочешь... но не по этой причине. Это неправильная причина. Все усатые в мире белые солдаты могут обыскать наш лагерь и ни один из них не найдет того человека, которого они будут искать. Человека, похожего на них цветом кожи, который называет себя Меткий Глаз.

Десять Медведей мягко развел руками и его голос задрожал от веселья.

— Того, кого зовут Меткий Глаз, нет здесь. В этом типе они смогут найти только воина дакота, хорошего воина дакота и его жену.

Танцующий С Волками позволил словам отзвучать до конца. Он через плечо взглянул на Стоящую С Кулаком и заметил улыбку на ее лице, но она не смотрела на мужа. И Танцующему С Волками нечего было возразить.

Когда он повернулся к старому вождю, Десять Медведей сосредоточенно смотрел на почти законченную трубку, которой не доставало только мундштука. Старейшина костлявым пальцем ткнул в предмет, вызвавший у него интерес.

— Ты делаешь трубку, Танцующий С Волками?

— Да, — ответил молодой человек.

Десять Медведей протянул руку, и Танцующий С Волками вложил в нее трубку. Старик поднес ее поближе к лицу, пробежавшись глазами вверх и вниз по всей длине.

— Это может быть хорошая, красивая трубка... Как она курится?

— Я не знаю, — ответил Танцующий С Волками. — Я еще не пробовал се курить.

— Давай пока покурим, — произнес Десять Медведей, возвращая трубку. — Мне нравится так проводить время.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Эта зима выдалась суровой, и люди оставались в вигвамах, сидя под одеялами. Исключая охотничьи вылазки, дакоты редко покидали свои жилища. Люди так много времени проводили у своих очагов, что этот сезон стал впоследствии назван «Зима Многих Трубок».

К весне каждый так соскучился по движению, что с первыми ломками льда они уже вышли на тропу.

В этом году был построен новый лагерь, далеко от прежнего, находящегося поблизости от Форта Сэдрик. Новое место было ничуть не хуже. Здесь было много травы для пони. Бизоны снова пришли тысячами, и охота была удачной. Всего несколько мужчин получили легкие травмы. Поздним летом родилось много детей, больше, чем большинство индейцев могли припомнить на своем веку.

Они находились в стороне от больших дорог, где еще не появлялись белые люди. Им встретилось только несколько мексиканцев-торговцев. Это делало людей счастливыми. Они почти не испытывали беспокойства.

Но человеческий поток, тот, который нельзя ни увидеть, ни услышать, поднимался на востоке. И скоро он мог достичь их. Добрые времена этого лета были последними, которые им остались.

Их время вышло, а скоро должно было кончиться навсегда.